

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2017 г., том 24, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Нефедов С.А. Суэта вокруг революции	5
Шиловский М.В. Первая неделя Февральской революции в Сибири (3–10 марта 1917 г.)	13
Сафонов Д.А. Провинция в Февральской революции.	20
Голубинов Я.А. Наблюдая революцию: Британский отдел военного снабжения генерала Пуля в России в 1917 — начале 1918 г.	26

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как организатор науки (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)	32
Сыдыков Е.Б., Кабулдинов З.Е. Выделение Российской империей Кулундинской степи для кочевания казахов Тобольской и Томской губерний (1880 г.)	40
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Мамкина И.Н. Программа развития школьной сети Азиатской России в проектах Комитета Сибирской железной дороги	45
Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Влияние монгольского «соседства» на формирование экономического пространства Западного Забайкалья (1910–1920-е гг.)	50
Красильникова Е.И. Формирование системы мест памяти, связанных с событиями Революции и Гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.)	55
Килин А.П. Информационные сводки окружных отделов ОГПУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории ранне-советского общества.	60
Михеев М.В. Урал в системе межрегиональной конкуренции в период сталинизма (1930–1940-е гг.)	66
Ильиных В.А., Пивоваров Н.Ю. Зерновая проблема в СССР в начале 1980-х гг. (Записка Л.И. Брежнева от 28 августа 1982 г. по вопросам развития зернового хозяйства)	73
Чувилова И.В. Актуализация историко-культурного наследия и сохранение идентичности: музейные решения	81
Жетпымбаев С.К. Этнокультурные объединения в Республике Казахстан и их роль в консолидации гражданского общества	86
Глушковский П., Туманик Е.Н. Профессор Виктория Сливовская: творческий путь ученого (к 85-летию со дня рождения)	91

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Каменецкий И.П. Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.)	98
Тулякова Е.И. Детская домашняя библиотека в дореволюционном Томске как источник изучения читателя (на материале домашней библиотеки В. Ефимова, конец XIX – начало XX в.)	103
Никулин Д.О. Дисциплинарные и иные проступки личного состава 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка) в годы Первой мировой войны	108
Куперштох Н.А. Международный опыт в изучении форм освоения наследия Евразии. Рец. на кн.: Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сборник научных статей / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. – Барнаул, Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА»; Ин-т истории СО РАН, 2016. 204 с.	113
Шляхтина Л.М. Музей в социокультурном познании как ресурс развития исторической науки. [Рец. на кн.: Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. стат. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.]	115
Международная научная конференция «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)	117
50 лет строительной индустрии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Всероссийская научная конференция «Сибирские строители: события и судьбы»	122
Памяти Е.И. Соловьевой	124

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 27.03.17. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 84.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2017, vol. 24, N 1

CONTENTS

TO THE 100-YEAR ANNIVERSARY OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Nefedov S. A. Fuss about the revolution	5
Shilovsky M. V. The first week of the February revolution in Siberia (March 3-10, 1917)	13
Safonov D. A. Province in the February revolution	20
Golubinov Ya. A. Observing the revolution: General Pool's British Military Equipment section in Russia in 1917 — early 1918	26

PROBLEMS OF HISTORY

Zolnikova N. D. Nikolai Nikolayevich Pokrovsky as Organizer of Science (Second half of 1960s – 1980s)	32
Sydykov E. B., Kabuldinov Z. E. Allocating the Kulunda Steppe for the nomadic Kazakhs of Tobolsk and Tomsk Provinces by the Russian Empire (1880)	40
Dameshek L. M., Dameshek I. L., Mamkin I. N. The program to develop a school network in Asian Russia in the projects of the Siberian Railway Committee	45
Kalmina L. V., Plekhanov, A. M. The impact of Mongolian “neighborhood” on the formation of economic space in Western Transbaikalia (1910s - 1920s)	50
Krasilnikova E. I. Forming the system of memorial places related to the events of Revolutions and Civil War in Western Siberia (1920s)	55
Kilin A. P. Information reports of District Departments of OGPU of the Ural region for 1924 as a source on history of the early Soviet society	60
Mikheev M. V. The Ural in a system of interregional competition in the Stalinist period (1930s–1940s)	66
Ilyinykh V. A., Pivovarov N. Yu. The Grain Problem in the USSR in the early 1980s (Leonid Brezhnev memorandum dated August 28, 1982 on the agriculture development)	73
Chuvilova I. V. Actualization of the historical-cultural heritage and preserving identity: museum solutions	81
Zhetpysbayev S. K. Ethnic-cultural associations in Kazakhstan and their role in the civil society consolidation	86
Glushkovsky P., Tumanik E.N. Professor Victoria Slivovskaya: career of the scientist (for the 85 anniversary of the birth)	91

INFORMATION, SCIENTIFIC LIFE

Kamenetsky I. P. Commanders of the Siberian fortified defense lines and their official activity (1744-1819)	98
Tulyakova E. I. Children home library in pre-revolutionary Tomsk as a source for the reader study (on the materials of the home library of V. Efimov, late XIX – early XX centuries)	103
Nikulin D. O. The disciplinary and other violations of the personnel of the 38th Siberian Rifle reserve battalion (regiment) during the years of the First World War	108
Kupershtokh N. A. The international experience in studying forms of the Eurasian heritage development. Book review: Science, education, museums: the heritage development forms: sci. papers collection / eds. V. A. Lamin, O. N. Truevtseva, O. N. Shelegina. Barnaul, Novosibirsk, “Triada”, 2016. 204 p.	113
Shlyakhtina L. M. Book review: The role of museums in the information support of historical science: papers collection / auth.-comp. E. A. Vorontsova; eds. L. I. Borodkin, A. D. Yanovsky. Moscow: “Eterna”, 2015. 752 p.	115
International scientific conference “Asian Russia: problems of socio-economic, demographic and cultural development (XVII-XXI centuries.)”. Novosibirsk, November 28-29, 2016.	117
The 50th anniversary of the West Siberian oil-gas complex building sector. Scientific conference “Siberian builders: events and destinies”	122
In memory of Ekaterina Ivanovna Solovyeva	124

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

DOI: 10.15372/HSS20170101
УДК [303.446.4:330.12] (470+571)

С.А. НЕФЕДОВ

СУЕТА ВОКРУГ РЕВОЛЮЦИИ

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Была ли Русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен экономическими причинами? Традиционный ответ на данный вопрос гласит, что революция была вызвана низким уровнем жизни, бедностью и постоянно повторявшимися случаями голода. Однако в 1970-х гг. в обстановке «холодной войны» в США появилась «ревизионистская школа», представители которой утверждали, что жизненный уровень в России повышался, а революция была случайностью. Настоящая статья посвящена критике работ ревизионистской школы, в частности, работ П. Грегори и Б.Н. Миронова. Основным аргументом Б.Н. Миронова является якобы зафиксированное его подсчетами увеличение роста новобранцев в 1874–1913 гг. Однако в его вычислениях обнаружена ошибка, причем оказалось, что в действительности рост рекрутов снижался.

Ключевые слова: причины русской революции, уровень потребления, ревизионистская школа, П. Грегори, Б.Н. Миронов, антропометрические данные.

S.A. NEFEDOV

FUSS ABOUT THE REVOLUTION

Institute of History and Archaeology UB RAS,
16, S. Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620990, Russia

Was the Russian revolution at the beginning of the XX century an accident or did the crisis occur due to economic reasons? The traditional answer to this question states that the revolution was caused by the low living standard, poverty and constantly repeated hunger strikes. Peasant land scarcity and poverty were described by the greatest economists of the pre-revolutionary period. Soviet historians also considered the level of consumption in Russia to be extremely low, and, moreover, gradually dropping. Such position was originally inherent also to Western historiography, but in the 1970s, in the “cold war” climate a “revisionist school” appeared in the United States, whose representatives argued that the standard of living in Russia had been increasing, that the revolution was an accident.

The article is devoted to criticism of the revisionist school works. The most famous representative of this school is P. Gregory, who estimated that the cost of grain left by farmers for their own consumption, increased by 51 % in 1885–1901. This result is referred to by many authors. However, the detailed analysis shows that in Gregory’s calculations there are a number of mistakes and in fact the growth was only 12 %, and in per capita terms there was a decrease of this indicator.

Сергей Александрович Нефедов – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии ИИА УрО РАН, e-mail: iia-history@mail.ru.

Sergey A. Nefedov – doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of history and archaeology UB RAS.

The largest revisionist school representative in Russia is B.N. Mironov, who made an attempt to assess the level of food consumption at the beginning of the XX century. In addition to these calculations, the main Mironov's argument is supposedly fixed by his computations increase of recruits in 1874–1913 years. However, in these Mironov's calculations also a mistake was detected, and it turned out that in reality the growth of recruits decreased.

Thus, the works of the revisionist school representatives do not give an adequate idea of the living standard in Russia on the eve of the revolution.

Key words: Causes of the Russian revolution, the level of consumption, the revisionist school, P. Gregory, B.N. Mironov, anthropometric data.

Была ли Русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен экономическими причинами? Традиционный ответ на этот вопрос сводится к тому, что революция была вызвана низким уровнем жизни, бедностью, обнищанием народных масс. О крестьянском малоземелье и нищете писали крупнейшие экономисты предреволюционного периода. «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян...», — признает Б.Н. Миронов, — получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX — начала XX в.: И.И. Игнатович, А.А. Кауфмана, П.И. Лященко, Н.М. Покровского, Н.Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других, включая, конечно, В.И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» [1, с. 31–32]. Советские историки, так же как и дореволюционные экономисты, считали уровень потребления в России крайне низким, и притом постепенно понижавшимся. Такая позиция первоначально была свойственна и западной историографии.

До 1970-х гг. причину революции видели в ухудшении положения народных масс, и прежде всего крестьянства, а главной причиной оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли [1, с. 47–48]. Но в 1967 г. один из апостолов «холодной войны» Джордж Кеннан (по образованию историк-русист) призвал западных историков к ревизии устоявшихся взглядов с тем, чтобы показать достижения царского самодержавия, успехи российской экономики и случайный характер революции [2, с. 26]. В 1974 г. был основан так называемый Институт Кеннана (Kennan Institute for Advanced Russian Studies), который организовал работы в соответствующем направлении. Гранты «Института Кеннана» получали многие видные историки, например, П. Грегори, Д. Филд, П. Гатрелл, М. Конфино, Т. Хасегава, С. Уиткрофт. В своих работах эти исследователи старались показать, что российская экономика находилась на пути поступательного развития и уровень потребления народных масс увеличивался. Таким образом, в западной историографии постепенно сформировалось ревизионистское направление, к которому вскоре примкнули и некоторые российские историки, в частности, стажировавшийся в 1992–1993 гг. в Институте Кеннана Б.Н. Миронов¹ [3].

Многие историки ревизионистского направления писали в первую очередь о бурном промышленном

развитии России, поскольку эта отрасль экономики развивалась быстрее, чем сельское хозяйство. Именно на эти работы прежде всего обратили внимание российские специалисты, и Ю.А. Бокаревым было показано, что исчисленные американскими исследователями темпы роста российской промышленности намного превышали реальные показатели [3]. Среди исследований ревизионистского направления следует особо выделить монографию П. Грегори, которая была переведена в России и на которую ссылаются многие исследователи, в том числе российские [4]. П. Грегори рассчитал темпы роста не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве — в том числе уровень потребления крестьян, составлявших в то время подавляющее большинство населения. В связи с этим особенно часто цитируется следующий результат П. Грегори: «Между 1885–1889 и 1897–1901 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51 %, тогда как сельское население увеличилось на 17 %. Таким образом, потребление зерна в крестьянском хозяйстве росло в три раза быстрее, чем сельское население» [5, с. 36]. Данное утверждение является опорным для всей ревизионистской теории, поэтому следует более подробно остановиться на методе, с помощью которого получен данный опрокидывающий предшествующие представления вывод.

Используемый П. Грегори метод подробно описан в его работе 1980 г., которая еще не становилась объектом внимания российских историков [5]. В отличие от других исследователей П. Грегори попытался определить объем зерна, оставлявшегося крестьянами для собственного потребления в пищу, причем не в весовых, а в стоимостных единицах. П. Грегори предполагал, что в указанный «продовольственный» объем входили пшеница, рожь, ячмень, а весь овес (а также все остальные зерновые) расходовался на фураж. Это, конечно, неверно, так как большая часть овса употреблялась и в пищу, а часть ржаной муки, напротив, использовалась на фураж — в качестве «посыпки» при кормлении скота соломой. По оценке Министерства продовольствия (1917 г.), на голову скота в черноземной полосе расходовалось 4,9 пуда овса и 6,1 пуда посыпки в год, т.е. основную часть зернового фуража составляла именно посыпка [6, с. 24–25]. На фураж использовалась и большая часть картофеля, который П. Грегори считает исключительно пищевой культурой. Сколько именно разных видов зерна расходовалось на фураж в 1885–1889 и 1897–1901 гг., определить невозможно; очевидно лишь то, что в связи с распашкой пастбищ доля фуражного зерна

¹ Архив исследовательских проектов Института Кеннана. URL: <https://www.wilsoncenter.org/person/boris-n-mironov> (дата обращения: 16.01.2017).

и картофеля возрастала. Получается, что выделяемый П. Грегори объем зерна – это отнюдь не объем «продовольственного зерна», а некая чисто условная категория. При этом урожай такого условного «продовольственного зерна» растет быстрее, чем урожай всех зерновых, так как производство не входящего в эту категорию овса росло медленнее, чем производство других культур.

Далее П. Грегори попытался определить объем указанной условной категории зерна, оставлявшийся в хозяйствах, исключив ту часть, которая поступала на рынок. Для этого американский исследователь использовал транспортную статистику. Однако статистика водных перевозок недоучитывала объем грузов не менее чем на четверть – притом недоучитывала в разные годы по-разному [7, с. 3–5]. Статистика гужевых перевозок в то время полностью отсутствовала, а между тем по некоторым данным объем гужевых перевозок в город был очень значителен. Таким образом, несовершенство транспортной статистики не позволяло определить реальный объем зерна, оставляемого в хозяйствах (в масштабах всей Европейской России).

На заключительном этапе вычислений П. Грегори перевел объем оставляемого в хозяйствах условно «продовольственного зерна» в деньги – как будто крестьяне потребляли в пищу не зерно, а ассигнации. Естественно, за счет освоения земель на степном юге урожаи пшеницы росли быстрее, чем урожаи ржи и овса в центральных районах. Поскольку цена пшеницы была выше, чем цена ржи и овса, это дало П. Грегори существенную прибавку при переходе от натуральных объемов к стоимостным. Как отмечалось выше, согласно П. Грегори стоимость зерна, «оставленного крестьянами для собственного потребления», возросла на 51 %, в натуральных же объемах, как видно из его вычислений, она увеличилась лишь на 35 % [5, с. 162].

Главное, однако, заключается в том, что П. Грегори сравнивал заведомо несопоставимые величины. В основе его вычислений лежали официальные данные Центрального статистического комитета (ЦСК) об урожаях в 1885–1889 и 1897–1901 гг. Эти данные не сопоставимы, так как в промежуток между этими датами, – в 1893 г., – были изменены методы определения урожайности, в результате чего, как указывает Д.И. Иванцов, урожайность формально повысилась не менее, чем на 10 % [8, с. 75]. Следовательно, реальная урожайность в 1885–1889 гг. была, по крайней мере, на 10 % больше, чем в расчетах П. Грегори. Кроме того, при исчислении урожаев за эти годы использовались данные о посевных площадях 1881 г., в то время как в действительности в 1887 г. посевные площади были на 5 % больше [9, с. 203]. Таким образом, валовой урожай в 1885–1889 гг. был, по крайней мере, на 16 % больше, чем у П. Грегори. Таким образом, объем чистого сбора, указанный у П. Грегори [5, с. 162], нужно увеличить на 16 %. Поскольку объем продаж оставался прежним, то натуральный объем

условно «продовольственного зерна» для собственного потребления в 1885–1889 гг. увеличится на 21 %. В итоге получится, что с 1885–1889 по 1897–1901 гг. этот объем вырос не на 35 %, а на 12 %, в то время как численность сельского населения увеличилась (по П. Грегори) на 19 %. То есть объем «оставляемого в хозяйствах зерна» в расчете на душу населения в действительности существенно уменьшился.

В целом наш анализ расчетов П. Грегори показывает, что его вывод о значительном увеличении потребления в конце XIX – начале XX в. был результатом жонглирования цифрами. Эту эквилибристику можно объяснить только политическим запросом на получение «нужного» результата – суею периода «холодной войны».

Грегори пытался оценить динамику потребления. Но каков был абсолютный уровень потребления? Попытка оценить этот уровень была предпринята другим сторонником ревизионистского направления – Б.Н. Мироновым.

Расчеты Б.Н. Миронова были опубликованы в 2008 г. в журнале «Уральский исторический вестник» [10]. Он построил хлебофуражный баланс: вычел из валового урожая расходы на семена, экспорт, армию, винокурение, товарный хлеб и получил продовольствие и фураж, оставшийся в деревне. Автор считал, что годовая норма расхода на фураж составляла 18 кг на душу, а норма потребления хлеба – 287 кг. Из его расчетов получалось, что в 1909–1913 гг. «индекс удовлетворения хлебом» составлял 124 %, т.е. за год в пищу потреблялось $287 \times 1,24 \approx 356$ кг на душу сельского населения [10, с. 94–95].

Однако, прежде всего, нужно заметить, что Миронов вводит поправку к официальным данным о среднем валовом сборе: он считает официальные данные заниженными и увеличивает их на «минимальную» поправку в 10 %. Вопрос о возможной заниженности данных ЦСК действительно дискутировался в начале XX в., но в 1926 г. появилась статья Н. Виноградовой, доказавшей, что «данные Центрального статистического комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено Н. Виноградовой. – С. Н.) [11, с. 90]. К этому же выводу позднее пришли известные английские эксперты С. Уиткрофт и Р. Девис [12]. Б.Н. Миронов аргументирует свою позицию следующим образом: «По мнению специалистов, губернаторские отчеты XIX – начала XX в. преуменьшали сборы хлебов на 10–20 %... Поскольку для всего XIX в. использованы данные губернаторских отчетов, то я внес в них *минимальную* (выделено Б.Н. Мироновым. – С. Н.) поправку, равную 10 %» [13, с. 127]. Однако в действительности для периода после 1883 г. Б.Н. Миронов использует не губернаторские отчеты, а данные ЦСК, в которые он тоже вносит 10 %-ную поправку. При этом Б.Н. Миронов признает значение результатов Н. Виноградовой, но считает, что «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные све-

дения» [10, с. 91]. То есть под сомнение ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать, и поскольку эти корреспонденты принадлежали по большей части к числу зажиточных хозяев, то их данные считались завышенными даже собиравшим их Министерством земледелия².

Таким образом, введенная Б.Н. Мироновым 10 %-ная поправка была произвольной и необоснованной. Однако в приведенном им расчете имеются и более грубые погрешности. Б.Н. Миронов принимал норму расхода на фураж в 18 кг зерна на душу сельского населения, в то время как Министерство продовольствия оценивало ее минимально в 8,1 пуда, т. е. в 132 кг на душу (1917 г.) [6, с. 24–25]. Когда в дискуссии на сайте «Клиодинамика» я указал Б.Н. Миронову на эту ошибку, он ответил, что в его расчетах все правильно, что, вводя норму в 18 кг, он даже преувеличивает расходы зерна на фураж [14, с. 123]. В итоге хлебофуражный баланс из «Уральского исторического вестника» в неизменном виде перекочевал в монографию Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» [1, с. 293].

После публикации монографии на несуразность нормы в 18 кг обратили внимание многие исследователи – в том числе такой известный специалист, как А.В. Островский [15]. Б.Н. Миронову пришлось как-то выходить из неудобного положения, и он заявил, что случилась «опечатка» [16, с. 138], что вместо «норма фуража» должно было быть напечатано «норма корма для птицы и сдачи в запасные хлебные магазины». Одновременно выяснилось, что пропали две строки в таблице, «норма фуража на душу сельского населения» (50 кг) и «норма хлеба на душу сельского населения» (237 кг). Эти удивительные «опечатки» были исправлены во втором издании [17, с. 237], однако исправление «опечаток» не помогло делу, так как новая норма фуража (50 кг) противоречила данным источников (132 кг), так же как и старая, что было сразу же замечено специалистами. В итоге Б.Н. Миронов исключил указанные расчеты из своей новой книги [18, 19, 20] заявив, что «мы располагаем *фактическими* (выделено Б.Н. Мироновым. – С. Н.) данными о производстве и расходовании зерновых и картофеля на все нужды» [16, с. 256], а раз так, то никакие расчеты не нужны.

Что представляют собой эти внезапно обнаруженные Б.Н. Мироновым «фактические данные»? Речь идет о данных 13 бюджетных обследований, проводившихся в 1886–1917 гг., материалы о них собраны в монографии С.А. Клепикова [21]. Данные этих обследований относятся к разным годам и обладают различной степенью достоверности. В них

содержалась информация о 4583 хозяйствах, причем 70 % обследованных хозяйств располагались в трех губерниях – Вятской, Тульской и Вологодской. Какое число хозяйств нужно обследовать, чтобы получить относительно достоверные данные? На основании анализа, проведенного методами математической статистики, ЦСУ СССР в 1925–1929 гг. считало необходимым обследовать 10–15 тыс. хозяйств *каждый год*, причем эти хозяйства должны распределяться по губерниям пропорционально численности населения, а выборка должна быть совершенно случайной, независимой от статистика [22, с. 45–54]. С учетом критериев ЦСУ СССР дореволюционные обследования заведомо не могли дать представление о состоянии питания в стране. Методику проведения обследований критиковали многие историки. Г. Робинсон и Н.Н. Корневская утверждали, что в выборке была преувеличена доля более состоятельных хозяйств, а при некоторых обследованиях, например, при костромском и вологодском, беспосевные хозяйства вообще не включались в выборку [23, р. 251; 24, с. 29–41]. Однако дело не только в этом, более важное значение имеет то обстоятельство, что обследования проводились в благополучные годы и не касались голодающих районов. Иногда статистики прямо признавали, что они исключали из обследования села, в которых был неурожай [24, с. 35].

Таким образом, бюджетные данные, приведенные в книге С.А. Клепикова, не являются репрезентативными и не могут использоваться при оценке уровня потребления. Тем не менее, Б.Н. Миронов берет их за основу своих дальнейших расчетов и, подсчитывая калорийность всего продуктового набора, получает, что она составляла 2952 ккал/сут. При этом потреблялось 17,8 пуда (292 кг) хлеба и картофеля (в пересчете на хлеб) [21, с. 35, 37], а на эти продукты приходилось 78 % общего числа калорий. В расчете на взрослого мужчину калорийность продуктового набора составляла 4133 ккал [20, с. 296]. «Таким образом, – заключает Б.Н. Миронов в своей новой книге, – в количественном отношении питание крестьянства в начале XX в. можно считать достаточным» [20, с. 299].

Б.Н. Миронов очень сдержанно оценивает свой сенсационный результат. Между тем из его вычислений следует, что по суточной калорийности уровень потребления сельского населения в России (2952 ккал) был выше, чем во Франции и в Дании [21, с. 25], и выше, чем в США в 1961 г. (2880 ккал)³, а также выше, чем в современной российской деревне (2800 ккал) [25, с. 86]. Оказывается, взрослый крестьянин потреблял калорий намного больше, чем рабочий в Чикаго и французский солдат [26, р. 82, 106].

«Когда я читал статью Б.Н. Миронова, – писал академик Б.В. Ананьич, – меня не покидала мысль, что это розыгрыш читателя, демонстрация искусства

² Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. Вып. 1. С. 81.

³ FAOSTAT: Food Balance Sheets. URL: <http://faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor> (дата обращения: 16.01.2017).

искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания...» [27, с. 613]. Тут надо пояснить, что Б.Н. Миронов постоянно ссылается на П. Грегори, а именно на его утверждение: «Стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51 %...» Пройдя стажировку в Институте Кеннана, Б.Н. Миронов, по-видимому, перенял не только идеи, но и методы американских историков ревизионистского направления. Это касается не только «искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала». Одним из методов западных историков является антропометрия – анализ изменений в потреблении на основе данных о росте и весе людей в различные периоды. Б.Н. Миронов попытался применить этот подход на российских материалах, и полученные им результаты были столь сенсационны, что журнал «Slavic Review» посвятил их публикации и обсуждению специальный номер [28].

Для изучения антропометрической динамики Б.Н. Миронов использовал данные о росте новобранцев, призванных на военную службу в 1874–1913 гг. Эти данные послужили основой для его расчетов, которые, как казалось, свидетельствовали о том, что средний рост новобранцев в указанный период значительно увеличился. Антропометрические расчеты Б.Н. Миронова произвели столь сильное впечатление на западную историческую общественность, что послужили основой для вывода о повышении уровня жизни в России, категорически сформулированного во втором томе «Кембриджской истории России» [29, р. 391]. В глазах Запада Б.Н. Миронов стал выдающимся российским историком, и на обсуждение его книг в Россию во множестве приезжали именитые западные историки.

Б.Н. Миронов продолжил свои антропометрические исследования в серии статей и в 2010 г. попытался их в своей 1000-страничной монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России» [1]. Издание книги было осуществлено при правительственной поддержке на средства Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям; затем книга была издана на английском и китайском языках, а через год появилось роскошное второе издание, признанное за полиграфическое исполнение «лучшей книгой года».

Книга вызвала большой интерес мировой исторической общественности – прежде всего в связи с присутствием в обсуждаемых проблемах очевидного политического аспекта. Известный специалист по исторической антропометрии Йорг Батен резюмировал: *«Борис Миронов написал выдающуюся книгу... Основной тезис Миронова заключается в отсутствии системного кризиса, который сопровождался бы снижением уровня жизни в конце XIX века (накануне русской революции), что этот период был довольно успешным периодом развития империи. Этот вопрос занимает центральное место в историографии, и он*

*имеет решающее влияние на сегодняшнюю политическую дискуссию: был ли кризис Российской империи обусловлен ее самодержавным строем, или же причиной был также низкий уровень жизни?»*⁴ (курсив мой. – С. Н.).

Однако в среде российских историков книга вызвала неоднозначную реакцию. При ее обсуждении на «круглом столе» в журнале «Российская история» западные историки энергично поддержали Б.Н. Миронова, но среди российских историков не было единого мнения [30]. Несогласие с выводами Б.Н. Миронова выразили многие специалисты, в том числе В.П. Булдаков, В.В. Бабашкин, Н.А. Иванова, М.Д. Карпачев, О.Н. Катионов, А.А. Куренышев, И.С. Кузнецов, Т.Г. Леонтьева, И.В. Михайлов, А.В. Островский, Г.И. Ханин, П.П. Щербинин [30; 31; 32]. Б.Н. Миронов очень своеобразно ответил на эту критику: он опубликовал новую книгу, заголовки которой говорят сами за себя: «В.П. Булдаков: “Дикие крики озлобленья”», «Т.Г. Леонтьева: “Муж и жена – одна сатана”», «Пришел, увидел, насмешил» (это об А.В. Островском), «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька» (ответ М. Эллану)» и т.д. [13, с. 5–6].

Однако, выражая свое несогласие с выводами Б.Н. Миронова, оппоненты в большинстве случаев говорили о видимом противоречии его антропометрических данных со сложившимися представлениями о низком уровне жизни в Российской империи. Не будучи специалистами по исторической антропометрии, российские историки не могли выкинуть в детали антропометрических расчетов Б.Н. Миронова.

Увеличение среднего роста мужского населения – главный аргумент Б.Н. Миронова, который, по его мнению, свидетельствует о повышении уровня жизни. «За 50 лет, 1866–1915 гг., рост увеличился на 4,5 см – с 164,5 до 169 см...», – пишет Миронов. – Прорыв в уровне биостатуса произошел после Великих реформ, только после вступления России в эпоху рыночной экономики» [1, с. 274]. Фраза об увеличении роста в 1866–1915 гг. означает, что мужчины 1911–1915 гг. рождения в среднем имели рост на 4,5 см больше, чем мужчины 1866–1870 гг. рождения. Правда, если сравнивать не с 1911–1915 гг., а с 1901–1905 гг., то увеличение роста будет более скромным – 2,3 см, так что «прорыв в уровне биостатуса» пришелся в основном на 1905–1915 годы. Тем не менее фиксируемое увеличение роста, согласно Б.Н. Миронову, – это показатель повышения уровня жизни и улучшения питания широких масс, свидетельство достижений царской власти.

Здесь мы наталкиваемся на первую ошибку Б.Н. Миронова в интерпретации антропометрических данных. Дело в том, что в другой его работе приводятся данные о росте мужчин, родившихся в 1926–1930 гг. – 167,4 см, и в 1941–1945 гг. – 169,5 см [33, с. 272]. По

⁴ Baten J. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917, ed. by E.H. Net (January 2013). URL: <http://eh.net/?s=Baten+Mironov> (date of access: 16.01.2017).

логике Б.Н. Миронова, отсюда вытекает, что в годы Отечественной войны люди жили лучше, чем при нэпе и в последние десятилетия Российской империи. Причина этого «недоразумения» заключается в том, что Б.Н. Миронов считает, что изменения в росте объясняются, главным образом, изменением условий в первый год жизни. Западные специалисты ранее указывали на эту ошибку Б.Н. Миронова [34; 35], причем С. Хок даже полагал, что эта ошибка «подрывает все последующее обсуждение», что говорить больше не о чем [34, р. 67]. Действительно, очевидно, что дефинитивный рост людей 1941–1945 гг. рождения определяется их жизнью в 1950-х гг., а рост родившихся в 1911–1915 гг. определяется их жизнью в 1920-х гг. Так что «прорыв в уровне биостатуса», о котором говорит Миронов, является не заслугой царской власти, а достижением нэпа.

Однако, хотя «прорыв в уровне биостатуса» относится к более позднему времени, в 1874–1913 гг., судя по расчетам Б.Н. Миронова, также произошло увеличение роста призывников (на 2,3 см). Но в последнее время удалось разобраться в механизме этих расчетов; в них обнаружилась ошибка, связанная с тем, что Б.Н. Миронов не учел изменение формы регистрации роста рекрутов в воинских присутствиях. В отчетах воинских присутствий указывалось число рекрутов в ростовых группах, например, в третьей группе «2 аршина 3 вершка» – столько-то человек, в четвертой группе «2 аршина 4 вершка» – столько-то человек. Б.Н. Миронов считал, что при записи в группу измеренный рост округляли до ближайшего целого числа вершков, таким образом, средний рост в группе «2 аршина 3 вершка» соответствовал ее названию. Однако в 1890 г. форма отчета изменилась, и третья группа стала называться «до 2 аршина 3 вершков включительно», четвертая – «до 2 аршина 4 вершков включительно» и т.д. При этом средний рост в группах понизился примерно на полвершка, но Б.Н. Миронов пренебрег этим обстоятельством, поэтому его расчеты дали неверный результат. Более точные подсчеты показали, что в действительности рост рекрутов не увеличивался, а уменьшался (подробнее см.: [36; 37]).

Изменение формы отчетов присутствий по воинской повинности отражено в сотнях архивных дел⁵, из которых, как указывает Б.Н. Миронов, он извлекал суммарные данные о количестве рекрутов в той или иной ростовой группе. Б.Н. Миронов ссылается на все эти дела [1, с. 234–236, 778–779], и разумеется, факт смены формы отчетности не мог остаться для него неизвестным. Остается только удивляться столь произвольному обращению с документом, в результате чего на свет появляется «новая концепция» развития Российской империи и издается 1000-страничная монография, которая переводится на иностранные языки и оживленно обсуждается в научных кругах. Здесь уместно вспомнить слова академика Б.В. Ананьича о

«розыгрыше читателя и демонстрации искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала».

После обнаружения этого «розыгрыша» антропометрические данные исчезли из работ Б.Н. Миронова – в его трехтомной новой работе, посвященной все той же теме – «успешности» Российской империи, ничего не говорится о поразительном «прорыве в уровне биостатуса». Практически единственной цифрой, говорящей об «экономическом процветании» Российской империи, осталось потребление в 2952 ккал в сутки – Б.Н. Миронов продолжает настаивать на том, что потребление в России было выше, чем в Дании, во Франции и в США.

Тем не менее времена меняются; после окончания «холодной войны» не подогреваемый грантами энтузиазм историков-ревизионистов заметно угас, и суэта во круг революции постепенно затихает. На Западе снова появились работы, объективно оценивающие российскую реальность начала XX в. Известный специалист по экономической истории Роберт Аллен, основываясь на уточненных данных С. Уиткрофта, построил продовольственный баланс для 1895–1915 гг. Подсчеты Р. Аллена показывают, что душевое потребление в 1895–1910 годах составляло примерно 2100 ккал/сут. [38, р. 134]. А.В. Островский в своей последней работе, так же как Р. Аллен, приходит к выводу, что продовольственные потребности населения удовлетворялись лишь на минимальном уровне [39]. Принятая Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднедушевого потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на человека в день. 2100 ккал/сут. – это уровень бедных стран современной Африки, «уровень Сомали» [25, с. 80]. Вот в этом «уровне Сомали» и заключалась причина Русской революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. 911 с.
2. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 302 с.
3. *Бокарев Ю.П.* Еще раз о темпах роста промышленного производства в России в конце XIX – начале XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 131–140.
4. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 255 с.
5. *Gregory P.* Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913 // Explorations in Economic History. 1980. Vol. 17, N 2. 135–164.
6. Урожай хлебов в России в 1917 г. / под. ред. А.Е. Лосицкого. М., 1918. 220 с.
7. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Пг., 1916. Выпуск 1. 96 с.
8. *Иванцов Д.И.* К критике русской урожайной статистики // Зап. Имп. Русск. геогр. о-ва. 1915. Т. 14. 178 с.
9. *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. 416 с.
10. *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 83–95.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 4. Д. 676–754 (1889 г.), 770–844 (1890 г.), 859–925 (1891 г.), 950–1028 (1892 г.).

11. Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. Кн. XXIV. С. 51–104.
12. Wheatcroft S.G., Davies R.W. The crooked mirror of Soviet economic statistics // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994. P. 24–37.
13. Миронов Б.Н. Страсти по революции. М., 2013. 336 с.
14. Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции. М., 2010. С. 114–135.
15. Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопр. истории. 2010. № 10. С. 120–140.
16. Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопр. истории. 2011. № 4. С. 122–140.
17. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. 848 с.
18. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 1. 896 с.
19. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. 912 с.
20. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 3. 992 с.
21. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1920. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. 52 с.
22. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 45–54.
23. Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. New York; London, 1967. 327 p.
24. Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. 155 с.
25. Природные и социально-экономические факторы, определяющие условия жизни и здоровье населения: оценка и прогноз / под ред. Н.Е. Терентьева, Д.И. Шмакова. М., 2015. 166 с.
26. Guyot Y. The bread and meat of the world // Publications of the American Statistical Association. 1904. Vol. 9, issue 67–68. P. 75–119.
27. Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благополучие населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история: ежегодник. 2002. С. 611–613.
28. Mironov B.N. New approaches to old problems: the well-being of the population of Russia from 1821 to 1910 as measured by physical stature // Slavic Review. 1999. Vol. 58, N 1. P. 1–26.
29. The Cambridge history of Russia. Vol. II / ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. 765 p.
30. Россия в истории: от измерения к пониманию: новая книга Б.Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. № 1. С. 145–204.
31. Островский А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопр. истории. 2011. № 6. С. 129–144.
32. Ханин Г.И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 64–72.
33. Миронов Б.Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // Экономическая история: ежегодник, 2004. С. 565–588.
34. Hoch S. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58, N 1. P. 61–70.
35. Элман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 11. С. 159–166.
36. Нефедов С.А. Роковая ошибка. По поводу использования Б.Н. Мироновым антропометрических данных новобранцев // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 110–115.
37. Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the First World War: An examination of the anthropometric data // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29, N 2. P. 149–168.

38. Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003. 302 p.
39. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. М., 2016. 431 с.

REFERENCES

1. Mironov B.N. The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow, 2010, 911 p. (In Russ.)
2. Tyukavkin V.G. Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform. Moscow, 2001, 302 p. (In Russ.)
3. Bokarev Yu.P. Once more about the industrial production growth rate in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Otechestvennaya istoriya*. 2006, no. 1, pp. 131–140. (In Russ.)
4. Gregory P. Economy growth of the Russian Empire (the end of XIX – early XX centuries). New calculations and evaluations. Moscow, 2003, 255 p. (In Russ.)
5. Gregory P. Grain marketing's and peasant consumption, Russia, 1885–1913. *Explorations in Economic History*. 1980, vol. 17, no. 2, 135–164.
6. Bread Harvest in Russia in 1917. Ed. A.E. Lositsky. Moscow, 1918, 220 p. (In Russ.)
7. The production, transportation and consumption of crops in Russia in 1909–1913. Materials on the food plan. Petrograd, 1916, iss. 1, 96 p. (In Russ.)
8. Ivantsov D.I. To the critique of statistics. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1915, vol. 14, 178 p. (In Russ.)
9. Ostrovskiy A.V. Grain production in European Russia in the late XIX – early XX centuries. St. Petersburg, 2013, 416 p. (In Russ.)
10. Mironov B.N. Is there enough food produced in Russia in the XIX – early XX centuries? *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2008, no. 3, pp. 83–95. (In Russ.)
11. Vinogradova N. Russian harvest statistics. *Vestnik statistiki*. 1926, bk. 24, pp. 51–104. (In Russ.)
12. Wheatcroft S.G., Davies R.W. The crooked mirror of Soviet economic statistics. *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge, 1994, pp. 24–37.
13. Mironov B.N. Passion concerning the revolution. Moscow, 2013, 336 p. (In Russ.)
14. Mironov B.N. Lenin lived, Lenin lives, but is unlikely to live. *O prichinah russkoy revolyutsii*. Moscow, 2010, pp. 114–135. (In Russ.)
15. Ostrovskiy A.V. Russia's modernization in the book of B.N. Mironov. *Voprosy istorii*. 2010, no. 10, pp. 120–140. (In Russ.)
16. Mironov B.N. Passion for historical anthropometry. *Voprosy istorii*. 2011, no. 4, pp. 122–137. (In Russ.)
17. Mironov B.N. The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow, 2012, 848 p. (In Russ.)
18. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 1, 896 p. (In Russ.)
19. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 2, 912 p. (In Russ.)
20. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 3, 992 p. (In Russ.)
21. Klepikov S.A. Nutrition of the Russian peasantry. Moscow, 1920, pt I. The norms of consumption of the most important food, 52 p. (In Russ.)
22. Bokarev Yu.P. Peasant farm budget survey of the twenties as a historical source. Moscow, 1981, 310 p. (In Russ.)
23. Robinson G.T. Rural Russia under the old regime. New York; London, 1967, 327 p.
24. Korenevskaya N.N. Peasant farm budget survey in pre-revolutionary Russia. Moscow, 1954, 155 p. (In Russ.)
25. Natural and socio-economic factors, determining the conditions of life and health: assessment and forecast. Eds. N.E. Terentev, D.I. Shmakov. Moscow, 2015. (In Russ.)

26. Guyot Y. The bread and meat of the world. *Publications of the American Statistical Association*. 1904, vol. 9, iss. 67–68, pp. 75–119.
27. Ananich B.V. Notes on B.N. Mironov's article, "Who paid for industrialization: the economic policy of S.Yu. Witte and population welfare in the 1890–1905 according to the anthropometric data". *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. Moscow, 2002, pp. 611–613. (In Russ.)
28. Mironov B.N. New approaches to old problems: the well-being of the population of Russia from 1821 to 1910 as measured by physical stature. *Slavic Review*. 1999, vol. 58, no. 1, pp. 1–26.
29. The Cambridge history of Russia. Vol. 2, ed. D. Lieven. Cambridge, 2006, 765 p.
30. Russia in the history: from measurement to understanding: a new book by B.N. Mironov in the responses and reflections of his colleagues. *Rossiyskaya istoriya*. 2011, no. 1, pp. 145–204. (In Russ.)
31. Ostrovskiy A.V. To the results of the dispute about the living standard in pre-revolutionary Russia. *Voprosy istorii*. 2011, no. 6, pp. 129–144.
32. Hanin G.I. What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? *Idei i idealy*. 2010, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.)
33. Mironov B.N. The living standard in Soviet Russia under Stalin according to anthropometric data. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2004, pp. 565–588. (In Russ.)
34. Hoch S. Tall tales: Anthropometric measures of well-being in imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960. *Slavic Review*. 1999, vol. 58, no. 1, pp. 61–70.
35. Ellman M. Witte, Mironov and erroneous use of anthropometric data. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, 2005, no. 11, pp. 159–166. (In Russ.)
36. Nefedov S.A. The fatal mistake. About using recruit anthropometric data by B.N. Mironov. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2014, no. 3 (11), pp. 110–115. (In Russ.)
37. Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the First World War: an examination of the anthropometric data. *Revolutionary Russia*. 2016, vol. 29, no. 2, pp. 149–168. (In Russ.)
38. Allen R. Farm to factory: a reinterpretation of the Soviet industrial revolution. Princeton, 2003, 302 p.
39. Ostrovskiy A.V. The Russian village at the historic crossroads. Moscow, 2016. 431 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.01.2017

DOI: 10.15372/HSS20170102
УДК 94(571.1/.5)."1917.03.03/1917.03.10"

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ (3–10 марта 1917 г.)

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье анализируются основные процессы в общественно-политической жизни региона в первой декаде марта 1917 г. В указанное время в городах и других поселениях (железнодорожные станции, горняцкие поселки), расположенных на железных дорогах, были отстранены от власти руководители органов местного государственного управления и началось создание общественных управленческих структур, а также организаций политических партий. Промежуточные итоги подвели 10 марта, в ходе празднования дня Свободы.

Ключевые слова: Февральская революция, Сибирь, губернаторы, комитеты общественной безопасности, отречение царя, военнослужащие, политические ссылки.

M.V. SHILOVSKY

THE FIRST WEEK OF THE FEBRUARY REVOLUTION IN SIBERIA (March 3–10, 1917)

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk State University,
2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russia

February of 1917 in Siberia, like in Russia, showed no signs of any powerful cataclysm. Law enforcers (gendarmes, policemen) stated that in the territory under their jurisdiction "anti-governmental organizations showed no signs of activity..." Information about the events in Petrograd was spread via telegraph across the cities, railway stations, settlements, villages and volosts located along the Omsk, Siberian, Transbaikal, Altai, Kolchugino railroads. Governors were dismissed from their positions along with commanders of the Omsk and Irkutsk districts, garrison commanders, while the gendarme officers were arrested. Dismissal of tsarist authorities was paralleled by establishment of various public committees (Committees of Public Security), Soviets of workers' and soldiers' deputies, organizations of political parties (RSDRP, PSR, PNS). Local government bodies at the provincial, oblast and uyezd levels were headed by Commissars appointed by the Provisional government. For the most part they were appointed from among the most respected and active members of local communities and leaders of Committees of Public Security. In early March, 1917 the most active social groups included the middle-income urban dwellers, the military, workers and political exiles. They played a dominant role in the political process constituting the social basis for the Committees of Public Security and Soviets as well as for political organizations. By the early 1917 owing to the system of political exile teams of highly professional political technologists had been formed in many Siberian cities where they actively worked later on. The outcomes of the initial stage of the February social cataclysm were summed up on March, 10, 1917, the so-called Revolution Day. It was marked by public prayers, military parades, mass demonstrations and gatherings. Thus, events during the first week of March, 1917 affected only a small part of population, mostly in cities.

Key words: February Revolution, Siberia, governors, Committees of Public Security, abdication of the Czar, the military, political exiles.

Михаил Викторович Шиловский – д-р ист. наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, e-mail: istorik.novosib@gmail.com.

Mikhail V. Shilovsky – doctor of historical sciences, Professor, Institute of History SB RAS, Novosibirsk State University.

Социальный катаклизм 1917 г. современная политическая элита, как я отмечал 10 лет назад [дать ссылку], пытается позабыть, замолчать: «Революции из локомотивов истории с помощью СМИ пытаются трансформировать в общественном сознании в бессмысленные и беспощадные бунты, возглавляемые “безродными” маргиналами в лице купленных на немецкие деньги большевиков и жидомасонов» [1, с. 61]. Историографическая ситуация в отношении упомянутого выше события за последние 25 лет кардинально изменилась. Существенно уменьшилось количество работ, изменилась их проблематика в сторону усиления внимания к оформлению многопартийности в регионе и борьбе за власть различных политических объединений. Преодолевается стереотип рассмотрения событий того времени через призму гегемонии большевиков и возглавляемых ими Советов.

Особое место среди публикаций последнего времени занимают работы В.Г. Кокоулина [2; 3; 4; 5; 6]. Не пытаясь дать им общую оценку из-за масштабности хронологических рамок, заметим, что изучаемый мной период присутствует в каждой из них. По форме сочинения представляют собой хронику событий, сопровождаемую пространными авторскими комментариями, с большим количеством лакун и слабой аналитикой. Зачастую используются клише, такие как: «Последним событием 1916 г., которое привлекло внимание томичей [омичей], было убийство Г.Е. Распутина» [3, с. 9; 6, с. 7]. Вместе с тем В.Г. Кокоулин собрал и систематизировал колоссальный фактический материал, который позволяет отслеживать основные тенденции развития и повседневной жизни горожан Западной Сибири в конце февраля – начале марта 1918 г.

Другой характерной особенностью последнего времени стало введение в научный оборот большого массива источников, в том числе личного происхождения, хроник, исследований по различным аспектам повседневной, социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Сибири рассматриваемого периода. Цель моего «вторжения» в изучение событий последних дней февраля – начала марта (до 10-го числа, когда торжественно отмечался «праздник революции») заключается в выявлении основных процессов, четко проявившихся в этот период.

Что касается предпосылок революционного коллапса начала 1917 г., то в двух моих монографиях [7, с. 19–32; 8, с. 315–329] можно найти соответствующие выводы. Считаю, что «перелом в общественных настроениях наступил во второй половине 1916 г. Российское общество, в том числе на региональном уровне, надломилось после вступления в военные действия и разгрома Румынии, что потребовало создания еще одного фронта и переброски в образовавшуюся «дыру» значительных воинских контингентов. Локальные сообщества, в том числе Азиатская Россия, в ситуации системного кризиса были обречены на кардинальную трансформацию основополагающих структур и принципов функционирования, и они уже начались в рассматриваемое время» [8, с. 328].

«Вдогонку» к ранее сказанному хочу добавить следующее относительно предпосылок. Я солидарен с основополагающей точкой зрения Г.М. Карнаухова на то, что «ни февральская, ни октябрьская, ни колчаковщина в житейский уклад изменений почти не внесла»¹. В ежемесячных донесениях местных жандармов в Департамент полиции МВД однообразно воспроизводились заключения, которые я цитирую из отчета Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) за январь 1917 г.: «В течение отчетного месяца деятельность организаций не проявлялась, революционных изданий они не издавали, своих типографий не имеют, наружного наблюдения за ними установлено не было»². Некоторые слабые подвижки на подведомственной территории фиксируют в 1916 г. томские жандармы. В августе применительно к населению Новониколаевска констатируется: «В интеллигенции свободных профессий и примыкающей к ней полуинтеллигенции, главным образом, служащих в банках, в торговых предприятиях и проч. замечается некоторый поворот к тенденциям социал-демократического направления. Подобный поворот объясняется сильным развитием в Сибири кооперативов, которые, несомненно, являются кадрами подготовки так называемых “сознательных”». Томский уездный исправник в донесении за сентябрь следующим образом определял состояние общественно-политической жизни в уезде: «В области общественной деятельности застой, не говоря уже о разного рода специальных, просветительных организациях..., организации преследующие цели войны действуют не с тем размахом, работа стала выполняться спокойно и не так резко бьет в глаза»³.

Наконец, 18 января 1917 г. начальник Томского ГЖУ, полковник Субботин доносил в особый отдел Департамента полиции, что «во вверенном мне управлении получены непроверенные формальным порядком сведения о том, что выпускаемые в последнее время различного рода прокламации и воззвания, призывающие к прекращению войны и требованию мирных переговоров, издаются отдельными группами лиц, принадлежавших к левым партиям. Целью выпуска такого рода прокламаций является желание левых элементов вызвать взрыв общественного негодования и негодования армии, причем, если его удалось вызвать, то таковое можно было использовать в целях ниспровержения ныне существующего Государственного строя»⁴. Как установил В.Г. Дорохов, к февралю 1917 г. это управление «уже перестало владеть не только всей полнотой информации по Томской губернии, но и вообще ситуацией. Достаточно сомнительно выглядит возможность взятия силами ТГЖУ под контроль всех ключевых пунктов губернии, если учесть тот факт, что на февраль 1917 г. общая чис-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144. Л. 37.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917. Д. 9. Ч. 27. Л. В.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 6928. Л. 135, 138.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 81. Л. 2.

ленность служащих жандармского управления находилась в пределах 50 человек» [9, с. 277].

Прежде чем анализировать события в рамках избранного временного интервала, определимся с хронологией Февральской революции в Петрограде и каналами поступления информации о них в Сибирь. Как известно, массовые волнения в столице начались 23 февраля 1917 г., а 27 февраля вооруженное восстание здесь победило. В ночь на 28 февраля за подписью М.В. Родзянко была составлена и разослана телеграмма о том, что Временный комитет членов Государственной думы «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». 28 февраля состоялось первое пленарное собрание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 2 марта в Пскове от престола отрекается Николай II. 3 марта Временное правительство впервые собралось в Таврическом дворце. Оно же назначило на 10 марта празднование Дня революции как всенародно торжественное освящение свершившегося.

Информация о происходящем в Петрограде распространялась по трем каналам: официальным средством связи (телеграф), частным телеграммам и по инициативе назначенного в Министерство путей сообщения (МПС) комиссаром А.А. Бубликова телеграмма М.В. Родзянко рассылалась по неконтролируемому цензурой железнодорожному телеграфу по всем железнодорожным станциям. Так, в Якутск известие о революции поступило 2 марта телеграммой Временного комитета членов Государственной думы городскому голове П.А. Юшманову [10, с. 28]. В Иркутске 27, 28 февраля и 1 марта «не получались телеграммы из столицы», поскольку генерал-губернатор А.И. Пильц запретил их доставлять адресатам и обнародовать. 1 марта распространяются слухи о революции или государственном перевороте. «Утверждают достоверно: двое ссыльных получили телеграммы – один из Москвы, другой из Петрограда. Общий смысл известий сводится к следующему: произошли большие события, скоро увидимся». К тому же, по свидетельству политического ссыльного В.Г. Архангельского: «Полученная незадолго перед этим железнодорожным управлением г. Иркутска известная телеграмма Бубликова, сообщавшего о своем вступлении в должность комиссара и просившего содействия железнодорожников и поддержки, вызвала уже в иркутском обществе целый ряд разговоров и предположений».

2 марта приходят сведения телеграфом о совершаемом государственном перевороте и отречении Николая II. «События головокружительные, почти сказочные!», – констатирует местный общественный деятель И.И. Серебrenников [11, с. 231–232; 12, с. 313–314]. В Томске вечером 1 марта стали распространяться слухи об отречении царя. 2 марта здесь и в Новониколаевске были получены телеграммы о событиях в столице и свержении самодержавия [13, с. 110; 14, с. 33].

В Барнауле, согласно воспоминаниям П.А. Казанского, 2 марта на репетицию в здании Алтайского

союза кооперативов женщина принесла копию «известной телеграммы Бубликова к железнодорожникам». «Третье марта прошло спокойно. Новых телеграмм не было, не опубликовывалась и телеграмма Бубликова». Вечером на совещании в биржевом комитете «начальник дороги огласил полученные до этого момента телеграммы, сообщенные ему жандармерией. Все они обращены были от комитета Государственной думы к агентам прежней власти на местах. Это обстоятельство дало повод сомневаться, – произошла ли в Петрограде полная революция, или же дело ограничивается широкой реформой революционного происхождения. В результате совещание дружно решило: ждать выяснения положения». И лишь 4 марта ситуация коренным образом изменилась, и началось формирование комитета безопасности [15, с. 18, 19]. На Кольчугинском руднике 3 марта состоялся митинг, на котором горняки заявили о полной поддержке Временного правительства и потребовали организации суда над царем. На Анжерских копиях 5 марта состоялась демонстрация. «Шествие с перевернутыми царскими флагами с Анжерских копей дошло до Судженских, где на базарной площади состоялся митинг. На митинге был зачитан манифест об отречении царя, выступавшие ораторы говорили о свободе и равенстве» [16, с. 83].

В отношении Омска В.Л. Кожевиным было предпринято микроисториографическое исследование, поскольку, как в случае с Иркутском и Томском, появление первых известий о революции связывалось и с 28 февраля, и с 1 марта 1917 г. Он приходит к обоснованному выводу: «...Полученные известия и порожденные ими слухи создали в городе обстановку напряженного ожидания, которое стало разряжаться после того, как около 7 часов вечера 1 марта в редакции «Омского вестника» была получена телеграмма с текстом воззвания Временного комитета Государственной думы к населению и армии. Содержание телеграммы неопровержимо свидетельствовало о начавшейся революции и придало импульс к формированию в городе новых властных структур» [17, с. 172–173, 174]. Таким образом, в наиболее крупные города Сибири информация о происходящих в Петрограде событиях через все три названных канала связи начала поступать 28 февраля – 1 марта, а неопровержимые свидетельства о начавшейся революции – со 2 марта.

О масштабности ее распространения и воздействия на местные социумы можно судить по материалам хроники общественно-политического движения в Томской губернии (без Алтая). Всего в ней упомянуто со 2 по 10 марта 7 городов (Томск и Новониколаевск ежедневно, с 4-го числа: Каинск, Кузнецк, Мариинск, Нарым, Кольвань), 6 горнодобывающих и заводских поселков (Анжерские, Судженские копи, Кольчугинский, Кемеровский и Центральный рудники, Гурьевский завод), 10 железнодорожных станций (Тайга, Болотное, Боготол, Ишим, Топки, Яшкино, Кривошеково, Тутаевская, Барабинск, Татарская), 23 села и 4 волости в основном Томского, Мариинского и Каинского уез-

дов. Подавляющее большинство объектов находилось в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, Алтайской и Кольчугинской железных дорог. Поэтому можно утверждать, что революционные события первой декады марта 1917 г. имели в Сибири «сетевой» характер и затронули наиболее крупные населенные пункты вдоль железных дорог, а также имеющие доступ к телеграфу [13, с. 33–82].

Образование органов новой власти (КОБов и Советов) заставило их решать в первую очередь вопрос об отношении к функционерам прежних административных структур, прежде всего к губернаторам и генерал-губернаторам. Решался он по-разному. Исполком объединенных общественных организаций Семипалатинска 5 марта единогласно постановил отстранить и подвергнуть домашнему аресту губернатора области Ф.Ф. Чернцова, устранить прокурора, «упразднить навсегда» жандармскую полицию, «подвергнуть немедленному заключению под стражу на гауптвахту уездного начальника Петухова и полицмейстера Покровского». 8 марта губернатора переводят в арестантский дом. 29 мая в определении прокурора Омской судебной палаты указывалось, что «при подавлении киргизского движения военной силой [речь идет о восстании реквизированных на тыловые работы «инородцев» в 1916 г. – *М. Ш.*] применялось с ведома семипалатинского губернатора Чернцова и в некоторых случаях и по его распоряжению, обложение усмиряемых киргиз податью, специально назначенной на возмещение ущерба русского населения и не участвующего в движении – киргизского, и на возмещение расходов по вызову и содержанию карательных отрядов войск, а также для той же цели отбирались лошади и скот некоторых киргиз, принимавших участие в волнениях». В конечном счете, приказом комиссара по Степному генерал-губернаторству И.П. Законова от 10 июня 1917 г. Чернцова увольняют со службы с 1 мая, «согласно прошению, по болезни» [18, с. 14, 15, 374].

В Омске 2 марта Степной генерал-губернатор и командующий Омского военного округа генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов и акмолинский областной губернатор А.В. Колобов заявили о признании Временного правительства. 4 марта на вышке резиденции генерал-губернатора вместо снятого трехцветного, водрузили красный флаг. 7 марта по распоряжению исполкома Совета рабочих и военных депутатов производятся аресты Сухомлинова, Колобова, вице-губернатора Князева, председателя судебной палаты Едличко, прокурора судебной палаты Висковатова, жандармского полковника Козлова, полицмейстера Пузырева и других высокопоставленных чиновников. На следующий день Коалиционный комитет решил Сухомлинова, Колобова, Едличко, Князева и Пузырева под надежной охраной отправить в Петроград, Козлова заключить на гауптвахту, Висковатого освободить. Н.А. Сухомлинов увольняется в отставку с мундиром и пенсией приказом по армии и флоту 31 марта 1917 г. [6, с. 7, 9, 13].

Тобольский губернатор, ставленник Г.Е. Распутина Н.А. Ордовский-Танаевский, получив известие об отречении царя, отдал распоряжение выпустить из местной тюрьмы всех политических, за что получил прозвище «красного губернатора». Передав полномочия комиссару Временного правительства В.Н. Пигнатти, он в 1917–1918 гг. проживал в Тобольске как частное лицо, а потом с семьей эмигрировал во Францию, а затем в Италию. Начальник Томской губернии В.Н. Дудинский 2 марта признал переход власти к Временному правительству и подписал обращение к населению о необходимости выполнения требований Комитету общественного порядка и безопасности. Постановлением этого органа Дудинский 4 марта отстраняется от дел и 31 марта 1917 официально отправляется в отставку. Летом 1917 г. с семьей покинул Томск, участвовал в Гражданской войне на стороне белых на Кавказе. В 1931 г. умер в эмиграции в Белграде [19, с. 453; 20, с. 200].

После свержения самодержавия с семьей выехал из Красноярска последний губернатор Енисейской губернии Гололобов. В Иркутске после неудачной попытки организовать информационную блокаду генерал-губернатор А.И. Пильц вечером 2 марта пригласил в свою резиденцию представителей городской думы, биржевого комитета, кооперативов, общественных и профессиональных организаций, видных политических ссыльных. Он, «объявив о совершившемся в Петрограде перевороте, предложил представителям иркутских организаций обсудить положение дел». При этом заявил: «Я готов служить новой власти, но быть в услужении отказываюсь». Пильц сухо поклонился и «при общем безмолвии ушел из зала...» [21, с. 44]. 4 марта по постановлению исполкома общественных организаций арестовали Пильца, иркутского губернатора А.Н. Югана, вице-губернатора Измайлова, полицмейстера Петровского, сотрудников жандармского управления. Позднее Пильца под конвоем отправили в Петроград [11, с. 232, 234; 12, с. 315].

Затянулось выяснение между старой и новой властью в Якутске. На собрании горожан 4 марта образуется КОБ во главе с политическим ссыльным, депутатом IV Государственной думы, большевиком Г.И. Петровским. По запросу министра внутренних дел Временного правительства Г.Е. Львова он сообщил о положении дел в Якутской области и о создании КОБа, о своем избрании этим органом управляющим территорией. В качестве комиссара области он был утвержден Временным правительством. В этом же докладе сообщалось об отстранении от власти и. о. губернатора, барона Д.О. Тизенгаузена и вице-губернатора Березкина. 5 марта Тизенгаузен и полицмейстер И.А. Рубцов явились на собрание горожан и заявили о сложении с себя полномочий и передаче их КОБу [10, с. 32].

Вместе с губернаторами были смещены начальники гарнизонов, арестованы жандармские офицеры. Из вышеприведенных материалов следует, что негодование народных масс в рассматриваемое вре-

ма было обращено и против полицейских чиновников, но не всех. Томский полицмейстер, коллежский асессор М.П. Шерemet, 2 марта добровольно явившийся в Комитет общественного порядка и безопасности, предложил свои услуги и до увольнения (в начале апреля 1917 г.) помогал в создании новой милиции. Более того, Томский губернский комиссариат представил бывшего главу городской полиции к назначению пенсии [22, с. 107]. В Новониколаевске на заседании КОБа явился местный полицмейстер Бойчевский и заявил: «Буду служить, подчиняюсь новой власти». «Он театрально опустил перед столом на одно колено и сдал свою шашку. Присутствующие заявление полицмейстера встретили бурными аплодисментами»⁵.

В целом спокойно пережили первую фазу социального катаклизма местные приходы Русской православной церкви. Как установила Т.М. Новикова: «Духовенство Восточной Сибири восприняло смену политического строя положительно, активно участвуя в разъяснении событий населению. 5(18) марта архиепископ Иркутский и Верхотенский Иоанн призвал верующих подчиниться новой власти и сплотиться вокруг своих пастырей. Представители восточносибирского духовенства включились в создание новых органов власти (комитетов общественных организаций, комитетов общественной безопасности и т.п.), празднование дней свободы, молебны и панихиды, демонстрирующие лояльность Временному правительству» [23, с. 390].

Одновременно с устранением царских управленцев началось создание различного рода общественных комитетов и советов. 2–5 марта образовались: Омский коалиционный комитет, Забайкальский комитет общественной безопасности (Чита), Барнаульский временный комитет общественного порядка и безопасности, Новониколаевский комитет общественного порядка и безопасности, Красноярский комитет общественной безопасности, Комитет общественных организаций в Иркутске, Комитет общественного спокойствия в Тобольске), аналогичного рода объединения (КОБы) – в Тайге, Черемхово, Якутске, Тюмени, практически во всех городах, крупных железнодорожных станциях, в горняцких поселках.

Они были крайне пестрыми по социальному составу: от крупных капиталистов до мещан, служащих, лиц духовного звания. Так, в организованный 19 марта Комитет общественной безопасности города Верхоянска вошли 19 чел., в том числе: из духовенства – 3, купцов – 4, полицейских – 3, казаков – 2, из интеллигенции – 5, крестьян – 2 чел. [24, с. 113]. Одновременно и параллельно с КОБаами создавались Советы рабочих и солдатских депутатов.

Добросовестно изучив историю возникновения КОБов и Советов, Е.Н. Бабилова пришла к обоснованному выводу: «К концу марта – началу апреля 1917 г. большая часть временных комитетов самостоятельно

или через правительственных комиссаров, ставленников этих же комитетов, сумела установить контроль над деятельностью местных правительственных учреждений, захватив в свои руки денежные средства ликвидированных старых органов и кредиты Временного правительства, создав новые продовольственные органы и собственную гражданскую милицию. Все это, в конечном счете, приводит к тому, что фактическая власть оказывается в руках временных комитетов, а Советы занимают подчиненное в отношении их положение» [25, с. 120].

Основными социальными группами, активно выступившими в начале марта 1917 г., стали средние городские слои, военнослужащие, рабочие и политические ссыльные. Они доминировали в политическом процессе, стали основной социальной базой упомянутых выше КОБов и Советов, а также политических формирований. В глухую оборону ушли предприниматели, хотя имели разветвленную сеть структур и каналов воздействия на общественно-политическую ситуацию. И хотя экстренное собрание членов Томского биржевого комитета 4 марта поддержало совершившийся переворот, уже 6 марта в Томске по поручению КОБа прошли обыски в магазинах В.Г. Гадалова, А.А. Фильберта, Кукушкина с целью изъятия продовольствия и ширпотреба.

В заключение хотелось бы обратить внимание на политическую активность военнослужащих и политических ссыльных. Следствием Первой мировой войны стала организация в регионе разветвленной и многочисленной сети запасных полков. В Омском и Иркутском военных округах к 1917 г. их насчитывалось 27: в Омске, Тюмени, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Петропавловске, Кургане, Барнауле, Ачинске, Красноярске, Канске и др. Численность личного состава к февралю этого года в Омском военном округе составила 148 658 чел., в Иркутском военном округе – 72 934 чел. [26, с. 26; 8, с. 49–50]. Помимо высокой политической активности и вовлеченности в общественно-политическую жизнь в местах дислокации полков, в начале марта 1917 г. обозначился нарастающий кризис взаимоотношений во взаимоотношениях офицеров и нижних чинов.

Суть конфликта бывший рядовой 25-го Сибирского стрелкового запасного полка (Томск) Устинов в своих воспоминаниях сформулировал следующим образом: «...Офицеры в то время были большинство из бывших солдат». Но, «после переворота во многих ротах офицеров переизбрали, кто плохо обращался с солдатами, то от них отказались совсем, их не принимали в роту, несколько офицеров, узнав об этом, застрелились»⁶. Однако в списках похороненных на томских кладбищах за март 1917 г. упомянут только один офицер – 9 марта, поручик 18-го Сибирского стрелкового запасного полка Ф.П. Цитович [27, с. 175]. Правда, можно предположить, что в списках упомянуты не все умершие. О массовых расправах с офицера-

⁵ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 26.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 76. Л. 2, 3.

ми в Омске в начале марта 1917 г. пишет В.Г. Кокоулин [6, с. 14]. Его информацию опровергает В.Л. Кожевин, который утверждает: «...Исследователям не известны случаи гибели офицеров от рук солдат на территории Омского военного округа в мартовские дни 1917 г. Единственный случай убийства в частях Иркутского военного округа зафиксирован в Канске. Здесь 4 марта при попытке разогнать солдатскую манифестацию погиб один из старших офицеров» [17, с. 175]. Очевидно, данная проблема требует дальнейшего более тщательного изучения.

Благодаря в основном политической ссылке во многих сибирских городах к 1917 г. сложились, а затем активно действовали, выражаясь современным языком, команды высокопрофессиональных политтехнологов. Так, в Красноярске, стяжавшем в 1917 г. славу сибирского Кронштадта, и надежной твердыни большевизма в регионе, в 1914–1917 гг. отбывало наказание 196 ссыльнопоселенцев, в том числе 111 социал-демократов. По этим показателям он уступал в Сибири только Иркутску (соответственно 562 и 284 чел.). После свержения самодержавия большая часть репрессированных выехала в Европейскую Россию. Тем не менее в Сибири их осталось 1024 чел., и они сыграли важную роль в процессе партийного строительства и борьбы за власть [28, с. 242].

Таким образом, в первую декаду марта 1917 г. в Сибири в городах и поселениях, расположенных на Транссибе и других железных дорогах, были отстранены от власти руководители органов местного государственного управления, началось создание общественных управленческих структур, а также организаций политических партий. Промежуточные итоги подвели 10 марта в ходе празднования дня Свободы. Например, по описанию Н.С. Романова, в Иркутске: «В 12 часов дня после литургии в Казанском соборе на Тихвинской площади торжественный молебен с провозглашением многолетия Богохранимой державе Российской и Временному правительству и вечной памяти павшим в борьбе за свободу. Войска дефилировали перед представителями военных и гражданских властей. Войсковые части прошли со знаменами «Земля и воля», «Да здравствует свободная Россия», «Да здравствует революция». Красный цвет был повсюду» [11, с. 234].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. К юбилею опальной революции 1917 года // Русская революция в контексте истории: Материалы регион. науч. конф. Томск, 2008. С. 61–71.
2. Кокоулин В.Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 400 с.
3. Кокоулин В.Г. Томск в годы революции и Гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2012. 312 с.
4. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 456 с.
5. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военном-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.

6. Кокоулин В.Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 2016. 404 с.

7. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.

8. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с.

9. Дорохов В.Г. Томское губернское жандармское управление перед Февральской революцией 1917 года // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 276–280.

10. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Новосибирск, 2010. Кн. 2. 359 с.

11. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.

12. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 592 с.

13. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск, 2013. Т. 2, ч. 1. 416 с.

14. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. 473 с.

15. Казанский П.А. Из воспоминаний П.А. Казанского // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 18–28.

16. Дробченко В.А. Кузбасс в вихре революций: Общественно-политическая жизнь края в марте – мае 1918 г. Томск, 2008. 662 с.

17. Кожевин В.Л. К истории первых дней революции 1917 года в Омске // Омск – 300. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Омск, 2016. С. 172–175.

18. Капляк В.Н. Семипалатинск: От бургомистра до акима. Семей, 2007. 400 с.

19. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 583 с.

20. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы. Томск, 2012. 223 с.

21. Архангельский В.Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага). 1927. № 2. С. 41–61.

22. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейские, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. 184 с.

23. Новикова Т.М. Восточносибирские епархии Русской православной церкви и события Февраля 1917 г. // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 389–393.

24. Казарян П.Л. История Верхоянска. Изд. 2-е. Якутск, 2003. 206 с.

25. Бабилова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 180 с.

26. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.

27. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. 328 с.

28. Шиловский М.В. Почему Красноярск в 1917 г. стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории: Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 241–245.

REFERENCES

1. Shilovskiy M.V. To the anniversary of the disgraced revolution. *Russkaya revolyutsiya v kontekste istorii: Materialy regionalnoy nauch. konf.* Tomsk, 2008, pp. 61–71. (In Russ.)
2. Kokoulin V.G. Novonikolayevsk in the years of the Revolution, Civil War and «Military Communism» (February 1917 – March 1921). Novosibirsk, 2010, 400 p. (In Russ.)
3. Kokoulin V.G. Tomsk in the years of the Revolution and Civil War (February 1917 – December 1919). Novosibirsk, 2012, 312 p. (In Russ.)

4. Kokoulin V.G. Altay in the years of the Revolution, Civil War and «Military Communism» (February 1917 – March 1921). Novosibirsk, 2013, 456 p. (In Russ.)
5. Kokoulin V.G. Everyday life of the Siberian town dwellers in the years of WWI and the Revolution (July 1914 – March 1921). Novosibirsk, 2013, 385 p. (In Russ.)
6. Kokoulin V.G. Omsk in the years of the Revolution: power structures, political struggle and everyday life (February 1917 – May 1918). Novosibirsk, 2016, 404 p. (In Russ.)
7. Shilovsky M.V. Political processes at Siberia during the period of social cataclysms of the 1917–1920. Novosibirsk, 2003, 428 p. (In Russ.)
8. Shilovsky M.V. World War I (1914–1918) and Siberia. Novosibirsk, 2015, 330 p. (In Russ.)
9. Dorokhov V.G. Tomsk Governorship gendarme department before the February revolution of 1917. *1917 god v rossyskoy i mirovoy istorii. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 276–280. (In Russ.)
10. Fedorov V.I. Yakutia in the epoch of wars and revolutions (1917–1919). Novosibirsk, 2010, vol. 2, 359 p. (In Russ.)
11. Romanov N.S. Chronicle of the Irkutsk city of 1902–1924. Irkutsk, 1994, 560 p. (In Russ.)
12. Serebrennikov I.I. Standed yet against the fate strikes. Diary of 1914–1918. Irkutsk, 2008, 592 p. (In Russ.)
13. Social and political life of Tomsk governorship in 1880–1919. Tomsk, 2013, vol. 2, pt. 1, 416 p. (In Russ.)
14. Novosibirsk. 100 years. Events. People. Novosibirsk, 1993, 473 p. (In Russ.)
15. Kazansky P.A. From the memoirs of P.A. Kazanskiy. *Revolutsionnye sobytiya i grazhdanskaya voyna v Altayskoy gubernii. 1917–1922: Khrestomatiya*. Barnaul, 2001, pp. 18–28. (In Russ.)
16. Drobchenko V.A. Kuzbass in the Revolution whirl: social-political life of the region in March – May, 1918. Tomsk, 2008, 662 p. (In Russ.)
17. Kozhevin V.L. To the history of the first revolutionary days of 1917 in Omsk. *Omsk – 300: Proshloe. Nastoyashchee. Budushcheye: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Omsk, 2016, pt. 1, pp. 172–175. (In Russ.)
18. Kashlyak V.N. Semipalatinsk: from Burgomistr to Akim. Semey, 2007, 400 p. (In Russ.)
19. Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents. Tyumen, 2000, 583 p. (In Russ.)
20. Yakovenko A.V., Gakhov V.D. Tomsk governors. Tomsk, 2012, 223 p. (In Russ.)
21. Arkhangelsky V.G. The first month of the 1917 February revolution in Irkutsk. *Volnaya Sibir (Praga)*, 1927, no. 2, pp. 41–61. (In Russ.)
22. Larkov N.S., Chernova I.V. Chief of police, commissioners, superiors (heads of the law-enforcement bodies of governorship, district and region in the 19th–20th centuries). Tomsk, 1999, 184 p. (In Russ.)
23. Novikova T.M. East-Siberian eparchy of the Russian Orthodox church and events of the 1917 February. *1917 god v rossyskoy i mirovoy istorii. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 389–393. (In Russ.)
24. Kazaryan P.L. History of Verkhoyansk. 2nd ed. Yakutsk, 2003, 206 p. (In Russ.)
25. Babikova Ye.N. Dual power in Siberia. Tomsk, 1980, 180 p. (In Russ.)
26. Larkov N.S. The Civil war beginning in Siberia: the army and struggle for power. Tomsk, 1995, 252 p. (In Russ.)
27. Tomsk necropolis. Lists and obituaries buried in the old cemetery of Tomsk. 1827–1939. Tomsk, 2001, 328 p. (In Russ.)
28. Shilovsky M.V. Why Krasnoyarsk in 1917 became the Siberian Kronstadt? *1917 v rossiiskoi i mirovoi istorii. Materialy Mezhd. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 241–245. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.01.2017

DOI: 10.15372/HSS20170103
УДК 94 (47).084 (470.56)

Д.А. САФОНОВ

ПРОВИНЦИЯ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Оренбургский государственный университет,
РФ, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 18

В статье проанализирован процесс изменений в жизни провинции в период правления Временного правительства (февраль–октябрь 1917 г.) на примере Оренбургской губернии. Инициированная центром перестройка управленческих структур, с ее непоследовательностью и непродуманностью, в сочетании с неумелым информационным обеспечением в итоге вызвала незапланированную реакцию. Свидетельства и факты социальной активности показывают, что в считанные месяцы на местах (преимущественно в деревне) преобладающим стало иллюзорное убеждение об исчезновении государства, его институтов и законов. Это имело далеко идущие последствия, ярко проявившиеся в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: провинция, революция, перемены, народ, власть, губерния, государство, законы.

D.A. SAFONOV

PROVINCE IN THE FEBRUARY REVOLUTION

Orenburg State University (OSU),
18, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russia

The problem of the interconnection of February Revolution and the province may be considered in two ways: first, as a process, begun in the capital and spread all over the country, and, secondly, as a process of change in the provincial life in the period from February to October 1917. Use of facts from different regions provides a kind of “virtual” province, sort of “non-capital”, however, it has nothing to do with any of the existing provincial governorates. The author believes it can be useful to look at the issue locally, within one single territory – Orenburg province.

The author is of the second opinion; no ascendancy of the revolution in the province was observed: no one wanted to replace the authorities forcibly, the “old” power was held firmly enough, and could have been able to repel any attempts. The population of the province apprehended the transition to power of the Provisional Government rather calmly. Transformation of absolute monarchy into a constitutional could not be a revolutionary change as it had been harmonically blended into the existing state system. The changes were limited to renaming – governors to provincial commissioners, the police – the militia, and the removal of certain officials.

In general, the information picture of the region was a complex ever-changing mosaic with elements of guessing of the missing elements. Analysis of the evidence and facts of social activity in the region shows that in a few months the provincial life was dominated by (mainly in the countryside) the delusional belief about the disappearance of the state in general, with its management structure and order, law and responsibility for the committed crimes. As the result there was an increase of criminal acts, both quantitative and qualitative. The situation got out of control, the feeling of “inner liberation” strengthened within the masses and it was not about the emancipation of the individual, but more about rudeness, aggressiveness, violence. All these far-reaching effects were especially evident during the civil war.

Key words: Province, revolution, change, people, power, province, state laws.

Историю Февральской революции и провинции можно изучать в двух плоскостях: как продолжение революционного процесса, начавшегося в столице и

распространившегося далее по стране, и как жизнь российской провинции в определенный исторический период (в данном случае – революции 1917 г.).

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-01-0017 («Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)»).

Дмитрий Анатольевич Сафонов – д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный университет, e-mail: d_safonov@mail.ru.
Dmitry A. Safonov – doctor of historical sciences, Professor, Orenburg State University.

В отечественной историографии разрабатывались оба подхода. Первый был заложен известным исследованием Э.Н. Бурджалова о второй революции, четко выстроившим направление распространения революционной волны: столица – Москва – фронт – периферия [1]. Среди последних работ этого направления следует отметить монографию А.В. Седова о Февральской революции в деревне [2]. Сюда же примыкают исследования, посвященные формированию органов власти и управления на местах. Особое внимание историки уделяют новому институту власти – губернским и уездным комиссарам Временного правительства [3; 4; 5]. При этом процесс складывания новых властных структур, как правило, исследовался в общероссийских территориальных рамках и потому неизбежно воспринимался как единый в масштабах всей страны.

Другой подход демонстрирует монография В.П. Булдакова [6], где в центр внимания попадает не распространение революции, но человек, его изменившееся отношение к власти, себе подобным, окружению, а ключевой проблемой становится история насилия в период революции.

Этот второй подход отчасти ставит под сомнение исходную позицию первого – о единстве революционного процесса. Отметим прозвучавшее еще в 1997 г. мнение академика П.В. Волобуева, указавшего на вариативность подходов: «Февральская революция может рассматриваться... Во-первых, как революционный взрыв, хронологической протяженностью с 23 февраля по 3 марта», увенчавшаяся свержением монархии. Во-вторых, как вторая демократическая революция в России, длившаяся с марта по октябрь 1917 года» [7, с. 3]. В тот период его позиция воспринималась как некий компромисс между старым и новым видением в советской историографии двух революций в 1917 г. Сегодня эта мысль приобретает неожиданное, новое звучание.

К осени 1917 г. фактически завершилось формирование новых органов власти на местах, заменивших «царские». Обычно исследователи рассматривали их как определенный результат революционных преобразований и как сложившуюся систему. При таком подходе историки больше внимания уделяют общим элементам, соответственно задачам системного анализа. Проанализировать ситуацию в масштабах всей страны крайне сложно. Но, что еще более важно, – едва ли это позволит выявить общие закономерности, учитывая многонациональность населения, особенности регионов и т.п.

На наш взгляд, правильнее рассматривать революционные события в масштабах одной территории (губернии) с ее общими и локальными особенностями, с одновременным учетом характерных черт, свойственных любой губернии, достаточно удаленной от центра: слабые коммуникации – значит, слабая связь со столицей, как следствие этого – неизбежное информационное отставание; неизмеримо меньшая политическая конфронтация, а то и ее отсутствие; крепче поддержи-

ваемый правопорядок; наличие особых групп населения, которые отсутствуют в центре.

Обобщающий термин «провинция» в данном исследовании используется достаточно условно. Каждый регион имел специфику, абстрагируясь от которой, можно лишь проиллюстрировать общероссийские тенденции. Но так мы рискуем получить в итоге некую «виртуальную» провинцию, как бы альтернативный вариант «не-столицы», тем не менее, не имеющую ничего общего ни с одной из существовавших «провинциальных» губерний.

В качестве территориальных рамок изучения революционного процесса предлагается Оренбургская губерния – окраина юго-востока европейской части империи, в основном с крестьянским населением, многонациональная, но с преобладанием великорусского этноса. В крае, находившемся на значительном расстоянии от центра страны (поезд из Москвы доходил через двое суток, газеты из столицы в среднем через 10 дней), отсутствовали организованные революционные силы и даже либеральная оппозиция (земские учреждения начали создаваться только в 1913 г.). Правопорядок поддерживался силами местных правоохранительных органов, имевших дополнительный ресурс в лице казаков, традиционно привлекаемых в прежние десятилетия для поддержания правопорядка в ряде мест европейской части страны, в том числе в столицах. В пределах губернии также существовала территория Оренбургского казачьего войска – наличие казаков, разумеется, особенность, но с учетом того, что в империи было 11 казачьих войск – не исключительная.

О событиях в столице население губернии узнало не сразу. Первое известие о февральских событиях в Петрограде пришло в Оренбург 28 февраля в 23 ч. 48 мин. – именно тогда в Управление Ташкентской железной дороги поступила телеграмма от комиссара Государственной думы А.А. Бубликова [8, с. 13]. По распоряжению губернатора М.С. Тюлина она была скрыта от общества. Но уже 1 марта поступила телеграмма оренбургскому городскому голове за подписью председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сообщавшая, что «Временный комитет Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [8, с. 13]. На следующий день по городу поползли первые слухи, вскоре получившие новый импульс из-за распоряжения губернатора не допустить в город свежую столичную прессу. Газеты были изорваны полицией прямо на перроне, что и побудило находившихся там заинтересоваться обрывками [9, с. 26]. Официально населению сообщили о происшедшем в столице 3 марта вечером, когда уже заседали городская дума и организационный комитет Совета рабочих депутатов. 5 марта телеграммой из столицы было передано распоряжение создать в губернии Временный губернский гражданский комитет для «поддержания порядка и обеспече-

ния правильного и нормального течения жизни»¹. 6 марта министр внутренних дел князь Львов известил о временном отстранении от постов губернаторов и вице-губернаторов с передачей прав губернского комиссара председателю губернской земской управы, то же происходило на уровне уездов². 7 марта МВД возложило на заместителя председателя губернской земской управы (председатель был в отъезде) Г.М. Базилевича «обязанности губернского комиссара»³. Затем 8 и 9 марта приступили к исполнению своих обязанностей комиссары в уездах⁴.

Есть все основания полагать, что Временное правительство первоначально намеревалось ограничиться заменой лишь самого высшего эшелона власти в губерниях; в принципе губернский аппарат вполне можно было бы использовать, как, впрочем, и высших чиновников. В упомянутой выше телеграмме князя Львова от 6 марта речь шла как раз о «временном отстранении» губернаторов. Показательно также, что уже 8 марта служащие губернского правления и канцелярии губернатора послали Временному правительству телеграмму, извещая, что присоединяются в полном составе к создаваемому гражданскому комитету и подавать в отставку в знак неповиновения совершенно не намерены⁵. 9 марта газета «Оренбургское земское дело» сообщила, что бывший губернатор генерал-лейтенант М.С. Тюлин передал управление губернией заместителю председателя земской управы Г.М. Базилевичу, который теперь стал именоваться «оренбургским губерnskим комиссаром Временного правительства»⁶.

Правовой статус губернского комиссара Временного правительства и его функции долгое время оставались достаточно неопределенными: телеграмма главы МВД князя Львова говорила лишь об «исполнении обязанностей» такового. Центр поначалу ограничился разъяснением, что губернский комиссар опирается в своей деятельности на губернский комитет и его исполнительный орган; при губернском комиссаре существуют два уполномоченных от губернского и городского комитетов, фактически помощники. Управление осуществляется коллегиально⁷. В ответ на последовавшие многочисленные запросы с мест губернский комитет рекомендовал действовать «на основании закона прежних взаимоотношений», что, по сути, было абсурдно, поскольку в «прежних» законах должность комиссара отсутствовала⁸.

Как нам представляется, в дальнейшем Центр все более склонялся к тому, чтобы превратить должность губернского комиссара в аналог губернаторской. 6 апреля Центр сообщил, что губернский комиссар «является носителем власти Временного правительства в губернии», при этом разъяснений опять не было дано, а только обещание – «подробная инструкция будет сообщена»⁹. Позднее губкомиссар Архангельский в своем июльском циркуляре в уезды подчеркивал, что комиссар «является прежде всего представителем власти центрального правительства, не допуская никаких отклонений от нея в пользу каких-либо местных или партийных влияний на комиссара»¹⁰. Телеграмма из МВД 30 июня давала следующее определение: «комиссар является высшим представителем власти временного правительства»¹¹. Оформление аппарата власти Временного правительства на местах завершилось только осенью – 19 сентября наконец появилось положение о комиссарах, окончательно заменявших губернаторов и получивших при этом их полномочия [3, с. 243].

Кроме того, практически одновременно стала формироваться и другая структура – гражданские комитеты (позднее их стали называть комитеты общественной безопасности). Губернский гражданский комитет был создан еще 4 марта: в него вошли представители городов, земств, кооперативных объединений, Совета рабочих депутатов, отдельных организаций губернского города, позднее, после создания комитетов в уездах, – представители таковых¹². Происходило это не без участия губернского комиссара. Так, 1 апреля комиссар Холодковский докладывал в МВД о завершении организации в губернии комитетов общественной безопасности¹³. Созданные решениями «сверху» уездные и волостные комитеты достаточно скоро стали самовольно брать на себя решение новых и новых вопросов. Реального контроля и руководства с уровня губернии не было; губернский комитет ограничивался «указаниями и распоряжениями». Показательно, что когда в Челябинске Совет рабочих и солдатских депутатов «устранил» городской комитет безопасности, взяв управление в свои руки, губернская власть лишь «приняла к сведению»¹⁴.

Фактически произошло дублирование властных структур. Даже официальных газет оказалось две: «Оренбургский губернский вестник» – вместо традиционных «Губернских ведомостей» и «Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности». Причем обе заявляли своими задачами: «обнародование во всеобщее сведение всего населения Оренбургской губернии актов (действий и мероприятий) Временного правительства и его органов» («Вест-

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.184. Оп. 1а. Д. 2. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Д. 2. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ Оренбургское земское дело. 1917. 9 марта. Почти сразу Г.М. Базилевич отказался от своих обязанностей; в дальнейшем губернскими комиссарами были Н.А. Холодовский (март–июнь 1917) и Н.В. Архангельский (июнь–октябрь 1917).

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 42.

⁸ ГАОО. Ф. 184. Оп. 1а. Д. 2. Л. 35.

⁹ Там же. Л. 108.

¹⁰ Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности. 1917. 27 (9) июля.

¹¹ ГАОО. Ф.184. Оп. 1. Д. 47. Л. 158.

¹² Там же. Д. 2. Л. 14.

¹³ ГАРФ. Ф.1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 14.

¹⁴ Известия... 1917. 9 (22) мая.

ник»); «для осведомления населения о деятельности нового Временного правительства и его ближайших органов» («Известия»).

Все перечисленное говорит в пользу того, что изменения в аппарате управления на местах можно полагать лишь переформатированием старой власти, но никак не революционной ломкой как таковой. Наблюдаемые изменения сложно определить как революционные: Временное правительство легко вписалось в существующую структуру государственных органов; происшедшая в итоге трансформация абсолютной монархии в конституционную не несла в себе революционного начала; республика была провозглашена только 1 сентября – т.е. до этого времени Россия оставалась *de jure* монархией; изменения касались лишь переименований – губернаторов в губернские комиссары, полиции – в милицию, а также удаления конкретных должностных лиц: оренбургский губернатор генерал-лейтенант М.С. Тюлин 17 марта был уволен в резерв Кавказского военного округа¹⁵, служащих полиции было запрещено брать в милицию. В апреле губернский комиссар рапортовал, что «все представители старой власти были заменены»¹⁶. Оставивший в 1925 г. воспоминания житель Алексеевской волости Исаево-Дедовского уезда крестьянин А.М. Колыхалов писал: «в мае волной – смеи на полиции, старшин, даже писарей»¹⁷.

Новость о свержении самодержавия и взятии власти Временным правительством не вызвала никаких акций протеста, недовольства или поддержки в губернии. Значительно более поздним газетным сообщением «Известий Оренбургского губернского комитета общественной безопасности» о «радостных митингах» на местах в поддержку Временного правительства есть основания не доверять. Отсутствие сообщений о таковых сразу после прихода в Оренбург известий об отречении монарха весьма показательно в сравнении с массовыми манифестациями в Оренбурге после получения Манифеста 17 октября 1905 г. Причин может быть две: либо наступившая удивительная социальная пассивность оренбургского общества, либо, что более вероятно, перемены воспринимались как перемены легитимные. В действиях официальных «Оренбургских губернских ведомостей», поместивших 4 марта (т.е. уже после официального признания отречения монарха накануне) царский указ от 22 ноября 1916 г., ничего ошибочного не было. Даже оренбургские казаки, которых происшедшие перемены, казалось бы, затронули более всего – отречение императора разрушило централизованное управление казачьими войсками, достаточно скоро приспособились: в середине апреля атаман войска впервые был избран, стали усиливаться сторонники войсковой автономии.

Чтобы верно оценить изменения в сознании, настроениях и поведении провинциальных масс, следует

обратить особое внимание на информацию, поступавшую в указанный период в губернию. Информационное воздействие из столицы никак нельзя было назвать успешным. В нем отсутствовала внутренняя логика, что прекрасно видно на примере затянувшегося до осени процесса оформления статуса губернского комиссара.

Поступавшие в Оренбуржье сведения о событиях в столице были настолько разрозненны, непоследовательны и порой разноречивы, что массы при всем желании не могли иметь четкого представления о происходящем – чему подтверждением служат публикации обеих местных газет, изначально задекларировавших намерение сообщать о решениях Временного правительства. Из того, что в них публиковалось, получить представление об общем курсе Временного правительства невозможно. Наиболее показательна в этом направлении деятельность «Известий Оренбургского губернского комитета общественной безопасности», ограничившихся в итоге перепечатками из столичной прессы статей «Что такое самодержавная монархия», «Системы двух законодательных палат», «Что такое политическая партия», «В чем сила выборной власти», «Конституционная монархия» и т.п. При этом газеты оставались, по сути, городскими; деревня не имела и этого. Так, орский уездный комиссар сообщал, что в уезде есть села, куда со времени «переворота» (свержения монархии) за полгода не попало ни одной газеты¹⁸.

Неизбежным и предсказуемым результатом стало формирование альтернативных информационных потоков, прежде всего, слухов. В условиях 1917 г. появляется принципиально новый фактор, связанный с возросшим влиянием дезертиров. Последние были серьезно мотивированы на то, чтобы доказывать полную гибель старого мира, поскольку только такие перемены способны были придать легитимность их бегству с фронта.

Определить сегодня, что именно говорили различного рода информаторы, и еще важнее – как понимали это массы, не представляется возможным. Единственное, что возможно, – проанализировать действия масс. Из дошедших до нас источников и свидетельств обращает на себя внимание повторяющаяся мысль об исчезновении государства («власти») и законов. Крестьянин А. Колыхалов в своих воспоминаниях отмечал, что в апреле «из волости сообщили, что старой власти нет»¹⁹. Осенью 1917 г. орский уездный комиссар доносил губернскому, что «в уезде развился среди массы населения повальный взгляд»: «Законная власть – это мы, сами граждане. Что хотим, то и имеем право делать». Орский уездный комиссар сообщал о своем визите в с. Дергаиш в сентябре, где, по его словам, «со времени переворота не было ни одного человека», – т.е. с февраля по сентябрь село было полностью изолировано от окружающего мира. И тем не менее, он кон-

¹⁵ Заря. 1917. 7 (30) апр.

¹⁶ Южный Урал. 1917. 10 нояб.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

¹⁸ Оренбургский казачий вестник. 1917. 6 сент.

¹⁹ ЦДННАО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

статировал «ряд возмутительных явлений»: а именно – стремление крестьян поступать во всем по-своему. Комиссар пытался не допустить захвата частновладельческих земель. На все его указания крестьяне отвечали: «говорите, говорите, – не боимся; много теперь всяких людей шатается, а право и закон – мы сами». Симптоматичен его общий вывод о деревне региона – здесь «полное безвластие наряду с безграничным самовластьем»²⁰. Утверждать, что кто-то извне привнес крестьянам Дергаиша новые идеи, нет оснований. Получается, что крестьяне как-то ощутили перемены и стали действовать в рамках своих представлений.

В целом информационная картина в регионе представляла собой сложную мозаику с отдельными элементами домысливания и даже дофантазирования; вдобавок – постоянно меняющуюся. В ней не вырисовывались никакие внятные перспективы, она не давала понимания перемен к лучшему. Итогом было создание иллюзии исчезновения государства вообще, с его управленческими структурами и порядками. Неверно полагать, что произошло высвобождение народных представлений о законе и справедливости, якобы задушенных ранее государством. Скорее, стоит говорить о формировании новых представлений в условиях, ранее не существовавших.

Вполне прогнозируем был резкий рост преступности. Исчезновение законов влечет за собой исчезновение границ дозволенного, утрачивается и боязнь неотвратимости наказания. Источники сообщали, что не было деревни, где бы не варили самогон. Стали совершаться преступления, беспрецедентные для оренбургской деревни: покушение на ограбление почты в д. Екатериновка или ограбление кредитного товарищества в с. Зирган. Резко возросло число нападений и грабежей с применением огнестрельного оружия; его применяли против милиции даже самогонщики и похитители овец [10, с. 314, 356]. От месяца к месяцу увеличивалось число разгромов лавок, самовольных обысков у спекулянтов и т.д. С весны волостные комитеты начали вершить свой суд, исходя из собственного понятия «справедливости», ограничиваясь штрафами²¹. С лета 1917 г. такого рода функции начинают на себя брать отдельные крестьянские общества²². Исаево-Дедовским волостным гражданским комитетом впервые был применен народный суд над покушавшимся на кражу народной пшеницы из общественного магазина. Трех виновников – вахтера, сельского писаря и крестьянина – водили в сопровождении двух милиционеров по улицам два базарных дня и два праздничных. Каждого заставили носить плакат «народный вор» и мешок, набитый соломой с надписью «краденая народная пшеница». Любопытно зафиксированное свидетельство: «в народе говорили: лучше отсидеть бы три месяца в тюрьме, чем нести такой позор»²³.

Вполне логично было ожидать дальнейшего развития «народного» правосудия. Так и произошло – от штрафов и арестов массы переходят к более суровым наказаниям. Уже в конце июля 1917 г. были отмечены самосуды. Вскоре они становятся едва ли не повсеместным явлением – чаще всего в отношении конокрадов. Так, в Троицком уезде крестьяне, чтобы расправиться с конокрадом, даже отбили его у милиции²⁴. К октябрю 1917 г. случаев насилия становится больше – крестьянские «суды» превращаются в судилища. В с. Петровском Оренбургского уезда толпа убила четырех человек только по подозрению в краже²⁵. Ситуация все более выходила из-под контроля, в массах усиливалось «внутреннее освобождение», проявившееся не только в раскрепощении, развитии самостоятельной инициативы, но у многих в агрессивности и насилии. Причем произошло это в достаточно короткий промежуток времени – в считанные месяцы. В оренбургской мемуаристике есть пример, прекрасно иллюстрирующий эту ситуацию: некто Т. Филиппов, в феврале случайно услышавший на станции о свержении царя, разрыдался от страха при виде урядника, будучи уверенным, что за такое знание его точно посадят. А в апреле этот же человек первым (!) бросился на урядника с криком «Бей его, кровопийцу»²⁶. Создались идеальные условия не только и не столько для строительства нового мира или утверждения человеческих ценностей и понятий справедливости, но и для сведения личных счетов. Низменные инстинкты все больше выплескивались наружу. Это во многом объясняет последующую остроту конфликтов в условиях Гражданской войны.

Выводы и наблюдения, сделанные на основе одной губернии, не могут претендовать на всеобщность. Но схожие исходные позиции (удаленность от центра, слабые коммуникации, слабый контроль губернской власти над территорией и др.) позволяют говорить об определенных общих чертах «провинциальных» губерний (кроме губерний столичных, и скорее всего, сопредельных с ними). Инициированные весной–летом 1917 г. изменения в системе местных органов власти не имели ничего общего с революционными переменами. Но и простое переформатирование властной вертикали в итоге обернулось плачевными последствиями. Проводимый Временным правительством курс не имел должного информационного обеспечения. Представления провинциальных масс, в которых на первый план вышла идея о разрушении государственной власти, исчезновении законов, постепенно стали определять весь политический процесс. Столь быстрая и кардинальная перемена в политическом сознании объясняется деформацией традиционалистских установок в мышлении масс. Власть воспринималась населением нераздельно в комплексе с конкретными действиями конкретных ее представителей, негласными правилами

²⁰ Оренбургское земское дело. 1917. 5 сент.

²¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 210. Л. 32–33; Л. 71, Л. 88.

²² Там же. Л. 87–88; Оп. 6. Д. 196. Л. 151; Д. 256. Л. 29–30.

²³ Свободное слово солдата. 1917. 20 апр.

²⁴ Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности. 1917. 11(24) июня.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 121. Л. 97.

²⁶ ЦДНПО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

ми, правовыми традициями и другими паттернами. Постепенное их исчезновение и было воспринято затем как исчезновение государственности вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
2. Седов А.В. Февральская революция в деревне. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 229 с.
3. Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 г.). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
4. Тропов И.А. Революция в провинции. Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб., 2011. 250 с.
5. Тропов И.А. Кризис местной правительственной власти в России весной – осенью 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 2. С. 178–181.
6. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН: фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с.
7. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
8. Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. 448 с.
9. Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края. Оренбург: Оренбургская губерния, 2004. Вып. 1. Первые сто лет. 504 с.
10. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л.: ГИЗ, 1927. 444 с.

REFERENCES

1. Burdzhalov E.N. The second Russian revolution. Moscow. Front. Periphery. Moscow: Nauka, 1971, 463 p. (In Russ.)
2. Sedov A.V. The February revolution in the countryside. Nizhny Novgorod: Publishing House UNN, 1997, 229 p. (In Russ.)
3. Gerasimenko G.A. People and Power (1917). Moscow: Voskresenie, 1995. 288 p. (In Russ.)
4. Tropov I.A. The revolution in the province. Local authorities in Russia (February–October 1917). St. Petersburg, 2011, 250 p. (In Russ.)
5. Tropov I.A. The crisis of local government authorities in Russia in the spring and autumn of 1917. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011, no. 4, pt 2, pp. 178–181 (In Russ.)
6. Buldakov V.P. The Red turmoil: the nature and consequences of revolutionary violence. 2nd ed., ext. Moscow: ROSSPEN: Fund «The President B. Yeltsin Centre», 2010, 967 p. (In Russ.)
7. 1917 in the fate of Russia and the world. The February Revolution: from new sources to new understanding. Moscow, 1997 (In Russ.)
8. Safonov D.A. Between Empire and the Soviet Republic: the local authorities in the southern Urals in 1917–1918. Orenburg: Print. House «Dimur», 2008, 448 p. (In Russ.)
9. Safonov D.A. Periodicals of Orenburg region. Iss. 1: The first hundred years. Orenburg: Orenburg Province, 2004, 504 p. (In Russ.)
10. The peasant movement in 1917. Moscow; Leningrad: GIZ, 1927, 444 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.01.2017

DOI: 10.15372/HSS20170104
УДК 94(44)»1914/1918»

Я.А. ГОЛУБИНОВ

**НАБЛЮДАЯ РЕВОЛЮЦИЮ:
БРИТАНСКИЙ ОТДЕЛ ВОЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ПУЛЯ
В РОССИИ В 1917 — НАЧАЛЕ 1918 г.**

Самарский государственный медицинский университет
РФ, 443013, Самара, ул. Тухачевского, 226

Статья посвящена эпизоду русско-британского сотрудничества в годы Первой мировой войны, а именно работе так называемого Британского отдела военного снабжения. Миссия британских военных заключалась, с одной стороны, в проверке надлежащего использования оружия и боеприпасов, поставленных Великобританией, а с другой – в установлении более тесных контактов между промышленными предприятиями двух стран. Обе задачи не были выполнены. Причинами, по мнению автора, послужили, во-первых, постепенный развал фронта и армейской работы в тылу, во-вторых, курс большевиков на скорейшее заключение мира с Германией. Начальник отдела генерал Пуль и его ближайший помощник, полковник Берн, очень скептически оценивали возможности России для продолжения борьбы с немцами, что предопределило во многом планы дальнейшей британской интервенции.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Первая мировая война, русско-британское сотрудничество, военное снабжение, революция в России, 1917-й год.

Y.A. GOLUBINOV

**OBSERVING THE REVOLUTION:
GENERAL POOLE'S BRITISH MILITARY EQUIPMENT SECTION
IN RUSSIA IN 1917 — EARLY 1918**

Samara State Medical University,
226, Tukhachevskogo str., Samara, 443013, Russia

This article is devoted to the episode of Russian-British cooperation during the First World War, specifically the British Military Equipment Section under the command of General Poole. Analysis of activity of Poole's mission is based primarily on preserved documents within collection of the Records of the Cabinet Office held by the National Archives of the UK. Main documents are the reports which were sent by General Poole and his closest aide Colonel Byrne to Committee of Russian Supply in London (the so-called Lord Milner's Committee). Unfortunately these reports don't clarify some important aspects of daily operations of the mission but they are an excellent illustration of the perception of Russian reality in 1917 by the representatives of the British military and political elite. The British military supply mission had to verify, in the first place, the proper use of weapons and ammunition from the United Kingdom and, in the second, had to help in establishing closer contacts between industrial businessmen of the two states.

General Poole and his team observed work of the artillery parks and aviation workshops as well as the defense facilities. According to the British officers all of them suffered from common problems. Revolutionizing of the masses diverted many people from work, contributed to the fall of the discipline, and was accompanied by the reluctance of the military and civilian officials to do anything for normalizing the situation.

Both tasks of the mission were failed. The first reason was the gradual collapse of the front and army work in the rear, and the second was the Bolshevik pursuit to conclude the peace with Germany. General Poole and Colonel Byrne were both skeptical about Russia's ability to continue the war. In the beginning of 1918 the Poole's team tried to prevent the looting of British goods in Russian ports. The collapse of the Russian state and economic mechanisms was the great trouble for British politics because the fall of the Eastern Front could not be allowed. Poole's mission was a stage of preparation of the British intervention in Russia.

Key words: Russia, Great Britain, First World War, Anglo-Russian cooperation, military supply, Russian revolution, 1917.

Ярослав Анатольевич Голубинов – канд. ист. наук, Самарский государственный медицинский университет, e-mail: golubinov_fil@samsmu.ru.

Yaroslav A. Golubinov – candidate of historical sciences, Samara State Medical University.

В 1917 г. Россия оказалась в чрезвычайно трудной ситуации. Война и революция расшатали традиционные механизмы управления и хозяйствования. Такое положение чрезвычайно тревожило союзников России, которые не желали, чтобы Восточный фронт рухнул. Однако по мере углубления политического кризиса в России взгляды политической и военной элит в странах Антанты изменялись, постепенно эволюционируя от идеи всемерной помощи союзнику до идеи вооруженного вмешательства во внутренние дела Российского государства. Одними из важных источников информации о происходящих в стране событиях для европейских держав являлись доклады их военных и гражданских специалистов, которые находились в России на фронте и в тылу.

Данная статья посвящена работе британского военного представительства генерала Пуля и полковника Берна в России в 1917 г. — начале 1918 г. Обзор деятельности Пуля и его группы основан прежде всего на отчетах, сохранившихся в фонде Кабинета министров (Records of the Cabinet Office, CAB) Национального архива Великобритании. Эти отчеты генерал и его помощник полковник Берн направляли лондонскому комитету по поставкам в Россию (так называемому комитету лорда Мильнера). Документы, к сожалению, не проясняют некоторых важных моментов повседневной деятельности британцев (например, деталей их непосредственных контактов с военными и гражданскими лицами), но являются прекрасной иллюстрацией восприятия представителями британской военно-политической элиты российских реалий в 1917 г.

Миссии Пуля предшествовала Петроградская конференция союзников в январе–феврале 1917 г., на которой обсуждались наряду с другими и вопросы военных поставок из стран Антанты и США в Россию (см. подробнее [1]). На аудиенции у Николая II британский политический деятель лорд Альфред Мильнер предложил проект учреждения в России специального британского военного представительства «для оказания помощи в использовании прибывавшего из Англии вооружения» [2, с. 113]. Эта инициатива объяснялась тем, что «у Мильнера с первых дней пребывания в России сложилось впечатление о неспособности русской бюрократии руководить обслуживанием войны» [3, р. 34], а также появились серьезные опасения, что направляемая ей помощь может быть потрачена впустую [1, с. 147].

Результатом обращения лорда Мильнера к царю стало учреждение специального представительства во главе с генерал-майором Фредериком Пулем (Frederick Cuthbert Poole), прибывшим в Петроград во второй половине марта 1917 г. Пуль был артиллерийским экспертом и служил во Франции под началом генерала Генри Уилсона, который, будучи в 1917 г. неофициальным военным советником Ллойда Джорджа, скорее всего и предложил кандидатуру своего протеже на эту должность [4, р. 239].

Официально группа офицеров и солдат, числом до полусотни, во главе с Пулем называлась «британский

отдел военного снабжения» (British Military Equipment Section) [4, р. 239]. Задачи отдела формулировались следующим образом:

1. Консультирование Лондона по вопросам о реальных потребностях России в артиллерийских боеприпасах или военном снаряжении в целом.

2. Наблюдение за мобилизацией и оснащением батарей и обучение российских артиллеристов новейшим методам ведения боя.

3. То же самое в отношении российской военной авиации.

4. Выработка рекомендаций по поставкам машин, металлов и т.п.¹

В помощь Пулю был определен полковник Фредерик Берн (Frederick Joseph Byrne), который должен был, по замыслу лорда Мильнера, вести практически самостоятельную работу по оценке эффективности использования ввезенных британских материалов и вообще работоспособности русской военной промышленности, а также стать посредником между русскими заводами и британским Министерством вооружений [4, р. 240]. Сам Берн был родом из Ирландии и долгое время служил в Коннахтском полку, а в годы Первой мировой войны стал участником многочисленных военных комиссий по снабжению².

Генерал Пуль специальной телеграммой от 22 марта 1917 г.³ предложил Лондону создать в Петрограде комитет из «ведущих русских и британских бизнесменов» и тем самым ускорил формирование особого британского органа для координации российских закупок в Соединенном Королевстве [4, р. 255]. Этим органом стал образованный ближе к концу марта так называемый комитет лорда Мильнера, который должен был согласовывать не только российские закупки в Великобритании, но также погрузку и отправку уже готовых заказов в российские порты. Группа Пуля, таким образом, оказывалась в подчинении у лондонского комитета и должна была выполнять посреднические функции между этим новым органом и русскими заказчиками.

В советской историографии миссия Пуля и Берна получила негативную оценку. Как подчеркивает А.В. Игнатьев, «бесцеремонно вмешиваясь в дела перевозок, британская миссия снабжения еще усиливала общую дезорганизацию транспорта России» [2, с. 156], а экономическая зависимость страны позволяла британцам все больше вмешиваться в дела русского союзника [2, с. 223].

Однако британский исследователь Кит Нилсон, наоборот, указывает на провал миссии Пуля в России и вообще «англо-русского экономического сотрудничества» в 1917 г. вследствие, с одной стороны, ухудшавшейся внутривойсковой ситуации, а с другой — невозможности организовать эффективную борьбу на

¹ National Archives (Kew, UK). CAB 27/189/13. Report of the work of the British military equipment section in Russia. P.1.

² The Tablet: a weekly newspaper and review. 23rd March 1929. P. 415. URL: <http://archive.thetablet.co.uk/issue/23rd-march-1929/23> (date of access: 27.11.2016).

³ Все даты приведены по новому стилю.

Восточном фронте [5, р. 115]. Британцы, в принципе, были готовы сотрудничать, пока на фронте хоть кто-то сражался с немцами.

В январе 1918 г. в финальном отчете о работе своего отдела генерал Пуль писал:

...Начало русской революции 12 марта⁴ полностью изменило ситуацию в России, особенно это касалось армии. Приказ № 1 нового правительства нанес смертельный удар по дисциплине. Офицеры — многие из которых уже были некомпетентны и ленивы — потеряли свое влияние на солдат. Последние скоро обрели полный контроль над ситуацией. Вся работа встала, и качество армии быстро ухудшилось. Все еще оставалась надежда, частным образом высказанная новым правительством, что здравый смысл народа вновь заявит о себе, и тем ситуация будет спасена. После нескольких недель простоя работа была возобновлена, и, хотя она составляла всего лишь 60 или 70 % от нормы, до недавнего большевистского переворота в ноябре ситуация никогда не была абсолютно безнадежной⁵.

Главной работой для Пуля и его подчиненных, судя по отчету генерала, стала доставка на полигоны артиллерийского вооружения и боеприпасов к нему, а также проведение необходимого инструктажа по обращению с ним для русских военнослужащих. Всего за 1917 г. в Россию было переправлено восемь 12-дюймовых гаубиц, пять гаубиц калибром 9,2 дюйма, 31 гаубица калибром 8 дюймов, выпущенных фирмой «Виккерс», и 40 выпущенных американской фирмой «Мидвэйл», и восемь таких гаубиц более ранних моделей, а также 88 гаубиц калибром 6 дюймов и 32 штуки калибром 5 дюймов. Еще до прибытия британского отдела в Россию было поставлено 400 гаубиц калибра 4,5 дюйма⁶. Кроме того, русской армии были переданы 52 тяжелых полевых орудия (так называемые 60-фунтовые пушки). Эти цифры согласуются с теми, что были названы в письме полковника Берна генералу В.А. Леховичу в июле 1917 г.⁷

Судьба каждого из этих орудий была отслежена и установлена по крайней мере на ноябрь 1917 г. Так, из гаубиц калибра 4,5 дюйма на фронте числились 312. Поскольку британцы очень беспокоились по поводу перехода оружия в руки немцев, то в отчете Пуля было специально оговорено, что ни одно из этих орудий не может быть вывезено с фронта «вследствие дезертирства, отсутствия лошадей, дорожных условий и т.п.»⁸. А многие орудия других калибров, заключил он, так и не сделали еще ни одного выстрела по врагу.

Поскольку Пуль и его подчиненные должны были заниматься авиацией, то они фиксировали также и грузы для воздушного флота. Так, в течение 1917 г. в

Архангельск было доставлено 1024 контейнера с частями аэропланов и двигателей к ним, которые скопились там вместе с огромным количеством запасных частей⁹. Кроме того, в Архангельске на ноябрь 1917 г. на складах было 31 780 контейнеров со взрывчатыми веществами, около 106 900 ящиков со снарядами и патронами, а также десятки тысяч ящиков из США и Франции вместе с грузовыми автомобилями и т.п.¹⁰ Все это, как подчеркивалось в отчете, уже были готовы перекупить немецкие агенты, а местные власти практически ничего не делали для сохранения грузов, растаскиваемых солдатами.

Портовое начальство, впрочем, было готово вести переговоры. Но в январе 1918 г. будущее доставленных из-за моря ящиков и контейнеров с опасным содержанием было весьма туманным, и Пуль настаивал, что «эффект от вывода британских военно-морских сил нельзя предсказать»¹¹. Под британскими военно-морскими силами в данном случае подразумевалась скорее всего небольшая эскадра адмирала Кемпа, которая зимой 1917/18 г. оказалась в Кольском заливе и предназначалась для охраны британских и российских транспортов и доставленных в северные порты России грузов [7, р. 8–9]. Нечто подобное было и во Владивостоке, в порту которого, по подсчетам британцев, находилось 686 425 т различных грузов, из которых более 514 тыс. т. были сырьем или полуфабрикатами, необходимыми для военных производств¹².

Посещения учебных частей в Царском Селе, Гатчине, Павловском Посаде, Рыбинске и Москве, а также боевых соединений на фронте оставили у сотрудников отдела очень неприятные впечатления. Пуль пересказал в своем отчете рапорт подчиненного ему офицера, как одну из батарей, укомплектованную британскими орудиями, не смогли разыскать на каком-то из участков фронта. Командир артиллерийской бригады оправдывался тем, что «он-де всего лишь три недели командует этим подразделением». В целом, заключил Пуль, «неожиданное падение дисциплины у части солдат... сопровождалось слабостью, ленью и вредными привычками офицеров»¹³.

В советской историографии подобные действия миссии обыкновенно характеризовались как «мелочный контроль» [2, с. 230]. Пуль пытался вмешаться также в деятельность так называемого Главного управления пограничному снабжению, работавшего под началом генерала А.А. Михельсона, что ему удалось. Русские в ответ жаловались на бездействие британцев¹⁴.

⁹ Ibid. Appendix No. 2. List of Aviation Material lying at Port of Archangel supplied by Great Britain and France during 1917.

¹⁰ Ibid. Appendix No. 4. Approximate List of Stores at Archangel. P. 1–2.

¹¹ Ibid. P. 1.

¹² Ibid. Appendix No.3. Approximate List of Stores at Vladivostok. P. 1–2.

¹³ Ibid. Appendix No.1. P. 2.

¹⁴ Доклад и.о. начальника Управления военно-воздушного флота полк. Д.В. Яковлева военному министру об авиационном снабжении русской армии из-за границы. 25 мая 1917 г. [6, с. 491].

⁴ Т.е. по старому стилю 27 февраля 1917 г.

⁵ CAB 27/189/13. Report of the work of the British military equipment section in Russia. P. 1.

⁶ Ibid. Appendix No.1. P. 1–3.

⁷ Письмо и. о. начальника английской военной миссии по снабжению в России полковника Берна генералу В.А. Леховичу о сокращении английских военных поставок для русской армии. 19 июля 1917 г. [6, с. 507].

⁸ CAB 27/189/13. Appendix No.1. P. 1.

Сам генерал Пуль считал себя вправе давать рекомендации российской стороне. Его отчет рисует довольно безрадостную картину того, как хранились подчас британские боеприпасы и артиллерийские орудия (снаряды, сваленные в кучи, отсутствие в арсеналах офицеров и какой бы то ни было системы приемки и отправки и т.п.¹⁵). Как признал Пуль, в этом отчасти оказались виноваты сами британцы, поначалу не посылавшие с грузом никаких сопровождающих для разъяснения маркировок и способов складирования¹⁶.

Генерал Пуль в числе причин отсутствия какого-либо значимого эффекта от военных поставок из Великобритании упомянул безответственность русских органов по снабжению как в Петрограде, так и в Лондоне¹⁷, а также полное игнорирование русскими артиллеристами опыта Западного фронта (например, сосредоточение артиллерийского огня для прорыва проволочных заграждений), что делало все поставки вооружения практически бессмысленными. Те учебные курсы, которые были устроены британцами, вынуждены были прекратить свою работу в ноябре 1917 г.¹⁸

Характеризуя ситуацию с авиацией, британские офицеры опять-таки жаловались на апатию их российских коллег, сваливавших всю вину за проволочки в подготовке техники для фронта на революцию и деятельность солдатских комитетов. Совместная англо-французская работа над реорганизацией производства и починки самолетов была прервана сначала в ноябре и окончательно замерла в декабре 1917 г.¹⁹ Любопытно, что «природная лень» русских солдат, а также «несостоятельность» офицеров помешали, по мнению Пуля, еще и обучению новейшим методам защиты от газовых атак²⁰.

Кроме того, хаосу способствовала деятельность большевиков. Генерал Пуль связывал с их вмешательством нарушение работы железной дороги до Мурманска, а также возможную дезорганизацию работы архангельского порта²¹. Однако транспортная система пострадала и от непродуманных шагов царской администрации в отношении железнодорожных мастерских и их персонала (например, невосполнима была потеря ушедших на военную службу опытных механиков)²².

По мнению Пуля, именно свержение власти большевиков, налаживание работы транспорта и, самое главное, недопущение германского доминирования были главными задачами британской политики в России в 1918 г.²³ После войны британское влияние в России необходимо было удержать с помощью контроля

над сохранившимися политическими и экономическими институтами, в первую очередь банками²⁴. Не менее масштабным был и план генерала в июле 1917 г. по развертыванию пропагандистской кампании в России с бюджетом в 2 млн фунтов стерлингов за первые три месяца [8, р. 895]. Эти проекты так и остались на бумаге.

Свои рассуждения генерал Пуль подкреплял сведениями из рапортов подчиненных и, в первую очередь, донесений полковника Берна, который с июня по сентябрь 1917 г. посетил несколько десятков заводов и фабрик в Северной, Центральной и Южной России²⁵. Так, после поездки по югу России в отчете, направленном российским властям, Берна «рекомендовал: 1) прибегнуть к локауту, чтобы покончить с “безудержными” требованиями рабочих и заставить их трудиться более продолжительное время; 2) еще [больше] сократить пассажирское движение; 3) учредить специальный штат инспекторов, которые следили бы, чтобы русские заказы в Англии не превышали действительных потребностей» [2, с. 223]. По мнению А.В. Игнатьева, «эти и подобные им советы должны были отчасти компенсировать, а главным образом оправдать резкое сокращение военно-экономической поддержки, оказываемой России» [2, с. 224].

Однако Берна в другом отчете, направленном в Министерство вооружений в Лондоне, подробно объяснил основания для своих выводов. После осмотра 20 фабрик и заводов в июне–июле 1917 г. в Москве, Подмоскowie, Харькове, Юзовке, Мариуполе и Екатеринославе у него возникло стойкое убеждение, что «Россия в конечном счете в состоянии снабдить себя сама всеми видами промышленных изделий», исключая только проволоку для канатов и самолетов, а также некоторые виды заводского оборудования и инструментов²⁶. Но их производство можно было бы наладить в будущем.

Интересно, что если генерал Пуль обращал внимание на солдатскую лень, то полковник Берна похожими словами описывал поведение русских рабочих.

Большая часть рабочего дня тратится на собрания и разговоры. ... [Для русского рабочего] смысл работы заключается только в том, чтобы сделать столько, сколько будет достаточно для получения денег, которые покроют его недельные затраты. И когда он получает эти деньги, то больше уже не хочет трудиться. Нынешнее повышение оплаты труда облегчило достижение желанной цели, ведь рабочий может заработать теперь необходимую сумму для своих нужд за меньшее время, чем прежде²⁷.

По словам Берна, в сложившемся положении дел были виноваты и хозяева предприятий, воспользовавшиеся благоприятной экономической конъюнктурой и получавшие сверхприбыли, часть которых доставалась

¹⁵ CAB 27/189/13. Report of the work of the British military equipment section in Russia. P. 3.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 2.

¹⁸ Ibid. P. 4.

¹⁹ Ibid. P. 5.

²⁰ Ibid. P. 6.

²¹ Ibid. P. 10.

²² Ibid. P. 11.

²³ Ibid. P. 15.

²⁴ Ibid. P. 13–14.

²⁵ CAB 27/189/14. Reports by Colonel Byrne on interviews and visits to factories in Russia. P. 1.

²⁶ Ibid. Report to the Secretary, Lord Milner's Commission, Ministry of Munition. 28/11th July 1917. P. 3.

²⁷ Ibid.

и рабочим. Каких-либо прогнозов, что будет в ближайшем будущем с заводами и рабочими, Берн тогда не сделал, но подчеркнул, что время высоких прибылей и зарплат скоро останется в прошлом²⁸.

В отличие от процитированных выше советов русским властям, рекомендации в отчете Берна для британского Министерства вооружений были несколько иные: 1) необходимо увеличить добычу угля; 2) необходимо улучшить транспортную ситуацию; 3) необходимо помочь России поставками из-за границы инструментов, оборудования и сырья²⁹. А вот генерал Пуль, не удовлетворившись, видимо, рапортом Берна, в своем отчете комитету лорда Мильнера в августе 1917 г. уже настаивал на присылке британских инженеров для инспектирования русских предприятий³⁰.

В поездке в июне–июле 1917 г. полковнику Берну помогали товарищ военного министра генерал А.А. Маниковский и министр путей сообщения Н.В. Некрасов. А в сентябре 1917 г. Берн посетил Пермь, Кушву, Лысьву, Богословский и Надеждинский заводы, Екатеринбург, Кыштым, Златоуст, на обратном пути побывал на предприятиях Пензы и Тулы³¹. Для второй поездки ему был выделен персональный вагон благодаря ходатайству генерала А.А. Михельсона.

Уральские заводы произвели на британского агента более благоприятное впечатление по сравнению с южнороссийскими как по уровню организации труда, так и по степени заинтересованности в хорошей продуктивности у рабочих и администрации предприятий. В условиях революции и сокращения поставок сырья заводы умудрялись достичь, по мнению Берна, около 85 % своей производительности³².

Группами, вызывавшими наибольшие опасения на предприятиях, являлись, как подчеркнул Берн, военнопленные австро-венгерской и немецкой армий, которые в больших количествах были задействованы в промышленности, а также, как это ни странно, русские солдаты (здесь снова повторились эпитеты «ленивые» и «доставляющие проблемы») ³³. В целом мнение полковника Берна о том, что Россия сама может постепенно обеспечить себя необходимой промышленной продукцией, после посещения уральских заводов только укрепилось. Лишь революционный хаос мешал налаживанию нормальной работы.

После этой поездки в начале октября 1917 г. полковник Берн был переведен обратно в Лондон на административную должность в комитете лорда Мильнера, но сохранил связь с генералом Пулем вплоть до роспуска комитета и соответственно Британского отдела военного снабжения.

Судя по всему, работа миссии чрезвычайно осложнилась после захвата власти большевиками, по-

скольку последние заявили о своем желании скорее заключить мир с Германией. Генерал Пуль, до того придерживавшийся антибольшевистских взглядов, в письме к Берну высказал идею о скорейшем признании нового правительства («если бы мы сумели осознать, что это правительство “де-факто”, и вести с ними дела столько, сколько потребуется, как бы нам это помогло»), поскольку это было жизненно необходимо в связи с грузами в Архангельске³⁴. Потом, уже в феврале 1918 г., Пуль в попытке спасти хотя бы часть запасов в портах даже выдвинул идею признания большевиков Антантой, потому что после этого большевики, по его мнению, могли бы присоединиться, как и царская Россия, к борьбе против немцев [9, p. 183].

Однако настойчивое желание Совета народных комиссаров поскорее заключить мир с Германией, а также стремительный и необратимый развал фронта поставили крест на работе Британского отдела в России и вообще комитета лорда Мильнера как главного органа координации российских военных закупок в Великобритании³⁵. Закупать было некому и не на что. В итоге был принят план, выработанный на совещании представителей Военного министерства, Министерства иностранных дел и комитета Мильнера в середине января 1918 г.³⁶ Сотрудников комитета определили в отделы этих министерств, а генерал Пуль в начале февраля был назначен главой новой Специальной миссии снабжения (Special Supply Mission) в России³⁷.

Фредерик Пуль, послав в январе 1918 г. процитированный выше финальный отчет о работе миссии, одновременно сетовал в письме Берну, «какими малыми кажутся дела, когда голые факты переносятся на бумагу»³⁸. Революция в России, откровенно писал Пуль, уничтожила класс «буржуев» («*burgui*»), и это в какой-то мере хорошо, потому что представители этого класса «прогнали до мозга костей, и страна быстрее исцелится, когда они будут уничтожены», но в связи с этим необходимо предпринять некоторые действия, чтобы не упустить выгоду для Британии. Свой план по оздоровлению России Пуль предполагал начать с Архангельска, в котором может быть создано новое правительство в противовес большевикам («один военный корабль в гавани сделает это»). Впоследствии генерал действительно окажется во главе британских военных сил, высадившихся в Архангельске и Мурманске, но его планам не суждено будет осуществиться (подробнее см. [7; 10; 11]).

Таким образом, сохранившиеся доклады офицеров, стоявших во главе специального отдела военного

³⁴ CAB 27/189/4. Letter of General Poole to Colonel Byrne. 6/19th December 1917. P. 1–2.

³⁵ Ibid. Letter of Colonel Byrne to General Poole. 11th January 1918, 25th January 1918.

³⁶ CAB 27/189/20. Memorandum of Conference on Russian Supplies. 16th January 1918.

³⁷ Ibid. Cable for General Poole from Colonel Byrne.

³⁸ CAB 27/189/3. Letter of General Poole to Colonel Byrne. 19th January 1918. P. 1.

²⁸ CAB 27/189/14. Report by General Poole. 29.7.1917. P. 4.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 6.

³¹ Ibid. Report to the Secretary, Lord Milner's Committee. 30/12th September 1917. P. 1.

³² Ibid. P. 2.

³³ Ibid. P. 4.

обеспечения в России, свидетельствуют о готовности Британии поддерживать своего союзника даже во время социально-политического и экономического кризисов. Однако восприятие британскими офицерами некоторых сторон явлений революционной России (поведение солдат, офицеров, рабочих) ставило вопрос о необходимости поддержки такого политического режима, который не может обеспечить нормальное ведение дел. Постепенно генерал Пуль и его подчиненные склонялись к мысли о необходимости каких-то радикальных перемен в стране, поскольку уже полученные Россией военные грузы из Европы и Америки, а также промышленные мощности могли стать добычей немцев. Во многом именно наблюдения участников военной миссии Пуля предопределили решение об интервенции в 1918 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.В. Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989. №10. С. 143–148.
2. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966. 400 с.
3. Morris L.P. The Russians, the Allies and the War, February–July 1917 // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 50, N 118. P. 29–48.
4. Neilson K. Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984. 338 p.
5. Neilson K. Managing the War: Britain, Russia and Ad Hoc Government // *Strategy and intelligence: British policy during The First World War* / Ed. by Michael Dockrill and David French. London, Rio Grande, Ohio, 1996. P. 96–118.
6. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. М., 1957. Ч. 2. 655 с.
7. Kinvig C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia 1918–1920. London; New York, 2006. 373 p.
8. Neilson K. «Joy Rides»? : British Intelligence and Propaganda in Russia, 1914–1917 // *The Historical Journal*. 1981. Vol. 24, N 4. P. 885–906.
9. Bradley J.F.N. The Allies and Russia in the light of French archives (7 November 1917 – 15 March 1918) // *Soviet Studies*. 1964. Vol. 16, N 2. P. 166–185.
10. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. 192 с.
11. Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. 200 с.

REFERENCES

1. Alekseeva I.V. Milner's mission. *Voprosy Istorii*, 1989, no. 10, pp. 143–148. (In Russ.)
2. Ignatiev A.V. Russian-British relationship on the eve of October Revolution (February – October 1917). M., 1966, 400 p. (In Russ.)
3. Morris L.P. The Russians, the allies and the war, February–July 1917. *The Slavonic and East European Review*. 1972, vol. 50, no. 118, pp. 29–48.
4. Neilson K. Strategy and Supply: The Anglo-Russian alliance, 1914–1917. London, 1984, 338 p.
5. Neilson K. Managing the war: Britain, Russia and Ad Hoc government. *Strategy and intelligence: British policy during the First World War*: eds. M. Dockrill, D. French. London, Rio Grande, Ohio, 1996, pp. 96–118.
6. Russia's economic conditions on the eve of October Revolution. Documents and materials. March–October, 1917 [*Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii. Dokumenty i materialy. Mart-oktyabr' 1917 g.*]. Moscow, 1957, pt. 2, 655 p. (In Russ.)
7. Kinvig C. Churchill's crusade: the British invasion of Russia 1918–1920. London; New York, 2006, 373 p.
8. Neilson K. «Joy Rides»? : British intelligence and propaganda in Russia, 1914–1917. *The Historical Journal*. 1981, vol. 24, no. 4, pp. 885–906.
9. Bradley J.F.N. The allies and Russia in the light of French archives (7 November 1917 – 15 March 1918). *Soviet Studies*, 1964, vol. 16, no. 2, pp. 166–185.
10. Rothstein A. When Britain invaded Soviet Russia. Moscow, 1982, 192 p. (In Russ.)
11. Goldin V.I. Intervention and anti-Bolshevik movement in northern Russia. 1918–1920. Moscow, 1993, 200 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.12.2016

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20170105

УДК 94(47).084.9

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена личности Н.Н. Покровского, менее чем за 30 лет прошедшего в Сибирском отделении АН СССР путь от младшего научного сотрудника до академика, ставшего одним из главных авторов «археографического открытия Сибири», создавшего свою научную школу. Рассматриваются принципы научно-организационной деятельности Н.Н. Покровского в ходе выполнения крупных научных проектов. Н.Н. Покровский вскоре после приезда в Новосибирск выдвигает идею создания музея истории Сибири, общего для всех научных институтов Новосибирского академгородка, строительства для него нового здания, обладавшего современными техническими условиями для организации и работы музея. Проект музея истории Сибири изложен им в специальной публикуемой ниже Записке.

Ключевые слова: археография, Сибирское отделение Археографической комиссии РАН, история Сибири, Н.Н. Покровский.

N.D. ZOLNIKOVA

N.N. POKROVSKY AS ORGANIZER OF SCIENCE (Second Half of 1960s – 1980s)

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to N.N. Pokrovsky, who rose through the ranks from junior researcher to the academician in Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in less than 30 years, who became one of the main authors of “archaeographic discovery of Siberia”, and who created his own scientific school. The period under consideration was a time of intensive development of the Siberian region and its science, in particular humanities. The article discusses principles of scientific and organizational activities of N.N. Pokrovsky in the course of solution of major scientific projects. The main goal for him was to save and study a large quantity of books, which were in the hands of old believer peasants and which disappeared each year because of the fires, death of owners and so on. Annual expeditions in most regions of Siberia, Central Asia and the Far East served this goal. Under his leadership there were then collected about a thousand ancient manuscripts and early printed books that made up continuously growing Collection of the Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS). Another principle of his activity was to investigate museums, archives and libraries of Siberia in order to describe their collections of ancient manuscripts and books according to a single system as well as to publish such descriptions that were to serve a preservation of collections. Soon after his arrival in Novosibirsk, N.N. Pokrovsky put forward an idea of creating a museum of history of Siberia common to all research institutions of Novosibirsk Akademgorodok, and of constructing for it a new building with modern technical conditions for the organization and operation of the museum. The project was presented by him in a special memorandum “On the Establishment of the Scientific and Historical Museum of Siberia and Gathering Monuments of Ancient Culture by Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences”, proposed for publication. Here, he introduced the prospects of research and scientific and organizational activities for gathering, preserving and exhibiting objects of Siberian culture, focused on their saving and popularization, the use of exhibits and expeditionary collections for training purposes in cooperation with Novosibirsk State University (NSU).

Key words: archaeography, Siberian branch of Archaeographic committee of RAS, Siberian history, N.N. Pokrovsky.

Наталья Дмитриевна Зольникова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nnpokrov@gmail.com.
Natalya D. Zolnikova – doctor of historical sciences, chief researcher, Institute of History SB RAS.

Вторая половина 1960-х – конец 1980-х гг. – время, благоприятное для сибирской науки, как и для науки в целом в стране: высок был ее престиж, государство уделяло ее нуждам внимание, которое тогда казалось недостаточным, сегодня же ситуация видится совсем иначе. Вся гуманитарная наука Новосибирского научного центра переживала в этот период подлинный подъем. Не только Н.Н. Покровский, но и многие его старшие и младшие коллеги достигли в это время очень значимых успехов как на научном, так и на научно-организационном поприще.

Когда Н.Н. Покровский осенью 1965 г. появился в Новосибирском академгородке, у него не было за плечами опыта научно-организационной работы, кроме краткого послелагерного периода жизни: тогда он во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике за год «вырос» от экскурсовода до заместителя директора по науке. Уже в самом начале работы в академической сфере Н.Н. Покровский обнаружил свой научно-организационный потенциал и опирался он при этом именно на имевшийся музейный опыт. В его деловой переписке сохранилась недатированная машинописная копия восьмистраничного проекта, вероятно, предназначенного для Президиума СО АН, – «О создании исторического музея Сибири и сборе Сибирским отделением АН СССР памятников древней культуры». По ряду признаков проект относится к первой половине 1966 г., в нем говорится: «...Бурный рост экономики восточных районов страны... создание в Новосибирске одного из крупнейших мировых центров науки... делают закономерной постановку вопроса о накоплении и экспонировании в Новосибирском научном центре памятников древней материальной культуры и письменности»¹. В проекте выдвигается идея строительства специального здания для всех музеев Академгородка: не только гуманитарного профиля, но и естественнонаучного. Упомянув, что в создающемся ИИФиФ СО АН предполагается организация археологического музея, Н.Н. Покровский считал, что речь должна идти о более широкой постановке вопроса. Один из главных аргументов в пользу общего музея, по его мнению, – возможность организации современных технических условий для хранения и экспонирования предметов музейного значения: обеспечения постоянной температуры, влажности, освещенности на уровне витрин не более 300 люмен, регулярной дезинсекции, системы сигнализации и т. п. Эти условия, подчеркивал ученый, сложно создавать в старых, непригодных помещениях. Новое большое здание музея могло бы выполнять еще одну функцию – выставочную: в нем можно было бы проводить регулярные выставки достижений ученых всех специальностей из Сибирского отделения АН СССР. Еще один важный, с точки зрения Н.Н. Покровского, аргумент в пользу

общего музея – необходимость его для учебных целей, для подготовки на достойном уровне молодых специалистов.

Тогда такой проект не казался чем-то невыполнимым: только что было возведено роскошное по тем временам огромное новое здание для ГПНТБ СО АН, и весь Академгородок продолжал бурно строиться. Однако, как показало время, идея общего для всех институтов СО АН музея не нашла поддержки в верхах, а сам проект переместился в область утопии. И все же целый ряд предложений Н.Н. Покровского осуществился. Он писал о необходимости создания недалеко от научного музея Сибири особого музея деревянного зодчества, в котором бы экспонировалась не только старинная архитектура, как это делалось тогда по всей России, но и памятники археологии. В 1981 г. для историко-архитектурного музея под открытым небом была официально выделена территория, и с тех пор он успешно развивается под эгидой Института археологии и этнографии СО РАН. Выставки достижений СО РАН проводятся на регулярной основе – но не в специально построенном здании, а в переданном в феврале 1998 г. под Выставочный центр старом здании бывшего магазина – ТБК, позже реконструированном. Трудно сказать, повлияла ли на эти события записка Н.Н. Покровского 1966 г., но ясно, что уже тогда он увидел необходимые, актуальные направления развития музейно-выставочной деятельности СО АН.

Писал он в своей записке и о необходимости развернуть в Сибири археографический поиск памятников древней письменности у старообрядческого населения, о тщательном обследовании всех сибирских музеев, архивов, библиотек и описании на единой научной основе их коллекций рукописей и старопечатных книг. Касалось это и иностранной книги. Его замысел, к счастью, активно выполнялся и выполняется до сих пор. Сам он обследовал Томский и Тюменский краеведческие музеи, Республиканскую библиотеку Киргизской ССР им. Н.Г. Чернышевского – описания старопечатных книг и рукописей двух последних были опубликованы [1, с. 144–148; 2, с. 179–188]. Вышло из печати и обширное описание собрания рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске, подготовленное доцентом НГУ Е.И. Дергачевой-Скоп и старшим научным сотрудником ИИФиФ СО АН Е.К. Ромодановской [3, с. 64–143]. Позже сотрудники отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН издали великолепную серию научных описаний коллекций старопечатных книг и рукописей, находящихся в сибирских хранилищах; вышли из печати и три тома описания рукописей Собрания ИИ СО РАН.

С целью выявления и описания иностранных старинных изданий сибирские хранилища обследовали медиевисты – доцент НГУ, канд. ист. наук Н.В. Ревякина и выпускница МГУ Л. Макарова. Интереснейшая коллекция иностранных книг была обнаружена в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области. При этом выяснилось, что архивные

¹ Покровский Н.Н. О создании научного исторического музея Сибири и сборе Сибирским отделением АН СССР памятников древней культуры. Машинописная копия. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

работники, пытаюсь избавиться от жучков, поселившихся в переплетах редких книг, эти переплеты содрали с книг и сожгли. В 1975 г. удалось достигнуть договоренности о передаче на хранение упомянутых книг в ГПНТБ СО АН, архивному работнику выплатили деньги за их пересылку по почте, но на том дело заглохло. Я в то время ежегодно ездила в научные командировки в Тобольск, поэтому получила задание – узнать, в чем дело, и ускорить присылку книг. Тогда на своем опыте мне пришлось испытать, насколько сложной и нервной может быть научно-организационная работа. Директор архива, вероятно, имевший свои планы на эти книги, сказал мне, что их в наличии нет, что они пропали, о чем я и вынуждена была сообщить в Новосибирск. Н.Н. Покровский послал телеграмму о пропаже С.О. Шмидту как председателю Археографической комиссии СО АН, тот обратился к начальнику Главархива СССР Ф.И. Долгих и к начальнику Главархива РСФСР Н.И. Иванову², и в один прекрасный день в Тобольском архиве появился только что сошедший с переполненного поезда В.А. Тюнеев – заместитель Н.И. Иванова, уже разъяренный. Книги моментально нашлись, я же удостоилась сурового выговора. После этого я все же эти книги в ГПНТБ отправила, за что и получила благодарность по институту, хотя в официальном письме академику А.П. Окладникову Н.И. Иванов требовал примерно наказать меня за дезинформацию высшего начальства и диффамацию Тобольского архива. Думаю, что основной удар со стороны недовольного начальства принял на себя Н.Н. Покровский, но об этом я не услышала от него ни слова.

Возвращаясь к началу деятельности Н.Н. Покровского в СО АН, нужно отметить, что Н.Н. Покровскому по складу его характера ближе всего была не организаторская, а научно-преподавательская стезя: его аудитории никогда не пустовали, а наукой он занимался и в самых неблагоприятных условиях – например, в лагере или на излечении в клинике. И все же этот тип деятельности, научно-организационную работу, Николаю Николаевичу пришлось осваивать вскоре по приезде в Академгородок. Перед ним была поставлена труднейшая задача организации археографических экспедиций в старообрядческие поселения Сибири. Нельзя сказать, что здесь у него совсем не было предшественников. Две экспедиции в Сибирь были отправлены из Москвы по инициативе академика М.Н. Тихомирова – учителя Н.Н. Покровского, которые и показали перспективность этих поисков. Полевую археографическую работу среди староверов летом 1965 г., до появления Н.Н. Покровского в Академгородке, уже начали филологи Е.К. Ромодановская (сотрудница будущего ИИФиФ СО АН) и Е.И. Дергачева-Скоп (НГУ), искусствовед В.Н. Алексеев (ГПНТБ СО АН). В Институте истории, филологии и философии СО

АН СССР археографическую работу возглавил именно Н.Н. Покровский.

Первую свою экспедицию, в Туву, где до него археографы еще не работали, Н.Н. Покровский, по собственному признанию, из-за недостатка опыта начал с организационного конфуза: «Абсолютно не представляя обычаев и порядков в районе наших будущих действий, я на всякий случай отправил в местный научный центр пространную телеграмму, где с восточным многословием описывал государственную важность нашей задачи. Когда мы вчетвером сошли с сильно запоздавшего самолета, мы с удивлением увидели на аэродроме посланную за нами кавалькаду из нескольких грузовых и легковых автомашин. В лучшую гостиницу города нас поместил сам руководитель научного центра, лицо уважаемое, занимавшее к тому же весьма важный государственный пост. Было ужасно неловко...» [4, с. 13]. Но уже в следующем году организация работы была иной. И прежде всего обращает на себя внимание научная сторона дела. Исследование дневника тувинской археографической группы 1967 г. показало, что опросы староверов велись по заранее выработанной схеме, с применением методов тогда еще молодой и мало кому известной науки социологии (в частности, метода глубокого экспертного интервью). Члены группы перед экспедицией проходили предварительную подготовку, получали сведения по истории старообрядчества, его книжной культуры, идеологии, методике опроса.

В экспедиционную работу включалось все больше учеников Н.Н. Покровского – студентов НГУ, составивших со временем ядро его научной школы. Вскоре они уже сами стали возглавлять экспедиционные группы. До конца 1980-х гг. силами сотрудников ИИФиФ СО АН СССР и студентов НГУ были обследованы десятки районов в Новосибирской, Тюменской, Курганской, Томской, Кемеровской, Омской, Читинской и Амурской областях, Красноярском (включая Эвенкийский национальный округ и Хакасию) и Хабаровском краях, Талды-Курганской и Восточно-Казахстанской областях Казахской ССР, Киргизской ССР. За это время в Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории поступили 644 рукописи XV–XX вв., 58 гектографированных рукописей, ксеро- и машинописных копий, 240 старопечатных книг XVI–XX вв., всего – 942. Реально было собрано больше, так как сборы первых лет были переданы на хранение в ГПНТБ СО АН. Нет необходимости перечислять открытия в ходе экспедиций и добытые в них книжные раритеты, о них уже немало написано. Приведу лишь слова самого Н.Н. Покровского о том, что сибирские находки позволили ему на IX международном конгрессе славистов в Киеве (6–13 сентября 1983 г.) опровергнуть утверждения западных ученых об «интеллектуальном» молчании допетровской Руси и «беспросветной тьме» культуры Сибири в XVII в.³

² Письмо С.О. Шмидта Н.Н. Покровскому № 14150/633, 1–202 от 16 октября 1975 г. Машинопись на бланке Археографической комиссии при Отделении истории. Оригинал. 1 с. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

³ Справка об археографической работе Новосибирского научного центра за 1965–1987 гг. Первый экземпляр машинописи (с. 1–5)

К концу 1960-х гг., всего за несколько лет, в Новосибирске возник третий в стране по значению археографический центр, и немалая заслуга в этом Н.Н. Покровского, наряду с учеными НГУ и ГПНТБ. Именно в связи с этой реальной ситуацией Бюро Отделения истории АН СССР принимает постановление №3 от 11 марта 1969 г. о создании Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР, которое 23 ноября 1971 г. было подтверждено постановлением Президиума АН СССР (№ 782). Первым председателем новоучрежденного органа стал директор Института истории, филологии и философии СО АН академик А.П. Окладников, а после его кончины в 1981 г. – д-р. ист. наук Н.Н. Покровский (до этого – его заместитель). А.П. Окладников всегда поддерживал археографическую деятельность Н.Н. Покровского, высоко оценивая ее результаты.

В Археографической комиссии АН СССР, как и в ее Сибирском отделении, Н.Н. Покровский отвечал прежде всего за координацию полевой работы, также от имени Сибирского отделения комиссии он взял на себя издание части портфеля Археографического ежегодника. Благодаря поддержке А.П. Окладникова Н.Н. Покровский организует издание новой научной серии: ежегодника «Археография и источниковедение Сибири». Академик А.П. Окладников в качестве председателя Сибирского отделения Археографической комиссии направляет 4 мая 1972 г. трехстраничное служебное письмо председателю РИСО СО АН СССР академику С.Л. Соболеву: «Согласно распоряжению Президиума АН СССР № 24-450 от 27 марта 1972 г.... Институт истории, филологии и философии СО АН СССР и Археографическая комиссия АН СССР (включая ее Сибирское отделение) обязаны усилить работу по научному описанию памятников древнерусской письменности... РИСО АН СССР поручено рассмотреть предложения об изданиях археографических трудов (пункт 4 распоряжения 24-450)... В связи с этим представляется целесообразным выделить Сибирскому отделению Археографической комиссии АН СССР ежегодно 20–25 печатных листов для... археографических публикаций»⁴. Просьбу удовлетворили.

Проблемы обработки новонайденных памятников вызвали еще один вид научной организации: в 1970-е гг. почти ежегодно стали проводиться, в том числе и по инициативе или с участием сибирских археографов, конференции и совещания, на которых обсуждались методы полевой работы, вырабатывались принципы описания привезенных из экспедиций рукописей и старопечатных книг. Н.Н. Покровский живо участвовал в этой работе. На археографических конференциях принимались решения о ходатайстве перед властными структурами об издании на посто-

янной основе справочной литературы. Одно из таких ходатайств в начале 1980-х гг. Н.Н. Покровский направил сразу в два адреса – председателю Археографической комиссии д-ру ист. наук С.О. Шмидту и академику-секретарю Отделения истории АН СССР Б.Б. Пиотровскому: «В последние годы неоднократно отмечалось, что наша отечественная научная литература в издании справочников сильно отстает от зарубежной... Мы считаем целесообразным начать под руководством Археографической комиссии АН СССР издание серии археографических справочников (альбомов почерков, филиграней, описаний рукописей и т.д.). Поскольку именно такие издания наиболее неохотно принимаются издательством «Наука» и РИСО АН, желательно установить для них квоту в 60 а.л. (ежегодно) для Археографической комиссии АН СССР, в том числе 20 а.л. – Ленинградскому отделению, 20 а.л. – Сибирскому отделению комиссии»⁵. Это ходатайство оказалось еще одной утопией, но все же несколько важных общерусских справочников Н.Н. Покровскому удалось провести через квоту Сибирского отделения АН СССР [5, 6, 7, 8, 9].

Постоянными были попытки Н.Н. Покровского привлечь внимание властных органов к проблеме хранения и реставрации собранных памятников. Однако на этом поприще для Собрания Института истории в указанный период добиться ничего не удалось, лишь гораздо позже Сибирское отделение РАН и директор ИИ СО РАН член-корреспондент В.А. Ламин помогли закупить современную климатическую установку для поддержания необходимого температурно-влажностного режима в помещении, где хранится Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН.

Огромную научно-организационную работу Н.Н. Покровский выполнял в этот период в связи с подготовкой крупных научных проектов. Во втором томе «Истории крестьянства» [10] он был заместителем ответственного редактора. Н.Н. Покровский предпринял немалые усилия по выработке и согласованию научных концепций разных авторов, а это было не просто в разгар споров о теории государственного феодализма, разделенной собственности и т.п. Все это обсуждалось на конференциях, посвященных проекту. Особенно удачным опытом было признано проведение конференции по одной конкретной теме, в частности – истории сибирской общины, когда состоялось действительно плодотворное обсуждение и были выработаны важные решения. Немало научно-организационных проблем пришлось на долю Н.Н. Покровского как члена редколлегий при подготовке тома сибирских летописей в серии ПСРЛ [11]. Высококвалифицированный коллектив составителей тома был сформирован из представителей разных городов; в основном это были

с рукописными карандашными вставками, исправлениями и пометами Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой. С. 2–3. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

⁴ Письмо академика А.П. Окладникова председателю РИСО СО АН СССР академику С.Л. Соболеву от 4 мая 1972 г. Машинописная копия. С. 1–3. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

⁵ Машинописные копии (с. 1–2). С. 1. Оба письма не датированы, но поскольку Б.Б. Пиотровский занимал должность академика-секретаря в 1980–1982 гг., то они могут относиться только к указанному времени. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

сотрудники научных учреждений Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Время подготовки тома было сжатым, и так случилось, что к сроку его подачи авторы не выполнили часть необходимой работы. В результате генеральной сверкой текстов тома Н.Н. Покровский был вынужден обременить членов своего сектора, которые потратили на это несколько месяцев напряженной работы.

Несомненно, собственное творчество способствовало росту научного авторитета будущего академика, развитию его международных связей. Один из многих примеров – его заочное знакомство с профессором Симмонсом, сотрудником Кодрингтонской библиотеки Оксфордского университета. Профессор Симмонс начал свое письмо Н.Н. Покровскому, написанное в конце 1975 г., так: «Дорогой коллега! Я пишу Вам несколько неожиданно, чтобы... сказать, что только что кончил читать с величайшим восхищением Вашу книгу “Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев...”. Из числа ее заслуг отнюдь не последней оказалось то, что она показывает богатство новых источников из местных архивов, освещающих историю движений общенационального значения»⁶. Английский профессор попросил выслать ему вышедший в Новосибирске и подготовленный в ГПНТБ СО АН СССР справочник «Указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку», необходимый для включения упомянутых там изданий в его «Русскую библиографию». Переписка Н.Н. Покровского с проф. Симмонсом продолжалась до кончины последнего, но будущий академик

тогда, в середине 1970-х гг., не ограничился упоминанием лестных и престижных личных контактов. Он инициировал обращение дирекции ИИФиФ СО АН в ГПНТБ СО АН с предложением организовать книгообмен с Кодрингтонской библиотекой. В ответ 19 марта 1976 г. директор ГПНТБ Н.С. Карташов написал академику А.П. Окладникову, что соответствующие контакты с указанной библиотекой начаты, и в частности, выслано несколько выпусков «Указателя библиографических пособий»; в конце письма высказывалась надежда на установление «деловых контактов с данной организацией»⁷.

Об укреплявшихся в эти десятилетия научных связях Н.Н. Покровского с отечественными учеными, в том числе Москвы и Ленинграда, где с докладами регулярно выступал не только он сам, но и члены его будущей научной школы, уже написано, освещена и возмраставшая в 1970–1980-е гг. международная известность Н.Н. Покровского (в следующий период это привело к его участию в ряде успешных совместных международных проектов). То же относится и к его активной работе в клубе межнаучных контактов Дома ученых СО АН СССР: по приглашению Н.Н. Покровского с лекциями там выступали очень интересные и оригинально мыслящие ученые – историки и искусствоведы [12, с. 8–24]. Избрание Н.Н. Покровского в 1987 г. членом-корреспондентом АН СССР, а в 1992 г. – действительным членом РАН стало достойным итогом прошедших двух с лишним десятилетий научного роста, оценкой его личности как ученого и организатора науки.

О создании научного исторического музея Сибири и сборе Сибирским отделением АН СССР памятников древней культуры⁸

Происходящий в наше время бурный рост экономики восточных районов страны, подъем культурных потребностей населения Сибири и формирование здесь значительных кадров сибирской интеллигенции, создание в Новосибирске одного из крупнейших мировых центров науки и перспективы дальнейшего развития здесь гуманитарных наук делают закономерной постановку вопроса о накоплении и экспонировании в Новосибирском научном центре памятников древней материальной культуры и письменности. Научная работа по гуманитарным профилям, а также задача подготовки в Новосибирском государственном университете кадров научных работников – историков, археологов, этнографов, филологов настоятельно требуют создания специального музея с экспозициями, построенными по принципу научной систематизации. Любые выборочные тематические экспозиции краеведческого профиля не в состоянии решить эти задачи, которые под силу лишь научному музею. Накапливающиеся после каждого экспедиционного сезона ценнейшие археологические коллекции требуют не только научной обработки, но и научного экспонирования. Представляющая большой научный и практический интерес этнография⁶ народов Сибири также должна быть отражена в научной экспозиции.

Передача академиком М.Н. Тихомировым в Новосибирский научный центр уникального собрания рукописей, старопечатных книг и икон с его редчайшими рукописями XIV–XV вв. и первопечатными русскими изданиями XVI в. закладывает хорошую основу коллекции русских древностей СО АН СССР и в то же время требует дальнейшей собирательской⁸ работы.

⁶ Письмо проф. J.S.G. Simmons'а Н.Н. Покровскому. Машинописная копия. С. 1. Профессор Симмонс передает Н.Н. Покровскому новогодние поздравления. Можно предположить, что письмо датируется концом 1975 г.: связанные с ним события продолжились в марте 1976 г. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

⁷ Письмо директора ГПНТБ СО АН СССР Н.С. Карташова директору Института истории, филологии и философии СО АН СССР академику А.П. Окладникову № 15214-100/258.2 от 19 марта 1976 г. 1 с. Оригинал. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.

⁸ Подчеркнуто в тексте.

⁶ Исправлено, в тексте этнографии.

⁸ Первоначально собирательной, исправлено чернилами Н.Н. Покровским.

Превращение ГПНТБ в одну из крупнейших в стране библиотек общего (а не только научно-технического) профиля, развертывание в этой библиотеке гуманитарного цикла также неизбежно приводят к постановке вопроса о сборе этой библиотекой фондов редкой (в том числе старопечатной и рукописной) книги. Сибирское отделение АН СССР имеет сейчас научные и материальные возможности, чтобы возглавить государственной важности дело спасения и сбора русских древностей, разбросанных у населения Сибири, а также древностей коренных сибирских народов.

Хранение и экспонирование имеющих музейное значение предметов старины^Г требует, как известно, специфических условий. Поддержание в помещениях для хранения фондов постоянной температуры, влажности воздуха (в пределах 50–60%), регулярное проведение мероприятий по дезинсекции^Д являются, в частности, категорическими требованиями, без которых невозможно обеспечить сохранность ценных памятников старины. К помещениям для экспонирования этих памятников предъявляется, кроме того, целый ряд дополнительных требований в соответствии с действующими нормативами (например, освещенность на уровне витрин не выше 300 люменов, защитные приспособления на окнах, система сигнализации и т.д.). Все это делает более целесообразным строительство новых помещений, чем сложное приспособление для нужд музейного экспонирования и хранения помещений уже существующих (если таковые вообще можно высвободить).

В структуре создаваемого Института истории, филологии и философии СО АН СССР предполагается создание научного исторического музея; представляется целесообразным наряду со значительными археологическими экспозициями организовать в этом музее также экспонирование и хранение икон, бытовой резьбы по дереву, этнографических коллекций, тканей, одежды, вышивки, орудий труда и т.д.

Однако поскольку такой научный исторический музей все равно рано или поздно потребует специальных помещений, имеет смысл более широкая постановка вопроса в связи с подобными же проблемами, возникающими перед другими институтами Новосибирского научного центра. Речь идет о создании в Академгородке особой единицы – научного музея Сибири, в состав которого упомянутый выше музей Института истории, филологии и философии вошел бы в качестве одного из отделов наряду с отделами по геологии, растительному и животному миру Сибири и т.д.

Строительство специального здания для такого музея помогло бы решить и еще одну важную для Академгородка задачу, связанную с необходимостью выставочного показа достижений ученых Сибирского отделения: в этом здании можно было бы предусмотреть специальные помещения для таких выставок.

Сибирь богата своеобразными памятниками народного деревянного зодчества (в том числе – светского), которые представляют значительную ценность, как эстетическую, так и научную. Число подобных памятников, многие из которых имеют возраст двухсот и более лет, сокращается сейчас с каждым годом, и без принятия срочных мер многие из них могут совершенно погибнуть в ближайшие годы. Поэтому по всей стране ведется сейчас работа по концентрации таких памятников близ культурных центров и центров туризма. При проектировании здания научного музея Сибири СО АН СССР целесообразно предусмотреть возможность создания в будущем близ этого музея выразительной экспозиции под открытым небом, показав в ней наряду с памятниками сибирского деревянного зодчества также и имеющие мировое значение памятники искусства палеолита.

Наконец, создание научного музея Сибири помогло бы решить некоторые затруднения, связанные с организацией хранения и научного использования Тихомировского собрания русских древностей. Иконы и картины этого собрания заняли бы достойное место в экспозициях этого музея. Древние рукописи и старопечатные книги, естественно, переданы в ГПНТБ, где они должны составить ядро Отдела редкой, рукописной и старопечатной книги.

Это позволит и широко привлечь возможности ГПНТБ для дальнейшей работы по сбору таких книг у населения Сибири, в первую очередь – путем организации экспедиций в места староверческих поселений.

Однако понятно, что научная обработка и использование таких книг будут осуществляться почти исключительно силами Института истории, филологии и философии; книги эти будут использоваться также (под должным наблюдением) для учебного процесса на гуманитарном факультете НГУ. Между тем переезд ГПНТБ из Академгородка крайне затрудняет все это, так как ежедневная перевозка подобных книг из фондов ГПНТБ в Академгородок для работы над ними абсолютно исключается, не говоря уже о необходимости концентрировать в том же отделе ГПНТБ всю справочную литературу.

Между тем создание в Академгородке научного музея Сибири позволило бы разместить в одном из его помещений фонды рукописных и старопечатных книг ГПНТБ (вместе с соответствующими справочниками), то есть Отдел рукописной, старопечатной и редкой книги ГПНТБ, развернув одновременно широкую и интересную экспозицию наиболее выдающихся из таких книг. Такое решение вопроса о хранении Тихомировского собрания и всего, собранного археографическими экспедициями, является весьма целесообразным: создаются возможности и для хранения, и для экспонирования, и для научного изучения памятников славянорусской письменности и книгопечатания.

Подобная экспозиция, дополненная из Тихомировского собрания рядом уникальных памятников иностранной культуры (рукописей и инкунабул арабских, абиссинских, латинских, немецких, французских), коллекций

^ГИсправлено, в тексте страны.

^ДПервоначально дезинфекции, исправлено чернилами Н.Н. Покровским.

средневековых документов, явилась бы одновременно основой того кабинета М.Н. Тихомирова, о планах создания которого говорилось неоднократно, в частности, в адресе Сибирского отделения АН СССР академику М.Н. Тихомирову в связи с передачей им в Новосибирск первой части своего собрания в феврале с. г. Устраивать такой кабинет в Академгородке, одновременно создавая вне его Отдел рукописной, старопечатной и редкой книги ГПНТБ – значит непозволительно дробить Тихомировское собрание, лишая одновременно упомянутый Отдел ГПНТБ лучших книг. Создавать кабинет М.Н. Тихомирова вне Академгородка также нецелесообразно, т.к. такой кабинет может дать очень много студентам историкам и филологам НГУ, не говоря уже о том, что этот кабинет (как и весь музей Сибири) стал бы интересной достопримечательностью и украшением Новосибирского научного центра СО АН СССР.

В заключение несколько соображений об организации сбора древних книг и рукописей у населения Сибири. Уже сейчас научные работники историко-филологических специальностей Новосибирского научного центра в состоянии ставить и решать достаточно серьезные задачи в этом направлении.

Обладая, например, старопечатными изданиями Тихомировского собрания, библиотечная организация такой мощности, как ГПНТБ, может считать для себя вполне реальной задачу подбора полной коллекции русских старопечатных изданий, коллекции, которая могла бы иметь в данной отрасли науки мировое значение и способствовать дальнейшему развитию гуманитарных наук в Сибири.

Нужно заметить, однако, что задача подобного собирательства (как в отношении рукописей, так и в отношении старопечатных книг) не под силу порознь ни Институту истории, филологии и философии, ни ГПНТБ, а должна решаться ими совместно (возможно – с привлечением гуманитарного факультета НГУ). ГПНТБ не обладает для этого научными кадрами с археографической⁶ подготовкой, а Институт один вряд ли сможет выделить необходимые для этой цели средства, не может пользоваться очень важными для такого собирательства каналами межбиблиотечного книгообмена, не имеет возможности создать необходимые условия для хранения коллекций и работы над ними.

По имеющимся сейчас сведениям весьма перспективным для археографического собирательства является район со староверческим населением по течению Енисея (от Ярцево до Туруханска) и низовьев рек Дубчес, Подкаменная Тунгуска. По мнению акад. М.Н. Тихомирова, необходимо обследовать староверческие поселения Тувинской автономной области (эти поселения связаны с поселениями на Енисее).

Дошедшие до наших дней древние рукописи и старопечатные книги гибнут у населения буквально с каждым годом. Собирательскую работу поэтому надо развертывать немедленно, с будущего летнего сезона. Опыт археографической экспедиции Е.К. Ромодановской в Томскую область летом 1965 г. также вполне подтверждает целесообразность этой работы.

Естественно, что одновременно следует вести работу по выявлению и закупке представляющих научный и художественный интерес произведений древнерусской темперной живописи (иконописи). Подобная работа требует квалифицированных специалистов, отсутствующих в Новосибирске. Однако наиболее компетентная в данной области организация – ГЦХРМ (Москва) соглашается выделить летом 1966 г. для подобного обследования художника-реставратора С.В. Ямщикова⁸, специалиста по иконописи, имеющего большой опыт собирательской работы. Наряду с участием подобного специалиста в экспедиционном обследовании староверческих поселений самым безотлагательным делом является квалифицированное обследование произведений древнерусской живописи в православных⁹ церквях Западной Сибири, как действующих, так и особенно считающихся закрытыми. Нельзя допускать продолжающуюся гибель культурных ценностей.

Археографические³ экспедиции, обследующие староверческое население, несомненно, должны одновременно обращать внимание и на ряд представляющих интерес предметов старорусской материальной культуры (бытовая резьба по дереву, вышивка и т.д.). Наконец, наряду с выявлением новых памятников археографии следует подвергнуть¹⁰ учету и единому описанию все те, которые погребены в фондах небольших музеев, библиотек, архивов Сибири. По примеру каталога Археографической комиссии Отделения исторических наук АН СССР целесообразно сделать такую единую опись документом государственного учета и хранения.

Кандидат исторических наук

(Н. Покровский)

– *Машинописная копия. С. 1–8. Не ранее февраля, не позднее 5 июля 1966 г. (Написано до первой экспедиции Н.Н. Покровского в Туву, которая началась 5 июля 1966 г.); в то же время в документе упоминается совершившийся факт передачи части коллекции академика М.Н. Тихомирова в ГПНТБ СО АН СССР «в феврале сего года». Адресат неизвестен. – Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского.*

⁶Исправлено, в тексте археологической.

⁸ Савва (Савелий) Васильевич Ямщиков – реставратор, историк искусства, публицист. Работал в ГЦХРМ (Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря).

⁹Первоначально прославленных, исправлено чернилами Н.Н. Покровским.

³Исправлено, в тексте археологические.

¹⁰Исправлено, в тексте ошибочно подвергнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Покровский Н.Н. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. 215 с.
2. Покровский Н.Н. Книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. в фондах Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. 271 с.
3. Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. 215 с.
4. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1988. 285 с.
5. Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978. 239 с.
6. Протасьева Т.Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск: Наука, 1980. 232 с.
7. Синайский патерик. Указатели / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1980. 55 с.
8. Описание рукописей собрания Черткова / сост. М.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Новосибирск: Наука, 1986. 134 с.
9. Крутова М.С. Златая Цепь. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5, ч. 1.
10. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
11. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 382 с.
12. Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский по письмам коллег и друзей: личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 326 с.

REFERENCES

1. Pokrovsky N.N. Manuscripts and early printed books of the Tyumen Regional Museum. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk, 1975, 215 p. (In Russ.)
2. Pokrovsky N.N. Books of Cyrillic printing of XVI–XVIII centuries in collections of Chernyshevsky State Public Library of the Kirghiz Soviet Socialist Republic. *Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1982, 271 p. (In Russ.)
3. Dergacheva-Skop E.I., Romodanovskaya E.K. Collection of manuscript books of the Tyumen Region State Archive in Tobolsk. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1975, 215 p. (In Russ.)
4. Pokrovsky N.N. Journey to find rare books. Moscow: Kniga, 1988, 285 p. (In Russ.)
5. Klepikov S.A. Filigrees on the paper of a Russian production of the XVIII - early XX centuries. Moscow, 1978, 239 p. (In Russ.)
6. Protasyeva T.N. Manuscripts description of Chudovsky Collection. Novosibirsk: Nauka, 1980, 232 p. (In Russ.)
7. Sinai Patericon. References. Ed. E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk, 1980, 55 p. (In Russ.)
8. Manuscripts description of Chertkov's collection / comps.: M.M. Chernilovskaya, E.V. Shulgina. Novosibirsk: Nauka, 1986, 134 p. (In Russ.)
9. Krutova M.S. Golden Chain. Methodological guidelines for describing Slavic-Russian manuscripts for the Union Catalog of manuscripts stored in the USSR. Novosibirsk, 1990, iss. 5, pt. 1, ? p. (In Russ.)
10. Siberian peasantry in Feudalism epoch. Novosibirsk: Nauka, 1982, 504 p. (In Russ.)
11. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 36. Siberian chronicles. Pt. 1. Yesipovsky chronicle group. Moscow: Nauka, 1987, 382 p. (In Russ.)
12. Zolnikova N.D. N.N. Pokrovsky through letters of colleagues and friends: the individual in the social space (1970–1980). *Arkheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii*. Novosibirsk: SB RAS Publisher, 2016, 326 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170106
УДК 94 (571=512.122)"1880"

Е.Б. СЫДЫКОВ, З.Е. КАБУЛЬДИНОВ

ВЫДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ ДЛЯ КОЧЕВАНИЯ КАЗАХОВ ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1880 г.)

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, г. Астана, ул. К. Сатпаева, 2

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выделением царским правительством Кулундинской степи для кочевания казахов Тобольской и Томской губерний. Показано, что пребывание казахов на этой территории регламентировалось целым рядом бюрократических предписаний, за нарушение которых они могли быть подвергнуты немедленной высылке. Правовая незащищенность казахов выражалась и в том, что их могли выселить и в случае принятия горным правлением одностороннего решения, продиктованного ведомственными и государственными интересами. Статья подготовлена на основе архивных материалов, опубликованных источников и научной литературы.

Ключевые слова: степь, казахи, кочевники, подать, крестьяне, налоги, казаки, управление, христианизация, армия, генерал-губернатор.

E.B. SYDYKOV, Z.E. KABULDINOV

ALLOCATING THE KULUNDA STEPPE FOR THE NOMADIC KAZAKHS OF TOBOLSK AND TOMSK PROVINCES BY THE RUSSIAN EMPIRE (1880)

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, K. Satpaev str., Astana, 010008, Kazakhstan

In 1854, the tsarist government created a unique administrative unit called "Semipalatinsk inner district" within the new Semipalatinsk region. It was proposed to gather all the loyal Kazakhs wandering in the Tomsk and Tobolsk provinces. In 1870, 779 Kazakh farms openly expressed their consent to pay the three-ruble tax for plants. The Ministry of Finance conceded to the Cabinet half of the nomad tax set on October, 21, 1868 by "Regulations on the governance of steppe areas". After long bureaucratic negotiations in 1880 "Rules for permission of Kyrgyz migrations on the lands of the Altai Mining District" were approved.

According to the Rules Kazakhs were only allowed migrating on the lands of the Kulunda Steppe in Tomsk area. Thus, an attempt was made to gather all the Kazakhs wandering in the vast territory of the Altai Mining District, Tomsk and Tobolsk provinces in a specially allotted area. Kulunda Kazakhs, as well as the local farmers, had to pay 6 rubles (4.5 – to the Cabinet, and 1.5 – to the state). Local Kazakhs had no right to donate their lands for rent to third parties. Kazakhs, who wished to go transfer the peasant class, were allowed to pay cash rents in the amount of 6 rubles. Kulunda Kazakhs undertook to pay extra taxes for using wood. Kazakh residence at the Kulunda Steppe territory was recognized as temporal one and the Cabinet could evict them with its decision.

In 1880 Kulunda Kazakhs, as well as loyal or "stanitsa" Kazakhs in the end of XVIII – early XIX centuries, were left without their governance in Tomsk province. But an attempt to gather all the Kazakhs of Tobolsk and Tomsk province in the Kulunda Steppe failed.

Key words: steppe, Kazakhs, nomads, peasants, taxes, Cossack, governance, Christianization, army, Governor-General.

В 1740 г. приграничная часть казахов Среднего жуза приняла российское подданство. Но через возведенные царским правительством пограничные линии (Староишимская, Иртышская) доступ казахов на «вну-

треннюю сторону» был категорически запрещен. Более того, в 1765 г. по указанию генерала Шпрингера казахам было запрещено даже приближаться к Иртышу на расстояние не менее 10 верст, что сильно ударило по

Ерлан Батташевич Сыдыков – д-р ист. наук, профессор, ректор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: rector@enu.kz.

Зиябек Ермуханаевич Кабульдинов – д-р ист. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: Kabulzia@rambler.ru.

Erlan B. Sydykov – doctor of historical sciences, professor, rector, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Ziyabek E. Kabuldinov – doctor of historical sciences, professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

скотоводческому хозяйству прииртышских степняков. И лишь в 1788 и 1798 гг. части кочевников было все же разрешено переселиться на правобережье Иртыша – на так называемую «вечную кочевку». С этого времени правобережные казахи не имели своего управления. В 1854 г. царское правительство создало уникальную административно-территориальную единицу под названием «Семипалатинский внутренний округ» в составе новой Семипалатинской области, куда предполагалось собрать всех «верноподданных» или «станичных казахов», кочевавших на территории Томской и Тобольской губерний с момента официального допуска левобережных степняков на так называемую «вечную кочевку». Но эта мера проблему нехватки земель у внутренних казахов все же не решила¹.

Некоторые кочевые и полукочевые группы казахов Среднего жуза продолжали пребывать на привычных для них землях Томской и Тобольской губерний, в первую очередь на землях, принадлежавших Кабинету.

Военная администрация Семипалатинской и Акмолинской областей особого рвения к возвращению подведомственных им казахов не обнаруживала². Но кабинетские власти и крестьянские общества продолжали требовать высылки казахов с земель, подведомственных Алтайскому горному округу. Постоянные жалобы местного крестьянского населения на грабежи и бесчинства «незаконно прикочевавших» казахов побудили Кабинет в течение 1850–1880-х гг. настаивать, как и раньше, на выселении всех степняков из пределов Алтайского горного округа, но не всегда удачно. К примеру, одно из массовых выселений казахов с кабинетских земель состоялось в 1852 г. (1600 кибиток). Затем в 1854 г. «высочайшим повелением» переход казахов на земли крестьянских обществ был строжайше запрещен. А кочевание было разрешено, как и раньше, только на землях линейного казачьего войска, за которую они платили арендную плату³.

В условиях непрерывного возвращения казахов в районы своих традиционных кочевий на земли Томской и Тобольской губерний, при неэффективной помощи со стороны областной и казачьей администрации, министр внутренних дел идет на беспрецедентный шаг: в августе 1866 г. он признал необходимым разрешить Алтайскому горному правлению удалять казахов собственными силами. Но горные власти это предложение не поддержали ввиду нехватки у них чиновников, которых можно было бы задействовать для этой операции⁴.

Бессилие различных ведомств по выселению казахов все же не помешало в январе 1867 г. генерал-губернатору Западной Сибири известить министра двора о том, что «выселение киргизов Семипалатинского округа с земель Алтайского горного ведомства

осуществлено»⁵. В виде исключения были оставлены только казахи, которые с 1858 г. находились в Кулундинской степи на условиях аренды с разрешения самого Алтайского горного правления, хотя и сюда стали прибывать крестьяне, некогда приписанные к горно-заводскому ведомству.

Следует отметить, что разрешение некоторым группам казахов кочевать на землях горного ведомства свидетельствовало о непоследовательной политике самих кабинетских властей. Это обстоятельство стало, на наш взгляд, одной из главных причин неудачных массовых выселений номадов: те из них, которые оказались «выселенными» за пределы внутренних губерний, видя, что кто-то из их соплеменников остается на горных землях, считали себя ущемленными по сравнению с их сородичами, которым почему-то разрешалось оставаться на «внутренней стороне». Между оставленными казахами и крестьянами вновь образованных деревень началась череда распрей: каждая из сторон обвиняла своих соседей в незаконных действиях. Как правило, крестьяне обвиняли казахов в конокрадстве или потравах посевов и пастбищ, а те крестьян – в насильственных действиях.

В этих условиях в 1865 г. Алтайская межевая экспедиция начала топографическую съемку местности и отвод земель исключительно для крестьян деревень Северной, Неводной, Николаевской и Ключевской⁶. Этот случай свидетельствовал о колониальном характере политики кабинетских властей: они отдавали предпочтение крестьянскому населению, появившемуся в этих местах примерно семь лет назад, тогда как казахское население прикочевало сюда не позднее конца XVIII в., причем с официального разрешения⁷.

И только по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири, на имя которого поступали от кулундинских казахов многочисленные петиции, была поднята проблема необходимости учета интересов казахов-скотоводов в данном регионе, которая «не нарушала бы интереса Кабинета его Величества»⁸. Надо признать, что после изъятия десятиверстной полосы вдоль левого берега Иртыша социально-экономическое положение казахов обширной Семипалатинской области значительно ухудшилось. Участились случаи «джутов» (гибели скота от бескормицы). Так появилась новая категория безземельных казахов, некоторые из них вынуждены были принимать христианство. Значительные группы степняков нанимались на различные поденные и земледельческие работы к прииртышским русским казакам. А беднейшие из них прикочевывали к городам в качестве «джатаков» (бесскотных), создавая так называемые киргизские слободки.

Генерал-губернатор предложил выгодный для Кабинета компромиссный выход из создавшейся ситуа-

¹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 3710.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 1 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 22. С. 1086.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

ции: по его мнению, казахов можно обязать платить ежегодно за право пользования заводскими землями в доход Кабинета оброк по 3 руб. с кибитки и дополнительно 1,5 руб., если трехрублевый оброк будет недостаточен.

В 1870 г. 779 казахских хозяйств открыто изъявили согласие платить в пользу заводов трехрублевый оброк, который должен был составить 2337 руб. Последовавшая за этим длительная бюрократическая переписка привела к тому, что Министерство финансов уступило Кабинету еще и половину кибиточного сбора, установленного 21 октября 1868 г. известным Положением об управлении степными областями⁹.

Действия, предпринимаемые кабинетскими властями, показывают, насколько казахи были ущемлены в правах по сравнению с переселенческим крестьянским населением. Более того, они оказались в худшем положении, чем их степные соплеменники, платившие кибиточную подать в размере только 3 руб.

Мы склонны согласиться с мнением известного казахстанского исследователя Н.В. Алексеенко, утверждавшего, что «полустолетняя история Алтайского горного округа с особой убедительностью раскрывает великодержавную политику царизма в отношении нерусских народов. Это не самодурство отдельных вельмож или чиновников, а укоренившаяся система. И ее инициатором и вдохновителем был самый крупный российский помещик – царь» [1, с. 20].

В начале 1870-х гг. в Алтайское горное правление снова начинают поступать различные жалобы крестьянского населения на казахов Кулундинской степи, в первую очередь – обвинения в конокрадстве и потраве пашен и пастбищ. Это обстоятельство заставило горные власти ускорить топографическую съемку свободной от крестьян Кулундинской, Карасукской, Узкой и Соляной степей, общая площадь которых составила 1530 тыс. дес., где и предполагалось разместить казахов «до времени окончательного разрешения этого вопроса»¹⁰.

Тогда же было принято решение, чтобы указанный участок пока не сдавать арендаторам. Видимо, горные власти не стали усугублять и без того обострившуюся земельную проблему в регионе.

В связи с этим уместно напомнить одну важную деталь: в то время, когда генерал-губернатор Западной Сибири предполагал, что быт этих казахов будет наконец-то налажен или обустроен, горнозаводское начальство продолжало, как и раньше, считать пребывание скотоводов совершенно вредным для заводов. В частности, в июле 1873 г. Кабинет пришел к двум заключениям, которые впоследствии имели для степняков самые негативные последствия: во-первых, кочующих номадов следовало оставить в такой местности Алтайского горного округа, где они не могли бы вредить не только оседлому крестьянскому населению, но и всему заводскому хозяйству. А такой местностью яв-

лялась обширная Кулундинская степь, неблагоприятная для занятия хлебопашеством. К тому же эта степь была относительно удалена как от крестьянского населения, так и от заводского хозяйства, за исключением 107 ревизских душ четырех вышеуказанных крестьянских деревень. Во-вторых, Кабинет сделал расчет, что если доход с одного хозяйства будет 4,5 руб., то с 2680 юрт можно будет собирать 12 064 руб. дохода в год¹¹.

Как видим, власти хотели решить две почти взаимоисключающие задачи: с одной стороны, не допустить казахов в районы проживания крестьян, а с другой – за счет этих же казахов получить дополнительную прибыль в пользу Кабинета. Тем самым значительно ухудшалось материальное положение степняков, что не могло не привести впоследствии к некоторому оттоку казахов из пределов Кулундинской степи.

Наконец, после долгих бюрократических переговоров различных ведомств, 22 октября 1880 г. последовали «высочайше утвержденные правила о дозволении киргизам кочевков на землях Алтайского горного округа», согласно которым казахам разрешалось кочевать только на землях Кулундинской степи. Причем их пребывание на этой территории жестко регламентировалось. Таким образом была заложена основа для создания специальной резервации для скотоводов-казахов¹².

Рассмотрим наиболее существенные моменты этих «Правил», что позволит понять колониальную сущность царизма не только на землях Алтайского горного округа, но и на всей территории Томской и сопредельной с ней Тобольской губернии.

Итак, Правила пребывания казахов на территории Кулундинской степи могут быть сведены к следующим основным пунктам:

1) «Киргизам, кочующим в пределах Алтая, в местностях, прилегающих к заводам около заводских боров и селений, дозволяется пребывание на одной Кулундинской степи...» На внутреннюю сторону в виде исключения была допущена только небольшая часть казахов косайдар-кипчакской волости, кочующих около оз. Топольное по правую сторону р. Бурлы, и казахи аульного старшины Безпакова с его аулом в числе 270 душ, которые кочевали по Бийской линии и которых вследствие «обнаруженной ими склонности к оседлой жизни» Кабинет признал возможным оставить на занимаемых ими местах за особую плату (по 40 коп. за десятину в год). При этом оговаривалось, «если к таковому оставлению не будет законных препятствий со стороны крестьян»¹³.

Власти попытались вытеснить всех казахов, кочующих на обширной территории Алтайского горного округа, Томской и Тобольской губерний в специально отмежеванный для них район, несколько напоминавший индейские резервации в США, рас-

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

¹² ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1884. Т. 55. С. 653.

¹³ Там же.

положенные, как правило, в малоплодородных районах страны [2, с. 20].

Кстати, территория Кулундинской степи по большому счету не была приспособлена для занятия земледельческим трудом, о чем поведали и сами землеустроители¹⁴.

Забегая немного вперед, следует отметить, что непростую задачу «собираия» всех казахов Тобольской и Томской губерний в Кулундинской степи решить все же не удалось¹⁵. Кабинетские власти не имели достаточного количества чиновников, да и Управление Западной Сибири особого рвения не проявляло. А прииртышские казаки открыто саботировали решения властных структур – они имели традиционные хозяйственные и культурные связи с казахами, многие из них носили казахскую одежду и знали казахский язык; немало было тех, кто находился с казахами в «тамырстве» (дружбе).

Кроме того, судьба двух групп казахов, которым было разрешено проживать вне Кулундинской степи, фактически была в руках крестьян-переселенцев из европейской части России – кто мог дать гарантию, что крестьяне не откажутся от пребывания своих соседей. Уже к концу XIX в., когда усилился поток прибывающих крестьян-переселенцев, наметилась тенденция насильственного вытеснения и этой группы казахов под любыми предлогами из районов проживания переселенческого крестьянского населения¹⁶.

2) «Оставление киргизов на Кулундинской степи имеет временный характер, если дальнейшее оставление там киргизов Кабинет его Величества признает неудобным, то он сообщает генерал-губернатору Западной Сибири о принятии соответствующих мер к постепенному и спокойному переведению кочевников в степную область. Срок для этого передвижения назначается по взаимному соглашению Кабинета с генерал-губернатором, смотря по числу предстоящих к выселению кибиток и по удобствам размещения их в ближайших степях»¹⁷.

В данном пункте нетрудно увидеть серьезную опасность для казахских хозяйств: ввиду угрозы в любое время быть выселенными трудно было возводить добротные дома, заниматься земледелием, строить мельницы, мечети, училища и т.д. Кроме того, здесь усматривалась и некоторая солидарность горных властей и генерал-губернатора Западной Сибири, несмотря на небольшую разницу в подходах к решению земельной проблемы кочевников. Поэтому уместно привести мнение уже упомянутого нами Н.В. Алексеенко: «...Из многочисленного фактического материала видно, что, несмотря на различные оттенки в политике разных ведомств – Сибирского казачьего войска, Алтайского горного округа, Западносибирского гене-

рал-губернаторства – общее ее направление... было одинаково реакционным, эксплуататорским, национально-угнетательным» [1, с. 20]. С выводом известного исследователя трудно не согласиться, хотя нельзя не усмотреть в его словах прежний однобокий классовый подход советской историографии.

3) «За право пользования Кулундинской степью киргизы облагаются в пользу заводов трехрублевым сбором с кибитки, независимо от такого сбора в пользу государственного казначейства. Из общей суммы сего сбора (6 рублей) 4 рубля 50 копеек поступают в пользу Кабинета, а остальные 1 рубль 50 копеек – в пользу казначейства»¹⁸. Отсюда следует, что по сравнению со степными казахами кулундинские были вынуждены платить вдвое больше государственных податей, что не могло не усугубить их и без того нелегкое материальное положение.

4) «На отведенном участке предоставляется киргизам [право] заниматься скотоводством, хлебопашеством и другими отраслями сельской промышленности, без права передавать поземельные угодья в аренду лицам, не принадлежащим их обществу»¹⁹. Тем самым власти преследовали две главные цели: во-первых, ограничить доступ на указанную территорию как казахского степного населения, так и крестьянского. Во-вторых, исключить возможность субаренды со стороны богатых скотовладельцев, которые могли бы от имени своих обществ сдавать отдельные участки другим арендаторам, получая за это дополнительный доход, от чего пострадали бы их степные соплеменники.

Кроме того, «те из киргизов, которые обратятся в земледельцев и образуют из себя оседлые общества, облагаются оброком, наравне с бывшими приписными крестьянами, по 6 рублей с души»²⁰.

В связи с этим уместно будет заметить, что казахи не стремились к переходу на оседлый образ жизни: во-первых, они были противниками российского рекрутства с многолетней армейской службой, которое воспринималось ими как потеря их прежней свободы; во-вторых, степняки опасались насильственного обращения в христианскую веру. К тому же следует учитывать сильную агитацию со стороны богатых скотовладельцев, зачастую сопровождавшуюся открытым запугиванием и шантажом. Вряд ли в таких условиях степняки хотели образовать оседло-земледельческие общества, к тому же будучи неуверенными в том, что их могут оставить здесь на постоянной или хотя бы длительной основе. Но все же здесь намного раньше, чем в степных казахских волостях, создавались условия для последующего перевода казахов в сословие государственных крестьян.

5) «Киргизы могут пользоваться горнозаводским лесом, но не иначе, как по указам и под надзором местного начальства, в количестве, необходимом в их быту и с платою за строевой и свежерастущий дровяной лес

¹⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3330. Л. 15.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 156 об., 157.

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 4.

¹⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654–655.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

попенных и посаженных денег, а за валежник и прочее – четвертой части установленной платы. Кочевка в лесах запрещается»²¹.

Как известно, лес был одним из неотъемлемых атрибутов скотоводческой культуры, так как служил кочевникам идеальным укрытием от пурги и буранов [3, с. 15]. Поэтому игнорирование особенностей скотоводческого хозяйства только усугубляло и без того шаткое материальное положение казахов на территории Кулундинской степи и подрывало основы их хозяйства.

Однако непринятие перечисленных правил могло повлечь за собой немедленное выселение казахов [2, с. 345]. То есть за ними не оставили никакого выбора. В то же время они могли подвергнуться высылке как за нарушение установленных правил, так и в случае одностороннего решения горного правления о выселении казахов ввиду признания «невозможным дальнейшего оставления таких кочевников на занимаемом ими участке».

Что касается внутреннего порядка управления кулундинскими казахами и их административного и судебного подчинения, то они регламентировались Положением об управлении степными областями²². Создавался некоторый казус: они жили на территории одной административно-территориальной единицы, а подчинялись и платили часть налогов – другой.

Ввиду сложившихся специфических временно-обязательных отношений в столь специфичном районе, каковым являлись кабинетские земли, решение возникающих проблем возлагалось на генерал-губернатора Западной Сибири, «окончательное же разрешение сих дел в тех случаях, когда они не подходят под установленные правила, должно последовать по предварительному соглашению с Кабинетом его Величества»²³.

Итак, политика постоянных выселений казахов в 1850–1870-х гг. с земель Горного правления, Тобольской и Томской губерний сменилась в 1880 г. временным разрешением на их пребывание только в одной

малопродуктивной Кулундинской степи за шестирублевую плату в пользу Кабинета и государственного казначейства. Их пребывание на указанной территории регламентировалось целым рядом бюрократических предписаний, за нарушение которых они могли быть подвергнуты немедленной высылке. Правовая незащищенность казахов на этой территории проявлялась и в том, что они могли быть выселены и в случае принятия горным правлением в одностороннем порядке решения, продиктованного ведомственными или государственными интересами. А государственные интересы связывались с тем, что этот малонаселенный регион постепенно стал местом предпочтительного заселения крестьянским населением из европейской части России, что и доказали позднейшие события. Кулундинские казахи в 1880 г., как и верноподданные или станичные казахи в конце XVIII – первой половине XIX в., на территории Томской губернии не имели собственного управления. Политика перемещения всех казахов Тобольской и Томской губернии в Кулундинский район не увенчалась успехом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.В. Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 1967. 49 с.
2. Всемирная история. Национально-освободительные войны XIX века. Минск; Москва: Харвест-Аст, 2000. 560 с.
3. Герт В.К. Характер и нравы казахов. Караганда, 1995. 38 с.

REFERENCES

1. Alekseenko N.B. Russians and Kazakhs of the Upper Irtysh region in the XVIII – early XX centuries: diss. thesis. Moscow, 1967, 49 p. (In Russ.)
2. The world history. National liberation wars of the XIX century. Minsk; Moscow: Kharvest-Ast, 2000, 560 p. (In Russ.)
3. Gern V.K. The nature and customs of Kazakhs (repr.). Karaganda, 1995, 38 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.09.2016

²¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654.

²² Там же.

²³ Там же.

DOI: 10.15372/HSS20170107
УДК 94(571.5).072/083

Л.М. ДАМЕШЕК¹, И.Л. ДАМЕШЕК², И.Н. МАМКИНА³

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ПРОЕКТАХ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

^{1–2}Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К.Маркса, 1

³Забайкальский государственный университет,
РФ, 672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

В статье рассматривается деятельность Комитета Сибирской железной дороги, направленная на развитие школьной сети в губерниях Азиатской России, создание и функционирование Главного школьного комитета, обеспечение школ учительскими кадрами, заработная плата учителей и правила поведения учащихся. Впервые вводятся в научный оборот сведения об организации школьного дела на Восточно-Сибирском участке Транссиба. Выявляются особенности развития системы школьного образования в полосе Китайско-Восточной железной дороги, проводится сопоставление министерской и железнодорожной систем школьного образования. Анализируются программы школьного образования, особенности подбора учительских кадров. Авторы приходят к выводу о динамичном развитии сети железнодорожных школ.

Ключевые слова: Азиатская Россия, особые комитеты, Комитет Сибирской железной дороги, Главный школьный комитет, управление, образование, школьная сеть, Китайско-Восточная железная дорога.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK, I.N. MAMKINA

THE PROGRAMM TO DEVELOP A SCHOOL NETWORK IN ASIAN RUSSIA IN THE PROJECTS OF THE SIBERIAN RAILWAY COMMITTEE

^{1–2}Irkutsk State University,
1, Karl Marx str., Irkutsk, 664003. Russia

³Zabaikalsky state university,
30, Alexandro-Zavodskaya str., Chita, 672039, Russia

The Trans-Siberian railroad construction had been accompanied by the government's active technical as well as social endeavors. The latter ones had the double purpose: to provide well-trained staff for further railway development and to involve the Asian Russia province and region population into all-Russian sociocultural processes. The school education development became an important component of this policy. To organize school education the Main School Committee was formed within the Railway Board. At the local level the positions of honorable guardians and school committees which consisted of three railroad employee representatives had been established and their main objective had been school fundraising and teacher staffing. Railway schools didn't differ in their structure, curriculum and requirements from the ministerial ones. Schools had provided training in Scripture, Reading and Writing, Russian, Church Slavonic Reading with the translation into Russian, Arithmetic, Geometry, Geography, History, Physics, Sciences, Drawing, Singing, gymnastics. In all educational institutions there were mainly the railroad employees' children and the tuition required fees, which were 2 % of parents' salary. The Main School Committee carried out tough policy in retaining pupils. The school expulsion was truly a last resort with "the motivated protocol" being drawn up. In the CER area and Harbin with the Railway Administration and individuals' support

Лев Михайлович Дамешек – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Иркутский государственный университет, e-mail: levdameshkek@gmail.com.

Ирина Львовна Дамешек – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и методики, Иркутский государственный университет, e-mail: dameshkek@rambler.ru.

Инна Николаевна Мамкина – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Забайкальский государственный университет, e-mail: Inna-mamkina@yandex.ru.

Lev M. Dameshek – doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of Russian History, Irkutsk State University.

Irina L. Dameshek – doctor of historical sciences, professor, Department of History and Methodology, Irkutsk State University.

Inna N. Mamkina – candidate of historical sciences, associate professor, Department of theory state and law, Zabaikalsky State University.

the school network had been formed in accordance with the Public Education Ministry model. Schools were under the Railway Administration supervision, under the control of Harbin authorities, in charge of ISP. The CER school network with the Railroad Administration support developed more dynamically and more qualitatively than in the neighboring Russian areas. The Siberian Railway Committee program implementation on the school network organization facilitated the railway employees' sociocultural and professional sphere development.

Key words: Asian Russia, special committees, Siberian Railway Committee, Main School Committee, administration, education, school network, Chinese-Eastern Railway.

В истории императорской России особое место по выстраиванию взаимоотношений и «дискурса» «центр – окраина» занимают разного рода комитеты. Как правило, они возникают в периоды крупных административных преобразований или революционных потрясений. В XIX в. в Российской империи были образованы и длительное время существовали высшие территориальные комитеты: Первый и Второй Сибирские – 1821–1838 гг., 1852–1864 гг.; Кавказские комитеты – просуществовавшие под разными названиями с 1837 по 1882 г.; Комитет по делам царства Польского – 1831–1841; Комитет Западных губерний – 1831–1848 гг.; Западный комитет – 1862–1865 гг.; Комитет по делам Царства Польского – 1864–1881 гг.; Комитет Сибирской железной дороги – 1892–1905 гг. Истории возникновения и анализу деятельности последнего посвящена значительная литература [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В связи с этим лишь подчеркнем, что в отличие от прочих особых комитетов, которые создавались как территориальные, вновь образованный орган стал центральным учреждением с широкой компетенцией и значительной властью.

В марте 1893 г. при Комитете была учреждена особая Подготовительная комиссия, задача которой заключалась в предварительном обсуждении вопросов перед окончательным рассмотрением их на заседании Комитета [8, с. 133]. Председателем комиссии был назначен статс-секретарь А.Н. Куломзин. По справедливому замечанию А.В. Ремнева, А.Н. Куломзин «принадлежал к той части высшей бюрократии царской России, которая, занимая второстепенные посты в государственном управлении, на уровне управляющих канцеляриями, директоров департаментов министерств и т.д., оказывала существенное влияние на выработку правительственной политики» [9, с. 44]. Под стать ему были и остальные члены комиссии: товарищ министра земледелия и государственного имущества А.П. Энгельгардт, товарищ министра юстиции С.С. Манухин, директор общей канцелярии Министерства финансов А.И. Путилов и другие высокопоставленные представители заинтересованных ведомств. Предназначение Комиссии заключалось не только в рассмотрении вопросов непосредственного строительства железной дороги, но и в обеспечении деятельности будущей дороги «вспомогательными предприятиями» [10, с. 179; 11, с. 23]. К числу таких члены комиссии отнесли и социальную сферу, стабильность кадрового обеспечения, привлечение новых специалистов, предоставление им льгот по службе в Сибири, «улучшение быта железнодорожных служащих», осуществление «мероприятий по

оказанию пособий на устройство храмов и школ»¹. Конечной целью предполагаемых мероприятий, по мнению А.Н. Куломзина, должно было стать «блага Сибири, имеющей в будущем развиваться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства»².

Одним из направлений развития социальной сферы становится организация школьной сети вдоль линии железной дороги. До конца XIX в. все железнодорожные школы находились в ведении Канцелярии управления дороги. В 1901 г. для централизованной организации школьного дела в структуре Управления железной дорогой был образован Главный школьный комитет. Он заведовал школами, библиотеками, ремесленными мастерскими, организуемыми для удовлетворения социальных потребностей служащих. В состав этого комитета входило 16 членов, которые избирались на два года. В первый состав комитета были избраны инженер путей сообщения Альфред Андреевич Мейнгард, инженер-технолог Степан Михайлович Богашев, делопроизводитель библиотечного отдела Константин Николаевич Васков, заведующий пенсионной кассой Василий Евграфович Сентянин, делопроизводитель Василий Ефимович Первов и др. [12, с. 96]. Заметим, что 14 из 16 членов Главного школьного комитета являлись служащими железной дороги. Исключение составили врачи Николай Евгеньевич Введенский и Иван Петрович Ангиленко.

Комитету предстояло выполнить огромную работу по увеличению числа начальных училищ для детей служащих на железной дороге, в 1901 г. из 104 станций Транссиба на 80 отсутствовали какие-либо учебные заведения³ [13, с. 2]. Более того, станции и разезды находились на значительном удалении от населенных пунктов, что существенно ограничивало возможности в получении образования. К 1901 г. численность железнодорожных служащих составляла 33 014 чел., ежегодно увеличиваясь, к 1909 г. она достигла 43 842 чел. [12, с. 190].

Следует заметить, что довольно часто причиной отказа служащих от места на железной дороге становилось отсутствие возможности обучения детей. Таким образом, наличие школы при железнодорожной станции являлось залогом успешного обеспечения ее профессиональными кадрами.

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 206. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6–7.

³ Школьное дело на Сибирской железной дороге // Сибирская жизнь. 1901. 1 мая.

С целью эффективного решения данного вопроса на местах учреждались должности почетных блюстителей и школьные комитеты из представителей из числа служащих на железной дороге и участкового врача. Основной задачей местных школьных комитетов и блюстителей становится сбор средств на содержание школ и осуществление административно-хозяйственного управления. По инициативе комитетов и попечителей организовывались концерты, спектакли, собирались пожертвования. Дополнительно для служащих железной дороги был введен обязательный сбор в размере 2 р. 75 к. за право обучения детей в железнодорожной школе. Сбор средств строго контролировался, задолженности взыскивались после увольнения служащего с места работы⁴. Собранные средства расходовались на приобретение книг для школьных библиотек, учебных и наглядных пособий.

Учреждая и обеспечивая школы, комитеты руководствовались инструкцией для начальных училищ Министерства народного просвещения либо правилами, изданными ведомством православного вероисповедания. В качестве отличий можно назвать дополнительный источник содержания, поступающего от железной дороги, и предпочтение, отдаваемое детям железнодорожных служащих при формировании классов. Родители учащихся, не имевших отношения к железной дороге, обучали детей за плату. Как правило, комитеты отдавали предпочтение министерскому типу школ. К 1900 г. на всей Транссибирской магистрали действовало 64 школы, а 29 находились на стадии строительства. По данным на 1901 г. на Западносибирском и Среднесибирском участках пути от Челябинска до Тайшета было открыто на станциях 19 начальных училищ Министерства народного просвещения и 7 церковно-приходских школ, построенных на средства фонда им. императора Александра III, в том числе и на станциях в Омске, Томске, Красноярске, Нижнеудинске. В 1910 г. соотношение составляло 26 к 9 соответственно [12, с. 206, 207].

На начальном этапе формирования сети железнодорожных школ комитеты ходатайствовали об открытии одноклассных начальных училищ с трехлетним сроком обучения и примитивной учебной программой. Выпускники вынуждены были продолжать обучение в двухклассном училище для освоения полного курса начальной школы и получения аттестата. В 1901 г. из 19 училищ, открытых на станциях, только 7 было двухклассными. Необходимость получения более качественного образования привела к увеличению числа двухклассных начальных училищ, ставших стартовой площадкой для получения профессионального образования. В 1910 г. на станциях дороги до Забайкальского участка из 26 действующих училищ 21 относилось к двухклассным.

Важным направлением в политике Главного школьного комитета являлись меры по сохранению ученического контингента. Комитет нашел «крайне

нежелательным» исключение учеников даже за плохое поведение⁵. Исключение допускалось лишь в крайних случаях, которые документировались. В случае нарушения правил ученик временно отстранялся от занятий. На каждого виновника нарушения составлялся «мотивированный протокол» и представлялся на утверждение в Главный школьный комитет. Исключение из школы могло состояться только по решению Главного комитета. Более того, Главный школьный комитет принял решение о недопустимости физических наказаний. Такая мера лишь подтверждает огромную потребность железнодорожного ведомства в грамотных специалистах.

После введения в эксплуатацию Восточно-Сибирского участка школьный комитет Забайкальской железной дороги в начале 1903 г. начал сбор сведений о количестве детей школьного возраста, проживавших на железнодорожных станциях, разъездах и будках и нуждавшихся в обучении. Одновременно составлялся план школьной сети, действовавшей в районе железной дороги. Уточнялось местоположение школ, их удаленность от станций, доступность. Железнодорожные пути зачастую прокладывались в стороне от крупных населенных пунктов, случалось, станцию и селение разделяла река. Сбор информации показал, что многие поселковые и городские школы, находившиеся вблизи железнодорожных станций, были переполнены (Иркутск, Чита, Сретенск, Борзя). Дети железнодорожников, не входивших в число городских и сельских обществ, были лишены возможности посещать местные школы. На всем протяжении Забайкальской железной дороги действовало 9 министерских школ с 539 учащимися и 2 церковно-приходские, где обучалось 109 чел., всего проживало детей школьного возраста в количестве 2027 чел., в школьном образовании нуждалось 1595 чел.⁶

Особенно остро стоял вопрос об открытии железнодорожной школы на станции Сретенск. По данным опроса, в станции Сретенской проживало 7 тыс. чел. и действовало лишь 2 школы – ведомства МНП и церковно-приходская. В школах классы были переполнены. Большая часть желающих поступить в первый класс получала отказ из-за тесноты школьных помещений и отсутствия мест. Железнодорожная станция находилась от школ на значительном удалении, за рекой. На станции проживало 48 детей в возрасте от 8 до 15 лет, нуждавшихся в образовании. В сентябре 1903 г. школьный комитет станции Сретенск принял решение об открытии школы. Для открытия трехклассного начального училища было собрано по подписке 1013 руб. пожертвований. На содержание учителя выделялось из Министерства народного просвещения 720 руб. в год, на содержание сторожа – 280 руб. в год. Содержание школьного помещения возлагалось на местные власти. Учебные принадлежности закупали родители учащихся⁷.

⁵ ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 2. Л. 116.

⁶ Там же. Л. 62.

⁷ Там же. Д. 1. Л. 10 об.

⁴ ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 9. Л. 25.

Почетным блюстителем школы был избран начальник участка службы пути А.И. Сахаров, членами школьного комитета – начальник депо Арон Феликсович Кизерницкий, начальник станции Сретенск Юлий Иванович Кудебер, врач девятого участка Михаил Семенович Рождественский. Школе было присвоено имя начальника участка по постройке Забайкальской железной дороги – коллежского асессора И.В. Лесневского⁸. Заметим, что содержание учителя железнодорожной школы на 200 руб. превышало жалование в министерской школе, достигая 560–580 руб. в год. Данное обстоятельство вызвало конкурс при назначении учителя в школу станции Сретенск. В архивном деле сохранились телеграммы с ходатайствами о назначении. В результате к учебному процессу приступил учитель Подгорбунский (к сожалению, инициалы не установлены) и учительница М. Кисарева⁹.

Таким образом, в период строительства и ввода в эксплуатацию участков Транссибирской магистрали одними из острых вопросов являлись обеспечение строительства квалифицированными кадрами и безопасность эксплуатации железной дороги. В рамках деятельности Подготовительной комиссии, созданной в структуре Комитета Сибирской железной дороги, приоритетным направлением решения данной проблемы становится организация школьного дела, что способствовало развитию сети железнодорожных начальных школ.

В связи с последним обстоятельством требует внимания организация обучения на Китайской Восточной железной дороге. Ее строительство и эксплуатация привели к увеличению численности русского населения в Маньчжурии, проживавшего преимущественно вдоль полосы железной дороги и в Харбине. Как правило, это были представители различных технических специальностей и интеллигенции. Большинство переселенцев, обслуживавших железную дорогу, переезжали с семьями. Управление КВЖД вскоре столкнулось с необходимостью развития инфраструктуры – организации учреждений связи, просвещения, здравоохранения и т.п.

Решение данного вопроса в регионе, который ни формально, ни фактически не подчинялся российским органам власти, было связано с большими трудностями. Управление КВЖД действовало независимо от российских властей. По линии железной дороги и в Харбине по образцу российских заведений создавались учреждения просвещения, здравоохранения, связи на средства Управления железной дороги и частных пожертвований.

Народное просвещение на КВЖД было представлено тремя группами школ, отличавшимися друг от друга в административном отношении. Первая группа включала учебные заведения, находившиеся в подчинении непосредственно Управления железной дороги. Во вторую группу входили самостоятельные школы

Харбина, находившиеся под контролем харбинских властей, и в третью – частные учебные заведения, перешедшие под управление Министерства народного просвещения. Школы открывались по типу городских училищ с шестилетним сроком обучения. Первая русская школа в Маньчжурии была открыта на средства КВЖД в 1898 г. в Старом Харбине. Начальное училище возглавил педагог И.С. Степанов [13, с. 96]. В 1907 г. в ведении Управления КВЖД состояло 20 начальных училищ – 11 одноклассных и 9 двухклассных [14, с. 117]. В одноклассных училищах создавалось три последовательных отделения, в зависимости от уровня образования учащихся. В каждом отделении обучение продолжалось два года. В двухклассных училищах срок обучения в первом классе составлял четыре года, по два года в двух последовательных отделениях. Курс второго класса продолжался два года без разбивки на отделения. В училищах преподавали Закон Божий, чтение и письмо, русский язык, церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, арифметику, геометрию, географию, историю, физику, естествознание, черчение, рисование, пение, гимнастику¹⁰. Обучение велось на русском языке. Управление железной дороги уделяло значительное внимание организации школьного дела. Для привлечения опытных учителей создавались благоприятные материальные условия, в плане повышения квалификации им предоставлялась возможность выезжать на учительские съезды, курсы в центральные регионы России.

К 1914 г. часть училищ, подчиненных Управлению дороги, перешла в ведомство Министерства народного просвещения, более того, частные женские учебные заведения в Харбине – прогимназия М.С. Генерозовой (1903 г.) и гимназия М.А. Оксакоской (1906 г.) также стали подведомственными МНП. Харбинские учебные заведения формально подчинялись Главной инспекции училищ приамурского генерал-губернатора. Учебные заведения, расположенные в районе пос. Маньчжурия, находились в ведении иркутского генерал-губернатора. Во всех учебных заведениях обучались в основном дети служащих на железной дороге. Обучение было платное, но плата составляла небольшую сумму – до 2 % от жалования родителей. Беднейшие ученики освобождались от платы. Кроме общего образования, в школах преподавали практические предметы – рукоделие, садоводство [14, с. 119].

Если сравнивать постановку учебного дела в ближайших областях Российской империи и на КВЖД, то сравнение будет в пользу КВЖД. На территории, лишенной контроля властей, не сталкивавшейся с бюрократическими проволочками, были созданы лучшие условия для развития школьного дела. Учителя имели более высокую оплату труда, возможность совершенствовать профессиональные навыки благодаря участию в работе общероссийских учительских съездов, организации собственных учительских конференций.

⁸ ГАЗК. Ф. 206. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Уставы ученых учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. СПб., 1893 Т. XI, ч. 1. С. 314.

Всего двухклассных училищ в Восточной Сибири и Приамурском крае было 23, а по линии КВЖД – 9. Плата за обучение в школах КВЖД была значительно ниже.

Очевидно, что школьное дело на КВЖД и в Харбине, невзирая на отсутствие помощи со стороны государства, но при содействии управления КВЖД, было хорошо организовано и развивалось динамичнее, чем в соседних российских областях. В целом необходимо отметить, что рекомендации Подготовительной комиссии в области обеспечения лучших условий быта для железнодорожных служащих способствовали развитию школьной сети железнодорожных школ. В 1913 г. по линии казенных железных дорог в целом действовало 483 начальных училища. Служащие имели возможность обучать детей, не отрывая их от семьи. Полученное начальное образование становилось отправной точкой для овладения профессией, нередко связанной с деятельностью железной дороги. Это, безусловно, способствовало решению не только бытовых вопросов, но и достижению стратегически важных целей государства по освоению восточной окраины страны, вовлечению губерний и областей Азиатской России в систему экономических и социальных связей империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин Д.Н. Проект С.Ю. Витте по колонизации Сибири в связи со строительством Сибирской железной дороги // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель; Ин-т истории СО РАН, 2014. С. 202–217.
2. Гайдамакин А.В. Комитет Сибирской железной дороги как объект исследования А.В. Ремнева // «Азиатская Россия: люди и структуры империи»: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск, 2016. С. 269–274.
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Бурят. науч. центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4(16). С. 201–210.
4. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2011. № 1. С. 8–24.
5. Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.
6. Канн С.К. Межведомственное взаимодействие в рамках проекта Комитета Сибирской железной дороги. // Иркут. ист.-экон. ежегодник: 2014. Иркутск, 2014. С. 122–130.
7. Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 233 с.
8. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб: Гос. тип., 1903. 472 с.
9. Ремнев А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.М. Дамешек, С.Ф. Хроленок. Иркутск: ИрГУ, 1988. С. 44–57.
10. Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью: дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 233 с.
11. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. СПб.: Гос. тип., 1898. 86 с.
12. Сердюк А.В. Формирование корпоративной культуры железнодорожников Сибири 1891–1917 гг.: дис.... канд. ист. наук. Омск, 2014. 217 с.
13. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии в 20–40-х гг. XX в. // Ойкумена. 2013. № 3. С. 94–102.
14. Соколовский П.Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. 305 с.

REFERENCES

1. Belyanin D.N. Witte's colonization project of Siberia in connection with the construction of the Siberian railway. *Sosloynnye i sociokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoj Rossii (XVII – nachalo XX veka)*. *Sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferentsii*. Novosibirsk, 2014, pp. 202–217. (In Russ.)
2. Gaidamakin A.B. The Committee of the Siberian railway as an object of study by A.V. Remnev. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii»*. Omsk, 2016, pp. 269–274. (In Russ.)
3. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Imperial expansion of Asiatic Russia in the activity of special committees of the Empire in the second half of XIX – early XX centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2014, no. 4, pp. 201–210. (In Russ.)
4. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Special committees as the governing bodies of border regions of the Empire (on the materials of the Asian part of Russia of the XIX century). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2011, no.1, pp. 8–24. (In Russ.)
5. Kann S.K. The Committee of the Siberian railroad (1892–1905) as the governing body of the national project. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2008, no. 3, pp. 129–131. (In Russ.)
6. Kann S.K. Interagency cooperation in the framework of the Committee of the Siberian railway. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2014*. Irkutsk, 2014, pp. 122–130. (In Russ.)
7. Siberian melting pot: socio-demographic processes in Northern Asia of XVI – beginning of XX century. *Sbornik nauchnykh statei Instituta istorii OIIF SO RAN*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2004, 233 p. (In Russ.)
8. Sabler S.V., Sosnovskii I.V. Siberian railway in the past and present. St Petersburg, Gos. tip., 1903, 472 p. (In Russ.)
9. Remnev A.V. The Committee of the Siberian railway in the memoirs of A.N. Kulomzin. *Sbornik nauchnykh trudov «Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX vv.»*. Irkutsk, IrGU, 1988, pp. 44–57. (In Russ.)
10. Komarov A.V. Special Central governments of Siberia. *Dissertation*. Irkutsk, 2004, 233 p. (In Russ.)
11. Report on the Committee of the Siberian railway for 1893–1897. St Petersburg: Gos. tip., 1898, 86 p. (In Russ.)
12. Serdyuk A.V. Formation of corporate culture of railwaymen in Siberia 1891–1917 gg. *Dissertation*. Omsk, 2014, 217 p. (In Russ.)
13. Lazareva S.I., Shpileva A.N. Russian emigration and the development of education in Manchuria in the 20–40s of the XX century. *Oikumena*. 2013, no. 3, pp. 94–102. (In Russ.)
14. Sokolovskii P.E. Russian school in Eastern Siberia and the Amur region. Khar'kov, 1914, 305 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.01.2017

DOI: 10.15372/HSS20170108
УДК 94(571.54)+(517.3)

Л.В. КАЛЬМИНА, А.М. ПЛЕХАНОВА

**ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОГО «СОСЕДСТВА»
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (1910–1920-е гг.)**

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В статье предпринята попытка проследить влияние монгольского «соседства» на экономическую структуру Забайкалья и темпы развития этого региона в указанный период. Показано стремление Российского / Советского государства вовлечь Монголию в орбиту своих интересов с целью содействовать экономическому развитию региона, что особенно отчетливо проявилось позднее – в период форсированного промышленного роста в 1930-е гг. Установлено, что если в дореволюционный период в основе экономической стратегии самодержавия в регионах лежали экономические и политические мотивы, то в советское время она дополнительно приобрела идеологическое наполнение. При этом наиболее амбициозные инфраструктурные проекты в регионе диктовались геополитическими условиями.

Ключевые слова: Забайкалье, Монголия, Транссибирская магистраль, экономическая стратегия, экономическое партнерство, геополитические устремления, экономическое, политическое и идеологическое влияние, Кяхтинская железная дорога.

L.V. KAL'MINA, A.M. PLEKHANOVA

**THE IMPACT OF MONGOLIAN “NEIGHBORHOOD”
ON THE FORMATION OF ECONOMIC SPACE IN WESTERN TRANSBAIKALIA
(1910s–1920s)**

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russia

The article tries to define Mongolian neighbouring influence on Transbaikalian economic structure and rates of development in the stated period. Mongolian involvement in Russian and later in Soviet sphere of interest had little effect on the development of the region which lagged far behind the economic modernization stage. Chinese (Sinhai) revolution and independence of Mongolia were of great interest to Russia: the Government was aware of the importance of Mongolia in realization of Russian political and economic interests in the Far East. The role of the starting point in Russian plans to defeat other rivals in Mongolian affairs was given to Kyakhta's railway branch, which was supposed to be constructed from frontier Kyakhta to Trans-Siberian Railway with the aim to lay it through Mongolia to Beijing. The possible loss of European Russian industrial areas during World War I made the Tsarist Government pay attention to Asian markets. After the Civil War and foreign intervention strengthening of Eastern regions on the advanced economic development basis once again appeared to be one of the prime goals of the new Soviet power. The economic reconstruction after emergency situations and further achievements were to demonstrate advantages of Socialism to peoples of the East and thus to involve them into the Soviet sphere of economic, political and ideological influence and to serve as the world revolution base in the Buddhist East. Besides geopolitical, military-strategic and ideological circumstances, the importance of close cooperation between Buryatia and Mongolia was determined by economic reasons. Firstly, Mongolia was considered as a perspective product market. Secondly, Mongolia with its rich cattle-breeding industry could be a very important supplier of the Republic processing industry. In spite of political transformations, the Soviet State economic strategy in Buryatia in 1920s had a vividly expressed “Mongolian colour”.

Key words: Transbaikalia, Mongolia, Trans-Siberian Railway, economic strategy, economic cooperation, geopolitical trends, economic, political and ideological influence, Kyakhta railway.

Лилия Владимировна Кальмина – д-р ист. наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: kalminal@gmail.com.

Анна Максимовна Плеханова – д-р ист. наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Liliya V. Kalmina – doctor of historical sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Anna M. Plekhanova – doctor of historical sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Значение Западного Забайкалья как важной в стратегическом и геополитическом отношении территории было осознано российским правительством еще в XIX в. Вовлечение новых восточных регионов в сферу геополитических интересов империи в какой-то мере компенсировало потерю ею экономического и политического влияния на Тихом океане после продажи Русской Америки [1, с. 150]. Задачи развития хозяйственной инфраструктуры Восточной Сибири, ориентировавшейся на азиатские рынки, были сформулированы в аналитической «Записке о Китайских делах» от 30 августа 1862 г., определявшей внешне-торговую стратегию региона. В качестве противовеса усилению британского влияния в Китае, его распространению на Дальний Восток и, возможно, на Восточную Сибирь предлагалось заселение российского Дальнего Востока выходцами из европейской части страны, создание в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве угледобывающей и лесоперерабатывающей промышленности, а также удешевление перевозки товаров по Сибири за счет устройства новых путей сообщения [2, с. 68].

Значимость железнодорожной магистрали как фактора усиления престижа России на Дальнем Востоке была понятна самодержавному правительству уже тогда, когда задачи вовлечения в хозяйственный оборот территорий, прилегающих к будущей трассе, были еще не очень ясны [3, с. 70]. Об этом свидетельствуют и донесения военных агентов, еще до начала строительства железнодорожной магистрали проводивших «ближайшее исследование» Монголии на предмет возможности «безостановочного и возможного продвижения войск» по ее территории. В первую очередь они обращали внимание на необходимость строительства здесь железных дорог, поскольку «при следовании и передвижении армии, пожалуй, будет труднее победить природу, чем неприятеля»¹.

Близкое соседство с Монголией усиливало позиции забайкальского региона и сулило ему завидные перспективы не только как транзитному пункту идущих за границу товаров, но и как экономическому плацдарму для реализации честолюбивых планов империи по втягиванию центральноазиатского пространства в орбиту своего экономического и политического влияния. Однако регион не был готов к выполнению этих функций. На рубеже XIX–XX вв. Забайкалье все еще имело неразвитую экономику, нацеленную главным образом на форсированное выкачивание природных богатств. Доставка чайных грузов более дешевым морским путем подорвала монопольное положение Кяхты и существенно сократила торговлю на этом участке границы, оставив на долю бывшего крупнейшего торгового центра только небольшую торговлю с Монголией с ярко выраженным пассивным балансом. Ввоз монгольских товаров в Россию в 7 раз превышал

вывоз русских товаров в Монголию [4, с. 81], и пассивность эта росла.

В предстоящей задаче экономического укрепления Забайкалья для реализации российских интересов в Монголии сооружение Транссибирской магистрали стало первым значительным шагом. Правда, ее Забайкальский участок, дававший около 9 руб. убытка на каждую пудоверсту из-за искусственного применения льготных тарифов, преобладания пассажирских перевозок над грузовыми и низкой интенсивности движения, считался самым убыточным на всем протяжении магистрали. Однако такая убыточность была предусмотрена Особой высшей комиссией для всестороннего исследования железнодорожного дела в России, которая признавала «возможность отнесения части расходов на содержание дорог, построенных по соображениям стратегическим и политическим» [5, с. 162].

Синьхайская революция и объявление Монголией независимости вызвали большой интерес в России: в правительстве осознали важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке. Усиление экономической мощи Забайкалья, являвшегося связующим звеном между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и Центральной Россией, стало одним из приоритетов правительственной политики.

В планах России «отвоевать» Монголию у конкурентов большое значение должна была сыграть Кяхтинская ветка железной дороги, которую предполагалось протянуть от приграничной Кяхты до Транссибирской магистрали, а в перспективе провести через Монголию до Пекина. Это было особенно важно еще потому, что Китай после неудачной попытки колонизации северо-востока Монголии для ослабления здесь позиций России ускорил железнодорожное строительство. Авторы записки об экономическом значении Кяхтинской дороги рассматривали ее как соединительное звено России с монгольским рынком и, соответственно, как средство выхода монгольских товаров на Сибирскую магистраль [6, с. 50–76]. При изучении Монголии «в военно-научном и военно-стратегическом отношении» российский военный агент настаивал на «скорейшем соединении рельсами г. Кяхты с одной из станций Забайкальской дороги» с тем, чтобы продолжить ее по Монголии до г. Урги как началу магистрали на Калган, что позволит «чрезвычайно улучшить наше экономическое положение в Монголии» и «убить китайскую торговлю»².

На совещаниях о развитии путей сообщения в Сибири, проводившихся у иркутского генерал-губернатора, вопрос о проведении Кяхтинской ветки обсуждался весьма активно. Сторонники ее сооружения прогнозировали возвращение Кяхте статуса центра чайной торговли и повышение акций русского купечества на монгольском рынке, на котором вследствие слабого развития русского экспорта прочно обоснова-

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Изд. Военно-учетного комитета Главного штаба, 1891. Вып. XLVIII. С. 140.

² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1913. Вып. LXXXVI. С. 299–300.

лись американские, английские и германские товары³. Само обсуждение этого вопроса заметно повлияло на объем русского экспорта в Монголию: с 1911 по 1914 г. вывоз мануфактуры через Кяхтинскую таможенную возрос с 83,3 до 379,5 тыс. руб. [7, с. 186].

Начавшаяся Первая мировая война, с одной стороны, поставила под сомнение успешность планов усиления экономического влияния России в Центральной Азии: через открытую Монголией китайскую границу сразу хлынул поток американских и английских товаров. Однако, с другой стороны, с реальной угрозой потери индустриальных районов в Европейской России пришло убеждение в необходимости ориентации на азиатский рынок. И поскольку Монголия прочно заняла положение эпицентра влияния России на Востоке, шансы Забайкалья на обретение роли стратегического плацдарма для реализации в Монголии имперских амбиций резко возросли. За второе десятилетие XX в. добыча угля в Западно-Забайкальском горном округе возросла более чем в 3 раза. Стремительно развивалась цементная промышленность, получившая возможность сравнительно дешевой и надежной доставки оборудования для собственного технического перевооружения. Интенсивно работала лесобрабатывающая промышленность: шесть лесопильных предприятий Западного Забайкалья выпускали 40 тыс. м³ леса [8, с. 35]. Планировалось освоение месторождений слюды, асбеста, меди, железа. Разрабатывались планы создания крупных промышленных предприятий не только добывающей, но и перерабатывающей промышленности. В освоении любой территории военно-политический этап и этап утилизации наиболее доступных природных ресурсов неизбежно сменяются стадией первичной индустриализации на пути интенсивного развития, с формированием отдельных «точек экономического роста» [9, с. 43–44]. Но стремление России утвердиться в Монголии существенно ускорило этот процесс, объективно послужив катализатором развития экономики Забайкалья.

Обозначившаяся тенденция стала еще более явной, когда в апреле 1913 г. Государственная дума приняла окончательное решение о сооружении за счет казны железнодорожной линии Верхнеудинск – Кяхта. В октябре того же года Совет министров рассмотрел вопрос о возможности строительства ветки Кяхта – Урга с целью соединения Забайкалья с Монголией непрерывным железнодорожным путем. Практически сразу же было принято решение о начале проведения изыскательских и проектных работ на монгольском направлении [10, с. 119]. Однако практическое воплощение имперских замыслов по созданию в Забайкалье «точки экономического роста» благодаря установлению железнодорожного сообщения с Монголией было прервано начавшейся мировой войной и последующими революционными событиями.

После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции молодому советскому государству, оказавшемуся в состоянии фактической блокады со стороны стран Запада и конфронтации со всеми мировыми державами, необходимо было кардинальными мерами решать проблему обеспечения защиты границ, особенно в связи с высокой вероятностью новых военных конфликтов. Именно поэтому укрепление восточных районов страны на основе форсированного экономического роста вновь стало одной из приоритетных задач уже новой – советской – власти. В результате замыслы самодержавия по превращению Западного Забайкалья в самодостаточный в экономическом плане регион были положены в основу развития Бурят-Монгольской автономной советской республики, образованной в мае 1923 г.

Восстановление разрушенного в годы социальных катаклизмов хозяйства и последующий подъем экономики республики должны были продемонстрировать народам Востока преимущества социалистических методов хозяйствования и тем самым не только вовлечь их в орбиту советского экономического, политического и идеологического влияния, но и создать здесь плацдарм «мировой революции на буддийском Востоке». В интересах мировой революции считалось возможным использование национального фактора – общности языка, истории, религии и культуры, а также наличия стремления к единению монголоязычных народов, в том числе бурят.

Революция 1921 г., разрушившая основы феодально-теократического строя Монголии, обращение ряда монгольских политических деятелей за поддержкой к Советской России и оказанная ею в дальнейшем военная и экономическая помощь, подписание 5 ноября 1921 г. Соглашения между Правительством РСФСР и Народным правительством Монголии о взаимном признании и установлении дружественных отношений [11, с. 13] стали ключевыми событиями, положившими начало принципиально новому этапу в российско-монгольских отношениях. Советское руководство стало рассматривать Монголию как образец «освободившейся от колониального гнета азиатской страны» и «трамплин» для экспорта революции в Китай и далее по всей Азии.

Наряду с геополитическими, военно-стратегическими и идеологическими обстоятельствами важность установления тесного сотрудничества Бурятии и Монголии в 1920-е гг. была обусловлена экономическими причинами.

Во-первых, Монголия рассматривалась в качестве рынка сбыта продукции. Безусловно, в 1920-е гг. слабо развитая бурятская промышленность, работавшая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла предложить своему ближайшему соседу. Однако в перспективе аргументом в пользу организации на территории республики крупного промышленного комбината в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счет строительства новых послужило наличие обширного рынка сбы-

³ Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири: в 2 т. Т. II: Материалы. Иркутск: Изд. канцелярии иркутского генерал-губернатора, 1908. С. 221–222.

та не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Монголии и Северной Маньчжурии. Госплан БМАССР определял перспективы широкого вывоза в Монголию продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, экстракдно-варочного из бадана, лесопильного, лесохимического, маслобойного заводов [12, с. 106–113].

Во-вторых, Монголия с ее богатым скотоводческим хозяйством могла быть важным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности республики. По данным Кяхтинской пароформалиновой камеры, в 1924/25 г. фактический ввоз из Монголии разных кож достиг 200 тыс. шт., однако в Бурятии задержалось лишь около 15 % этого количества, остальное транзитом было вывезено в другие регионы. Правительство БМАССР, считая подобную ситуацию недопустимой, связывало перспективы расширения Чикойского кожевенного завода с возможностью увеличения импорта в Бурятию монгольского кожсырья, стоимость которого в 1925 г. была на 11 % ниже цен Верхнеудинского рынка. Кроме того, при разработке пятилетнего плана ЦСНХ республики доказывал необходимость строительства в Верхнеудинске овчинно-шубного завода. Рентабельность этого производства доказывалась существованием в довоенное время в Кяхте сравнительно крупного частного овчинно-шубного завода, работавшего на сырье из Монголии, откуда только в 1914 г. было вывезено 625 тыс. овчин⁴.

Таким образом, большинство проектов экономического роста Бурят-Монгольской АССР, разрабатываемых в 1920-е гг., связывалось с укреплением и расширением хозяйственных отношений с Монголией.

В качестве механизма обеспечения устойчивого экономического партнерства с Монголией в 1920-е гг. вновь стало рассматриваться улучшение транспортных коммуникаций. В 1926 г. при разработке Госпланом СССР проекта развития путей сообщения в первой пятилетке была реанимирована идея сооружения Кяхтинской железной дороги. Теперь инициатором ее строительства выступило руководство Бурят-Монгольской Республики. В правительственных кругах планируемую железнодорожную линию стали нередко называть Верхнеудинск-Монгольской, поскольку изначально учитывалась возможность и даже необходимость ее продолжения в Монголию. Специалисты указывали:

Согласованная и цепко увязанная деятельность советских и монгольских торговых предприятий, надлежащая организация водного транспорта в пределах Монголии, соответствующие тарифы, держащиеся на уровне себестоимости – дадут возможность втянуть все монгольское хозяйство, по крайней мере, хозяйство Халхи – центральной части Монголии, в сферу влияния Кяхтинской железной дороги. Не только монгольское сырье, экспортируемое за границу, но и требующиеся для снабжения монгольского населения пром-

товары, как советского, так китайского и английского происхождения, в силу коммерческой выгоды, пойдут по пути Урга – Верхнеудинск – Владивосток [12, с. 73].

Однако из-за ограниченности финансовых ресурсов реализация данного проекта опять затянулась. Лишь в 1936 г. Народный комиссариат путей сообщения принял решение о разработке окончательных проектов сооружения железнодорожной магистрали Улан-Удэ – Кяхта (Наушки). Строительные работы начались в 1937 г., а рабочее движение поездов открылось 15 января 1939 г. С момента ввода в эксплуатацию Кяхтинская железная дорога стала играть огромную роль в экономическом развитии Бурятии и Монголии, способствуя их взаимовыгодному торгово-промышленному сотрудничеству.

Правительство республики планировало укрепление транспортных связей с Монголией не только посредством железнодорожного сообщения, но и через организацию регулярного судоходства по Селенге и Орхону. Такая цель в 1924 г. была поставлена перед созданным Селенгинским государственным пароходством в качестве первостепенной. Задача трудновыполнимая, поскольку пароходству в наследство достался изношенный, часто выходивший из строя флот: 19 пароходов и 35 непаровых судов, находившихся в эксплуатации от 23 до 54 лет [13, с. 90]. В 1924–1925 гг. были проведены изыскательные работы и установлена возможность плавания судов в пределах Монголии по Селенге на расстояние до 450 км, по Орхону – более 300 км [12, с. 35]. За три года флот, обслуживавший бассейн Селенги, пополнился двумя новыми пароходами и одним теплоходом, благодаря чему грузооборот по реке увеличился с 6337 т в 1924 г. до 18 514 т в 1927 г. (на 292 %) [13, с. 91–92].

Таким образом, Западное Забайкалье как важная в стратегическом и геополитическом отношении территория уже в дореволюционный период рассматривалось как экономический плацдарм для реализации замыслов самодержавного правительства по включению центральноазиатского пространства в орбиту российского экономического и политического влияния. Усиление экономической мощи региона, являвшегося связующим звеном между Монголией и Центральной Россией, стало рассматриваться в числе важнейших задач правительства. Значительным шагом для реализации этих планов явилось сооружение Транссибирской магистрали и промышленное освоение территорий, прилегающих к ней. Однако последовательное воплощение имперских замыслов по превращению Забайкалья в экономически развитое пространство было прервано Первой мировой войной и последующими революционными событиями.

Экономическая стратегия Советского государства в Бурятии в 1920-е гг. по-прежнему имела ярко выраженный «монгольский» оттенок. Но если в дореволюционный период в основе такой стратегии лежали экономические и политические мотивы, то в советское время она дополнительно приобрела идеологическое звучание, актуальное для воплощения большевист-

⁴ Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. С. 51, 55.

ской идеи мировой революции. Значение национального автономного административно-территориального образования Западного Забайкалья – Бурят-Монгольской АССР – как «плацдарма на буддийском Востоке» в государственной геополитической стратегии Советского государства значительно возросло. Наиболее амбициозные инфраструктурные проекты в регионе в первую очередь диктовались геополитическими и идеологическими устремлениями. Это способствовало ускоренной, беспрецедентной по темпам, масштабам и результатам экономической модернизации бывшей национальной окраины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахеров В.П. Роль Иркутска в становлении международных отношений и торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 9. С. 142–151.
2. Синиченко В.В. К вопросу о выборе стратегии развития внешнеэкономических связей Восточно-Сибирского региона в 60-х гг. XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2000. С. 67–71.
3. Андреева Т.И. Причины формирования частной железнодорожной сети Азиатской России // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.: материалы III Всерос. науч. конф. Барнаул, 29 июня – 1 июля 2012 г. Барнаул: АК ИПКРО, 2012. Т. I. С. 64–73.
4. Дружинина А.В. Развитие торговли уездных, безуездных городов Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Иркутск, 2005. Вып. V. С. 77–89.
5. Баталова Т.И. Проблема дефицита в железнодорожной сети Азиатской России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. I. С. 153–164.
6. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П.П. Червинского. СПб.: Тип. Т-ва С. Суворина «Новое время», 1913. 212 с.
7. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 308 с.
8. Берсенева Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907 – февраль 1917 г.) // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1972. № 6. С. 29–41.
9. Ишмуратов Б.М. Сибирь в российской и мировой перспективе: очерки социально-экономической и политической географии. Иркутск: Оттиск, 2003. 172 с.
10. Третьяков В.Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, ч. I. С. 110–120.
11. Советско-монгольские отношения. 1921–1966: сб. док. М.: Международные отношения, 1966. Т. I. 360 с.
12. Козьмин Н.Н. Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1926. 144 с.
13. Помус М. Пути развития водного транспорта в Бурятии и Селенгинское пароходство // Жизнь Бурятии. 1928. № 1–3. С. 89–94.

REFERENCES

1. Shakhеров V.P. The role of Irkutsk in the development of international relations and trade with countries of the Asia-Pacific region in the XVIII–XIX centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria «Politologiya. Religiovedenie»*. 2014, vol. 9, pp. 142–151. (In Russ.)
2. Sinichenko V.V. On issue of the strategy selection for development of foreign economic relations of the East-Siberian region in the 1860s. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk, 2000, pp. 67–71 (In Russ.)
3. Andreeva T.I. The reasons for the formation of a private railway network in Asian Russia. *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI v.: Materialy III Vseross. nauch. konf., Barnaul, 29 iyunya – 1 iyulya 2012 g.* Barnaul: AKIPKRO, 2012, vol. 1, pp. 64–73. (In Russ.)
4. Druzhinina A.V. The development of trade in the aligned and non-aligned cities of Irkutsk province and the Trans-Baikal region in the late XIX – early XX centuries. *Sibirskii gorod XVIII – nachala XX vekov*. Irkutsk, 2005, iss. 5, pp. 77–89. (In Russ.)
5. Batalova T.I. The problem of the railway network deficits in the Asian part of Russia in the late XIX – early XX centuries. *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta, 2006, pt. 1, pp. 153–164. (In Russ.)
6. The Kyakhta railway region in economic ratio. Ed. P.P. Chervinsky. St. Petersburg: Tip. T-va S. Suvorina «Novoe vremya», 1913, 212 p. (In Russ.)
7. Startsev A.V. *The Russian trade in Mongolia (second half of XIX – early XX centuries.)*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, 308 p. (In Russ.)
8. Bersenev L.F. The economic development of Transbaikalia in the period between two revolutions (June, 1907 – February, 1917). *Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Zabaikal'ya v kontse XIX – nachale XX veka. Zabaikal'skii kraevedcheskii ezhegodnik*. Chita, 1972, no. 6, pp. 29–41. (In Russ.)
9. Ishmuratov B.M. Siberia in the Russian and global perspective (descriptions of the socio-economic and political geography). Irkutsk: Ottisk, 2003, 172 p. (In Russ.)
10. Tret'yakov V.G. Mongolia as a geopolitical center of gravity of railway construction in the late XIX – early XX centuries. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka*. Irkutsk; Ulan-Bator: Izd-vo BGUEP, 2014, bk. 3, pt. 1, pp. 110–120. (In Russ.)
11. Soviet-Mongolian relations. 1921–1966: documents collection. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966, vol. 1, 360 p. (In Russ.)
12. Koz'min N.N. The fundamentals of Buryatia capital construction. Verkhneudinsk: Gosplan BM ASSR, 1926, 144 p. (In Russ.)
13. Pomus M. Ways of water transportation development in Buryatia and Selenga Shipping company. *Zhizn' Buryatii*, 1928, no. 1–3, pp. 89–94. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.02.2017

DOI: 10.15372/HSS20170109
УДК 94(57)+314.4

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТ ПАМЯТИ,
СВЯЗАННЫХ С СОБЫТИЯМИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1920-е гг.)**

Новосибирский государственный технический университет,
РФ, 630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20
Новосибирский государственный аграрный университет,
РФ, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

Статья посвящена характеристике процесса формирования системы военно-революционных памятных мест в городах Западной Сибири в 1920-х гг. Установлены контексты государственной политики памяти, отразившейся на отборе памятных мест, их маркировке и дальнейшем использовании в идеологических целях. Определяется роль истпарта, музеев и участников военно-революционных событий в рассматриваемом процессе. В статье приводятся примеры памятных мест, сведения о которых были зафиксированы в мемуарных источниках. Сообщаются способы их использования. По мнению автора, формировавшаяся в 1920-х гг. система памятных мест, использовавшаяся в идеологических целях, была связана с реальной коллективной памятью революционеров и подпольщиков, акцентировала специфику местных событий и героизировала подвиги сибиряков. Однако эта система начала терять актуальность уже в следующем десятилетии.

Ключевые слова: памятные места, политика памяти, коммеморация, мемориализация, Западная Сибирь.

E.I. KRASILNIKOVA

**FORMING THE SYSTEM OF MEMORIAL PLACES RELATED
TO THE EVENTS OF REVOLUTIONS AND CIVIL WAR IN WESTERN SIBERIA (1920s)**

The purpose of the article is to characterize the process of forming the system of memorable sites associated with the Revolution and Civil War in Western Siberia cities in 1920s. The study expands understanding of the memorial public policy at the initial stage of Soviet history, relationship between the collective memory of Siberians about the revolutionary process and the Civil War in the region and an official memorialization of military-revolutionary events. The author explains in what way the context of the memorial public politics was reflected in objects selection, which were recognized as memorial in the given years, as well as their political mythologizing and symbolic marking.

The article reports on the role of memories of the military-revolutionary events participants, who lived in Tomsk, Novosibirsk, Barnaul and Omsk, in forming the official Revolutionary Military topography of cities, and the role of employees of Istparts and local history museums collecting these memories, and designing the system of memorial sites on their base. Most often revolutionaries and undergrounders recalled places, where the change of the government was announced publicly in the city, or places where the new power structures, safe houses and other places of secret and open political protest activities were located.

Many sites were related to the memory of the Civil War victims: prisons, places of torture, execution and burial of the dead. The forms of applying identified memorial sites for ideological purposes are established. Stories associated with these places were published in periodicals, photos of the places were used in the exposition and exhibition activity of municipal museums, tours to the places were planned. Finally, the author came to the conclusion that the formed system of memorable sites reflected in Siberians minds a subjective, emotional and fragmentary memory of military-revolutionary events in regional cities. A unique regional narration about the Revolution and Civil War was created where heroes of local history dominated. However, this tendency practically did not develop in the following decade.

Key words: memorials, memorial policy, commemoration, memorialization, Western Siberia.

Екатерина Ивановна Красильникова – д-р ист. наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный аграрный университет, e-mail: katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – doctor of historical sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk State Agrarian University.

Как известно, в России в 20-е гг. XX в. шел процесс активного заполнения обжитого городского пространства многочисленными символами памяти, связанными с советской трактовкой недавнего военно-революционного прошлого. В символическом пространстве современных городов Западной Сибири многие из этих объектов до сих пор занимают заметное место. Однако это уже практически не касается объектов второстепенного значения, некогда составлявших в комплексе с военно-революционными мемориалами единую систему памятных мест. Реконструкция этой системы, размытой временем, способствует углублению научных представлений о политике советского государства в отношении памятных мест 1920-х гг. и о типичных исторических образах, составлявших основу коллективной памяти населения, в том числе жителей западносибирских городов, связанной с военно-революционным прошлым. Политизированные символы памяти, включенные в городскую среду и ежедневно присутствовавшие в жизни человека, корректировали его память о недавнем прошлом, внушая конкретные оценки и вытесняя те образы, которые не актуализовались посредством воздействия на память извне.

Цель данного исследования – дать характеристику процессу формирования в 1920-х гг. системы памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной в городах Западной Сибири. Для этого требуется объяснить контексты советской политики памяти, отразившейся на обозначенном процессе; установить, кем и в опоре на какие свидетельства в городах Западной Сибири формировалась официальная система военно-революционных памятных мест; определить, какие именно места включались в эту систему, а также выяснить способы их использования в идеологических целях.

Памятные места, созданные в западносибирских городах в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами, были описаны еще в советское время авторами однотипных справочных изданий [1; 2 и др.]. Публикация похожих краеведческих работ продолжилась и в постсоветское время [3 и др.]. Новым этапом осмысления места и роли революционных мемориалов в культурной среде западносибирских городов стали историко-культурологические работы омских ученых В.Г. Рыженко, Д.А. Алисова, В.Ш. Назимовой [4; 5]. Проблеме создания военно-революционных мемориалов в Томске и Новосибирске, рассмотренной в контексте политики памяти межвоенного периода, посвящена отдельная работа автора данной статьи [6].

Основным источником для нашего исследования послужила делопроизводственная документация учреждений, работавших над увековечиванием памяти о революции в Западной Сибири и о Гражданской войне – истпартов (комиссий по истории Октябрьской революции) и краеведческих музеев. Их сотрудниками были собраны многочисленные мемуары очевидцев указанных событий (революционеры, подпольщики, красноармейцы). На основе таких текстов

преимущественно и конструировалась официальная военно-революционная топография. Памятные места фотографировались. Часть этих снимков сохранилась в архивных фондах (ГАТО) и также оказалась востребована нами в связи с целью нашего исследования. Торжественные открытия памятных мест и их посещения в праздники нередко описывали местные газеты, что также помогло нам осмыслить специфику формирования памятных мест в западносибирских городах.

В методологическом отношении данное исследование базируется на подходе, широко известном на Западе, а в последние годы и в России, под названием «memory studies». Опираясь на разработки теоретиков этого подхода, мы определяем памятное место как вид коммемораций, т.е. сознательных социальных актов передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий [7, с. 1]. В рамках данного исследования памятные места понимаются как объекты городской среды, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах. Мы также используем понятие «политика памяти», включающее способы и сами процессы идеологизации прошлого, создания о нем с помощью памяти социальных представлений и национальных символов, необходимых власти [8, с. 41].

Истоки государственной политики памяти, оказавшей решающее воздействие на формирование в городах Западной Сибири системы памятных мест, следует искать в правительственных решениях периода Гражданской войны. В 1918 г. В.И. Ленин разработал план монументальной пропаганды, основополагающим документом которого стал декрет СНК «О памятниках республики». В соответствии с этой программой в Петрограде, в Москве, да и по всей стране началось активное увековечивание памяти о революционном процессе в России, о Гражданской войне и о тех, кто был признан героями соответствующих событий. Москва жестко контролировала каналы трансляции строго определенной версии коллективной памяти о революции и Гражданской войне. В идеологии начала 1920-х гг. доминировала идея мировой революции. Поэтому первые военно-революционные мемориалы выражали интернациональные смыслы и в своем символическом воплощении не имели привязки к конкретным событиям в данном месте. Ориентир на мировую революцию отразился и на уровне создания памятных мест второстепенного значения.

Важно отметить и то, что в 1920-х гг. революция и Гражданская война были неразрывно связаны как в памяти общества, так и в рамках дискурса пропаганды. Поэтому на уровне памятных мест военно-революционные события также репрезентировались в их единстве.

После «освобождения от колчаковщины» в конце 1919 г. память населения региона о режиме А.В. Колчака была вариативной. Советская же политика памяти

ставила перед собой задачу «проработки прошлого»: унификации, идеологизации коллективной памяти о революции и Гражданской войне и вытеснении из нее сколько-нибудь позитивно окрашенных образов белой армии, Колчака и его политики в регионе. Одновременно власть стремилась к утверждению в коллективной памяти героических образов большевиков и Красной армии – «освободительницы». На протяжении всего изучаемого периода сохраняла актуальность дискредитация коллективной памяти о «колчаковщине», под которой понималось не только контрреволюционное движение. Все негативные последствия Гражданской войны в социальной, демографической и хозяйственной сферах большевики также называли «колчаковщиной», полностью перекладывая ответственность за «разруху» на побежденного врага. С середины 1920-х гг. советская пропаганда активно использовала негативные образы прошлого России и Сибири, в том числе образы «колчаковщины», с целью оттенить всесторонний прогресс в послереволюционном развитии страны, представление о котором навязывалось обществу.

Использование дореволюционных коммеморативных традиций в 1920-х гг. отразилось, в частности, в фиксации внимания на памятных местах в связи с политическими праздниками и памятными датами. Годовщины и особенно юбилеи событий вызывали необходимость «освежить память», что на практике означало ее «проработку» и коррекцию. Круглая дата служила предлогом для трансляции и укрепления в общественном сознании определенной версии памяти о событии, которая соответствовала новой концепции идеологизации прошлого.

Истпарты вели учет и переписку с участниками военно-революционных событий. От этих людей им удавалось получить рукописи воспоминаний. К примеру, в 1925 г. сотрудники Томского истпарта обратились к 30 революционерам, проживавшим в их городе, с просьбой ответить на вопросы анкеты, в частности, о местах, где происходили революционные события. Истпарты также устраивали вечера воспоминаний с участием старых большевиков. Их выступления и дискуссии стенографировались. Музейщики старались лично встретиться с революционерами, подпольщиками и их родственниками, их ответы в ходе беседы записывались. Такие мемуарные источники создавались по шаблону и редактировались при расшифровке рукописей. Приводимые в них сведения были отрывочны и субъективны. Однако нельзя не признать, что данные источники отражают ту военно-революционную топографию западносибирских городов, которая существовала в памяти революционеров и подпольщиков. Мемуаристы четко называли важные, по их мнению, памятные места, которые часто резко отличались от общеизвестных памятных мест, связанных с дореволюционной историей городов Западной Сибири.

В начале XX в. памятные места в городах нашего региона были представлены преимущественно некрополем с многочисленными надгробиями и часовнями, имевшими мемориальное значение, а также архитек-

турными сооружениями, историческое значение которых жители городов признавали с течением времени. К примеру, опираясь на историческую справку о г. Омске, предложенную в справочном издании 1911 г. «Весь Омск», можно сделать вывод о том, что в начале XX в. омичи считали памятниками местной истории «старую крепость» (крепость, основанную путешественником, генералом-майором И.Д. Бухгольцем) на берегу Иртыша, а также тюрьму, где отбывал срок Ф.М. Достоевский и петрашевцы [9, с. 149]. Собственно памятников, созданных специально для увековечивания памяти о событиях, важных для сибиряков, было немного. Примером отражения мемориальной традиции светской культуры XIX в. может послужить Демидовский столп в Барнауле, закладка которого произошла в 1825 г. в честь 100-летия горного дела на Алтае. Традиция установления мемориальных досок в Западной Сибири дореволюционного периода еще не распространилась, при том что в столице их было немало и до 1917 г.

Лишь в 1921 г. была установлена и торжественно открыта первая мемориальная доска в Томске. Газета «Красное знамя» сообщала, что после Первомайской демонстрации собралась большая толпа возле дома №4 на улице Садовой (современный адрес – ул. Ленина, д. 65). Именно там состоялось открытие мемориальной доски «Изгнанникам империалистической войны в Сибири, погибшим за мировую революцию» [10]. В этом здании с марта 1918 г. располагался Совет военнопленных депутатов при Томском Совете рабочих и солдатских депутатов. Во главе его стояли венгерские интернационалисты Ф. Мюнних, М. Юнг, К. Рейтер, И. Силади и др. Совет военнопленных депутатов работал среди пролетариев зарубежных стран, формируя красногвардейские отряды интернационалистов. По наблюдению историков Е.А. Бесединой и Т.В. Бурковой, после революции создание мемориальных досок стало делом государственной важности. Идея повсеместно маркировать табличками здания, связанные с революцией, принадлежала самому вождю. Эти таблички нужны были не для актуализации в памяти того, что и так было известно участникам и очевидцам политических событий, а для широкого тиражирования истории, до сих пор запечатленной в памяти лишь узкого круга лиц [11]. Установка мемориальных досок, сообщавших жителям городов новую военно-революционную историю, продолжилась в последующие годы.

В 1925 г. в СССР отмечали двадцатилетие Первой русской революции. К этой памятной дате был приурочен сбор сведений о памятных местах, связанных с началом революционного процесса в Западной Сибири¹. Сотрудники Барнаульского истпарта, опираясь на воспоминания, выявили места, большинство из которых не было известно горожанам. В числе таких мест фигурировали: конспиративные квартиры большевиков на Гоголевской (дома № 93, 94 и 99) и на Бердской улицах Барнаула, тайная типография, Бобровский затон, как

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 86. Оп. 1. Д. 39, 45.

место агитационной работы, и Дунькина роща, как место первого политического митинга большевиков. Со слов «пятигодников» было зафиксировано, что главной конспиративной квартирой в Барнауле считалась квартира А.Д. Васильева, находившаяся по адресу ул. Гоголевская, дом № 99. Там постоянно жили нелегалы, иногда по два-три человека. Установили и то, что одна из тайных типографий находилась на квартире Н.М. Тюфякова по адресу ул. Гоголевская, 94. Местонахождения другой типографии, созданной томским нелегалом по фамилии Мельников, барнаульские «пятигодники» так и не назвали. Все их свидетельства были отрывочными, а их точность оставалась на совести рассказчиков.

Примером сбора мемуаров о социалистической революции к десятилетию «Великого Октября» может послужить небольшая коллекция, созданная сотрудницей Томского краеведческого музея К.Н. Юхневич. Например, она задавала своим собеседникам вопросы о том, где именно происходили ключевые томские события. Так, М.Г. Александров упоминал станцию Томск-II как центр активной деятельности местных революционеров². Из записей бесед видно, что память об Октябрьской революции в Томске ассоциировалась у ее свидетелей с так называемым «домом Свободы» – бывшей резиденцией томских губернаторов. В 1919–1918 гг. в этом здании находился Томский губком РСДРП(б), штаб отрядов Красной гвардии и Издательство газеты «Красное знамя». Это памятное место было, в частности, отмечено в воспоминаниях П. Чебланова³. Начиная рассказывать о революции, томичи, как и жители других городов, обычно переходили к разговору о Гражданской войне и связанных с ней памятных местах. Так, томичка Л. Гокина упомянула конспиративную квартиру на Королевской улице, где до начала 1919 г. подпольщики хранили оружие. Она же в качестве памятного места, связанного с «колчаковщиной», назвала Татарское кладбище, где «допрашивали и пытали большевиков колчаковцы, а потом закапывали в землю еще живыми»⁴. В 1929 г., к десятой годовщине неудачного томского восстания против режима Колчака (27 марта) газета «Красное знамя» опубликовала такого рода материалы, основанные на воспоминаниях М.И. Чулкова. В этой статье также сообщалось о Татарском кладбище, где были сброшены в яму тела убитых повстанцев, а в декабре 1919 г. их перезахоронили на Соборной площади⁵.

Как мы уже отмечали, места, обретавшие значение памятных, фотографировали. Такие снимки использовались в выставочной и экспозиционной деятельности музеев, публиковались в периодических изданиях. В середине 1920-х гг. томский фотограф Н.В. Татауров снял конспиративные квартиры рево-

люционеров, в том числе дом Т. Колмакова на улице Мухинской, где в 1903 г. находилась подпольная типография. Это было обычное старое здание, без особых маркеров оно вряд ли могло привлечь внимание⁶.

Сведения о военно-революционных памятных местах использовались и для составления экскурсионных маршрутов. Примером может быть маршрут, составленный сотрудником новосибирского истпарта Сафроновым к десятилетию «Великого Октября». По плану этой экскурсии предполагалось посещение 14 различных мест, разбросанных по городу. В их числе были здания, где провозглашалась и низвергалась советская власть, тюрьмы, где томились в заключении революционеры и подпольщики, братская могила узников новониколаевской тюрьмы, расстрелянных колчаковцами при отступлении, конспиративные квартиры подпольщицы Е.Б. Ковальчук и ее соратников из семьи Шамшиных. Предполагалось даже посещение левого берега р. Каменки и осмотр кустов, где колчаковцы расстреляли членов президиума Новониколаевского совдепа⁷.

Попытка пройти по этому маршруту сегодня отняла бы несколько часов. В самом начале логика движения экскурсантов определялась хроникой событий. Однако уже на четвертом пункте эта логика сбивалась. Братская могила и могила знаменитого руководителя партизанского движения П.Е. Щетинкина, который умер в 1927 г., демонстрировались прежде, чем объекты, имевшие отношение к событиям 1918–1919 гг. В результате у экскурсантов едва ли могла сложиться ясная картина последовательности событий. Часть из мемориальных объектов находилась на окраинах, в неприглядных местах. Однако их подбор для маршрута наглядно отражал взлеты и падения советской власти во время Гражданской войны, подчеркивал «зверства» колчаковцев и героическую стойкость большевиков. Контраст между зданием городского театра и кустами в овраге за Каменкой должен был оказывать сильное эмоциональное воздействие на экскурсантов. Мемориализация дома Шамшиных и Е.Б. Ковальчук, останки которой были погребены в неустановленном месте, отражали лозунг «Кто был ничем, тот станет всем!». При этом интерес к конспиративным квартирам, их включение в экскурсионные маршруты, по нашему мнению, все-таки имели основание в дореволюционной культуре памяти. Посещение домов подпольщиков, чья политическая деятельность была признана большевиками героической, напоминает, в частности, паломничество томичей к келье старца Федора Кузьмича в начале XX в. Отметим и то, что при своем несовершенстве экскурсионный маршрут Сафронова стал основой для официальной военно-революционной топографии Новосибирска, весьма актуальной вплоть до распада СССР.

² ГААК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12.

³ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Д. 46. Л. 10, 12.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Ф. 4204. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1313. Оп. 2. Д. 525, 678.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 736. Л. 1–6.

Воспоминания революционеров и подпольщиков 1920-х гг. раскрывали тайные тропы, по которым старались незаметно ходить те, кто был на нелегальном положении в военно-революционный период. Их маршруты нередко прокладывались по трущобам и окраинам, по старым кладбищам и безлюдным рощам. В 1920-х гг. памятным местом, достойным включения в экскурсионный маршрут и упоминания в музейной репрезентации прошлого или в праздничной газетной публикации, наряду с масштабными военно-революционными мемориалами, могли стать и такие объекты городской среды, как неприметный, старый дом или какой-нибудь овраг на окраине города. Фиксация внимания на конспиративных квартирах, местах тайных сходов и расстрелов возвеличивала героизм местных революционеров и подпольщиков из числа бедных и незначительных людей. Все это дает основание полагать, что в 1920-х гг. обозначилась перспектива формирования особенной региональной версии военно-революционной истории, далекой от объективности и сильно идеологизированной, но основанной на реальной памяти еще живых людей из круга революционеров и подпольщиков и на их ценностном осмыслении прошлого. Однако развития этой тенденции не последовало.

В последующем десятилетии в системе памятных военно-революционных мест городов Западной Сибири стали доминировать места, связанные с памятью о С.М. Кирове, В.В. Куйбышеве, и памятники В.И. Ленину. Что касается свободно изложенных воспоминаний о революции и Гражданской войне, которые могли бы обогатить карту памятных мест в городах нашего региона, то их практически уже не записывали. Память революционеров и участников подполья широко не тиражировалась, хотя в 1920-х гг. именно на это была нацелена работа коммемораторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980. 112 с.
2. Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. 141 с.
3. Памятники истории и культуры города Омска. Омск, 1992. Вып. 1. 126 с.
4. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010. 340 с.
5. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов А.Д. Пространство советского города (20–50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004. 292 с.
6. Красильникова Е.И. Создание мемориалов на братских могилах «жертв колчаковщины» в Новосибирске и Томске: политический заказ и диалог с традицией (1920–1930-е гг.) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. Т. 2, № 2. С. 48–53.
7. Святославский А.С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис... д-ра культурологии. М., 2012. 53 с.
8. Савельева И.М., Поletaev А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004. 56 с.
9. Весь Омск: справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. 329 с.
10. Открытие памятника // Красное знамя. 1921. 7 мая.
11. Беседина Е.А., Буркова Т.В. «В этом здании жил и работал»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Труды исторического факультета СПб. ун-та. 2013. № 16. С. 45–67.

REFERENCES

1. Novosibirsk monuments. Novosibirsk, 1980, 112 p. (In Russ.)
2. Barnaul historical and cultural monuments. Barnaul, 1983, 141 p. (In Russ.)
3. Omsk historical and cultural monuments. Omsk, 1992, iss. 1, 1992 p. (In Russ.)
4. Ryzhenko V.G. The images and symbols of the Soviet city in modern research experiments (a regional aspect). Omsk, 2010, 340 p. (In Russ.)
5. Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov A.D. The Soviet city space (1920s–50s.): theoretical concepts, regional socio-cultural and historical-cultural characteristics (on West Siberian materials). Omsk, 2004, 292 p. (In Russ.)
6. Krasilnikova E.I. Creating memorials to mass graves of Kolchak victims in Novosibirsk and Tomsk: the political order and a dialogue with tradition (1920–1930s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, vol. 2, no. 2, pp. 48–53. (In Russ.)
7. Svyatoslavskii A.S. Habitat as a memory space: on the history of the national memorial culture: abstr. of doctor diss. Moscow, 2012, 53 p. (In Russ.)
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social representations of the past: types and formation mechanisms. Moscow, 2004, 56 p. (In Russ.)
9. The whole of Omsk: a guide for 1911. Omsk, 1911, 329 p. (In Russ.)
10. The memorial opening. *Krasnoe znamya*. 1921, 7 May. (In Russ.)
11. Besedina E.A., Burkova T.V. «Lived and Worked in this Building»: plaques as a way of historical memory. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2013, no. 16, pp. 45–67. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170110
УДК 94 (547.11). 084.338

А.П. КИЛИН

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ СВОДКИ
ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ОГПУ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1924 г.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА***

Уральский федеральный университет,
РФ, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Анализ технологии создания информационных сводок Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и оценка их информационного потенциала позволяют получить представление о принципах информационно-аналитического обеспечения управления региональных органов власти в 1920-е гг. Рассматриваются исторические условия возникновения источника, анализируется его содержание, дается характеристика авторам документов и предлагается интерпретация самого источника. Отмечено, что сводки носили компилятивный характер, выполняли как информационно-аналитические, так и отчетные функции, а сотрудники информационных отделов выступали в роли медиаторов между властью и обществом. Анализ сводок позволяет рассмотреть основные тенденции развития раннесоветского общества, такие как секуляризация, социальная мобилизация, демократизация (советизация), технологический прогресс (с задачей восстановления хозяйства до довоенного уровня), урбанизация, развитие системы образования.

Ключевые слова: управление, политика, аналитика, информация, сводки, ОГПУ, Уральская область, нэп, раннесоветское общество.

A.P. KILIN

**INFORMATION REPORTS
OF DISTRICT DEPARTMENTS OF OGPU OF THE URAL REGION FOR 1924
AS A SOURCE ON HISTORY OF THE EARLY SOVIET SOCIETY**

Ural Federal University
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia

The paper considers information reports of District departments of the Joint public political administration (OGPU) of the Ural region for 1924 both as the documents included in the system of information and analytical activities of law enforcement agencies and as a historical source. Within the source study research historical conditions of emergence of a source are analyzed, the characteristic to authors is given, circumstances of creation of the document are described, the analysis of content and interpretation of a source is performed. The conclusion about compilation nature of reports which performed functions both of informing and a report for superior organizations is drawn. In the course of data movement from informants to district representatives, and then from district department to regional management, information was significantly transformed (contracted and eliminated). Practically all aspects of production, public and everyday life of citizens got to the sphere of attention of OGPU that allows to use data as a source for studying of a wide range of problems. In particular, the social structure of the early Soviet society is considered in the reports, as well as loyalty of separate social groups to RCP(b), Soviet authorities and Red Army. The source includes the direct speech of citizens in a statement of informants, gives an idea of rumors which circulated among inhabitants. Contents of reports allow to consider the main tendencies of development of the early Soviet society, such as laicisation, social mobilization, democratization (Sovietization), technological progress (with emphasis on the idea of recovery of economy to pre-war level), an urbanization and educational development.

Key words: management, policy, analytics, information, reports, OGPU, Ural region, New Economic Policy, early Soviet society.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Алексей Павлович Килин – канд. ист. наук, Уральский федеральный университет, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru.
Alexey P. Kilin – candidate of historical sciences, Ural Federal University.

Основы новой советской государственности формировались в начале 1920-х гг., в условиях агрессивной внешней и внутренней среды. Значительное место в этой системе занимали правоохранительные органы, которые должны были обеспечить реализацию государственной воли. В условиях, когда социальная опора нового режима была ограничена и аморфна, актуальной задачей представлялось выявление реальных и потенциальных зон рисков, способных дестабилизировать ситуацию. Помимо сугубо силовых функций, присущих правоохранительным органам, призванных продемонстрировать властные полномочия государства в борьбе с оппонентами, органы правопорядка нуждались в информационно-аналитическом обеспечении своей деятельности. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР являлось организацией, в полной мере выполнявшей обе указанные функции. Именно информационно-аналитическое направление его работы оставило заметный документальный след, доступный для изучения современным исследователям.

В статье А.В. Мидиненко рассмотрена организация деятельности информационных подразделений ОГПУ на союзном уровне, в том числе нормативно-правовое регулирование процессов создания и распространения информационно-аналитических документов, созданных их сотрудниками. В частности, он отмечает: «Впервые в 1924 году как вид информационных документов появились т. н. внутренние сводки, основной функцией которых являлось донесение сведений об обстановке, складывающейся в советском государстве как до руководства ОГПУ, так и на местах “для более правильной ориентировки ГО ОП в их повседневной работе”». Для данного вида материалов характерно использование впервые т. н. оперативного языка, что дает основание считать документы подобного рода первыми шагами в применении оперативно-аналитического подхода при подготовке информационных документов» [1, с. 54–58].

Отметим, что анализ технологии создания, а также типологизация и классификация информационно-аналитических документов в органах государственного управления являются актуальными задачами и сегодня. Аналитические документы должны формировать информационный базис, необходимый для разработки и принятия управленческих решений. Последние находят отражение в организационно-правовых, плановых и распорядительных документах. Как правило, именно в этой документации сосредоточивается основной объем сведений о фактическом положении дел, имеющихся проблемах, тенденциях в системе управления органа власти [2]. Особенность этих документов состоит в том, что они не содержат обязательных для исполнения поручений, не обязывают действовать строго определенным образом, а только предоставляют сведения, на основании которых могут приниматься управленческие решения, разрабатываться организационно-правовые докумен-

ты. Соответственно для таких документов характерна направленность «снизу вверх» (от сотрудников к руководителям, от подразделения к организации, от организации к вышестоящей структуре) [3, с. 24].

Информационные сводки ОГПУ составлялись в территориальных подразделениях специалистами по информационной работе (информационными уполномоченными), визировались руководителями соответствующих органов и рассылались строго определенным адресатам под грифом «совершенно секретно». В качестве одного из получателей окружных сводок значился обком РКП (б), по этой причине такие сводки по Свердловской области находятся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), в фонде Свердловского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза (Ф. 4). Нами проанализированы информационные сводки за 1924 г. областного отдела ОГПУ, а также послужившие для них источником сводки 14 округов: Верхне-Камского, Златоустовского, Ирбитского, Ишимского, Курганского, Кунгурского, Нижне-Тагильского, Пермского, Сарапульского, Тобольского, Троицкого, Тюменского, Челябинского и Шадринского. Эти материалы объединены в 16 ед. хр. общим объемом 3550 л. Долгое время они находились в ограниченном доступе, а в настоящее время относятся к категории особо ценных документов архивного фонда, что предопределило хорошую сохранность материальных носителей.

Эти документы традиционно привлекают внимание исследователей. Например, британский историк Сара Дэвис (Университет Дарема) изучала общественное мнение на аналогичных документах Ленинградской области более позднего периода [4]. В работе И.В. Нарского при описании повседневной жизни населения Урала в 1917–1922 гг. также активно использовались информационные сводки [5]. В монографии Е.А. Осокиной прямая речь граждан, извлеченная из информационных сводок, противопоставляется пропагандистским клише при освещении проблем снабжения в годы индустриализации [6].

Эти документы стали основой фундаментального сборника документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939» в 4 т. [7]. Во введении к первому тому авторы-составители пишут: «По своим внешним признакам сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД вполне ведомственный материал, предназначенный для информации узкого круга лиц высшего государственного руководства. Об этом свидетельствует их “тираж” — от 5–7 до 30–40 экземпляров, а также очень быстро установившийся режим их полной секретности. Однако, по существу, это единственный в своем роде источник, который предназначен для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, его настроений и движений, прежде всего политических, но с существенным и нарастающим пополнением информацией их экономической и культурной жизни. В ко-

нечном счете оказалось, что информационный материал спецслужб был призван воссоздать наиболее полную картину как положения в стране в целом, так и в территориальном, и во временном отношении» [7, с. 8–9]. Итоги публикации этого фундаментального сборника документов были обобщены в работе В.В. Кондрашина [8].

При изучении информационных сводок возникают аналогии как с дневниковыми записями (периодичность), так и с хрониками или летописями, в которых в хронологической последовательности отражаются наиболее существенные, с точки зрения авторов, события. Однако если в далеком прошлом авторами летописей были монахи, то в раннесоветском обществе – представители правоохранительных органов, взявшие на себя функцию блюстителей «чистоты веры».

Мы не располагаем детальной информацией об авторах информационных сводок. Изучение биографии сотрудников ОГПУ требует обращения к их личным делам, доступ к которым ограничен¹. Однако анализ текстов документов дает косвенное представление об их авторах. Несмотря на то, что мы имеем дело с делопроизводственной документацией, текст которой составлен на основе определенного шаблона, сводки содержат значительные фрагменты, которые написаны в произвольной форме и отражают индивидуальные черты их составителей. Повествовательное изложение материала позволяет выделить особый стиль автора, оценить уровень его образования, темы, которые в наибольшей степени вызвали его интерес и которые он считал важными для вышестоящих органов. Очевидно, что в различных округах у авторов были свои «любимые» темы, которым они уделяли больше внимания. Это могло объясняться степенью осведомленности или уровнем подготовки автора, возможно, личными пристрастиями. Так, в одном из округов подробно освещалось участие женщин в перевыборах в Советы, в других – детально рассматривались проблемы школьного образования. Говоря о «собирательном портрете» авторов сводок, можно констатировать, что это были мужчины – с начальным или средним образованием (со значительной градацией по качеству подготовки), идеологически выдержанные, с явным осознанием важности порученного им дела, чувством собственной исключительности, основанным на большей осведомленности. Очевидно, они осознавали статусность своего положения и имели карьерные амбиции. Воссоздавая социальный портрет работников «орга-

нов», Н.В. Петров отмечает чувство исключительности, которое было им присуще, дает характеристику образовательного уровня сотрудников госбезопасности на материалах 1930–1940-х гг. [9, с. 303–325].

Несомненно, авторы сводок понимали, что выступают в роли медиаторов, посредников, которые транслировали настроения широких масс в вышестоящие органы власти, причем самым непосредственным образом. При этом был выявлен лишь один пример, когда авторы сводки выступили с конкретной просьбой к вышестоящему начальству: «Мы, со своей стороны, также просили Вас принять зависящие от Вас меры к недопущению остановки завода»². Как правило, в аналитических документах не содержались прямые рекомендации и просьбы. Разумеется, в сводках присутствуют оценочные суждения. Когда автор сводки был солидарен с чьими-либо мнением, например с рабочими, требовавшими выдачи спецодежды в соответствии с условиями коллективного трудового договора, то использовалась безличная форма – «рабочие говорят», «есть мнение». Напротив, все острые выпады против советской власти персонифицировались, указывались фамилия, имя и отчество говорившего, порой давалась ссылка на источник информации.

Информационные сводки являлись неотъемлемой частью организационной работы ОГПУ и выполняли несколько функций. С одной стороны, это была информация о состоянии «обслуживаемой», «подотчетной» территории, о наличии или отсутствии проблемных зон, о степени лояльности населения. С другой стороны, сводки рассматривались как отчетные документы и должны были свидетельствовать об эффективности работы органов ОГПУ на местах, о достаточном поле деятельности для политического сыска. В сводках полагалось демонстрировать широкую осведомленность о ситуации в округе, показывать потенциальные угрозы режиму и соответственно обосновывать необходимость своего существования, а также предлагать меры нейтрализации назревавших конфликтов, минимизации рисков, что в свою очередь подчеркивало значимость органов ОГПУ. В связи с этим при изложении ряда сюжетов ситуация могла намеренно искажаться, а острота конфликта преуменьшаться или преувеличиваться.

Информационные сводки по своему происхождению являются компилятивными и производными документами, так как они формируются на основе данных, полученных с мест. В публикациях говорится об их «пирамидальной» структуре [7, с. 9]. Районные уполномоченные направляли сводки в округ, где на их основе составлялась сводка по округу. Соответственно, сводка по Уральской области являлась компиляцией сводок округов. Пропуская сквозь такое «сито», ряд фактов отсеивали, поэтому сводка вышестоящего

¹ Новые возможности открываются в связи с созданием такого ресурса, как «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939 гг.». URL: http://nkvd.memo.ru/index.php?title=НКВД:Главная_страница (дата обращения: 25.01.2017). Проблемой является несовпадение хронологических рамок этой базы данных и нашего исследования. Проследить биографии сотрудников удастся лишь в тех случаях, если они продолжали нести свою службу достаточно долго и в одном регионе. В сводках порой отсутствуют инициалы авторов-составителей.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Государственные информационные сводки Троицкого окружного отдела Госполитуправления Уральской области (15.01.1924–24.12.1924). Л. 72.

уровня носила более обобщенный характер. Однако с примерами искажения фактов мы не сталкивались. Отметим, что источником собственных и альтернативных сведений являлись штатные и внештатные осведомители ОГПУ, которые упоминаются в сводках под оперативными псевдонимами – «Язва», «Звезда», «Метла», «Рудных», «Ярый», «Гребень»³.

Поскольку тексты сводок набирались при помощи печатной машинки, то «соавторами» этих документов можно считать секретарей-машинисток. Имея различный уровень образования, в различной степени владея техникой машинописи, они могли исправить недостатки рукописного чернового варианта, а могли дополнить текст собственными опечатками, порой искажая содержание документа (особенно это заметно в отношении имен собственных, представленных в различных вариациях в одном и том же материале). Текст документа обычно содержит рукописные правки, что говорит о редактировании и корректировке окончательной редакции, после чего сводка рассылалась адресатам. В качестве примера приведем список рассылки информационной сводки по Троицкому округу: «Инфо ПП ОГПУ г. Екатеринбург; Уралобком РКП т. Харитонову; Окружком РКП Троицк т. Моисееву; Окрисполком г. Троицк т. Каширину; Окружные отделы ОГПУ г. Челябинск, г. Златоуст и г. Курган; Городское ОГПУ г. Кустанай, старшему помощнику областного прокурора г. Троицк; подлинник в наряде Инфо»⁴.

Сводки рассылались как вышестоящим, так и сопредельным окружным отделам. Таким образом, уполномоченные информационных отделов ОГПУ имели возможность знакомиться с докладами друг друга. Встречаются обороты речи, которые могли быть широко распространены и являться атрибутом времени, а могли заимствоваться автором одного отчета у другого, например, выражение «точка замерзания». Высока вероятность того, что существовал общий опросник, который брали за основу при составлении отчетов. Структура сводок постоянно корректировалась. Так, в сводках есть упоминание директив, которые предписывали сбор информации по конкретной тематике, например, оценить уровень развития частного капитала.

Информационные сводки являются массовым историческим источником и представляют собой весьма существенный информационный массив, так как на уровне округа сводка составлялась один раз в две недели. Если представить себе жизнь провинциального города или района в тот период, то событий, заслуживающих внимания областного начальства, происходило не так много. Но регулярность отчетов никто не отменял, а их объем от 8 до 20 стр. вынуждал рассматривать широкий круг вопросов, порой не имевших прямого отношения к деятельности ОГПУ. Диапазон был предельно широк – от оценок торго-

го договора с Англией до проблем онанизма в детских домах. Разумеется, если исходить из установки, что ОГПУ касалось всё, то содержание сводок в полной мере соответствовало поставленной задаче. Отметим широкое, практически ничем не ограниченное толкование термина «политика».

Типовой характер документа подчеркивается универсальной структурой, которая была выстроена по тематическому, предметно-тематическому и объектному принципам. Эта структура не вполне логична и не позволяет избежать дублирования тем. Условно отчет можно подразделить на тематические блоки, связанные с направлениями деятельности (промышленность, сельское хозяйство, кооперация, торговля, партийное строительство, преступность и т.п.); информацию об отдельных мероприятиях (хлебозаготовки, сбор сельхозналога, призыв на военную службу, торжества по поводу революционных праздников или траурные мероприятия в связи со смертью В.И. Ленина); сообщения об отдельных организациях (заводы и фабрики, размещенные на территории округа, Промкомбинат, Потребсоюз, Центральный рабочий кооператив, ярмарки и т.п.). Как уже отмечалось, при наличии шаблонной структуры степень детализации была разной – в зависимости от того, какой исходный документ, поступивший в окружной отдел, принимался за основу. Так, в отчете могла детально описываться ситуация в одном районе, а в следующей сводке – в другом районе. Зачастую это было связано со сроками доставки корреспонденции (до районного центра письмо могло идти две недели). Отчеты не лишены повторов, шаблонных фраз и выражений, иногда прослеживается стремление авторов «нагнать объем», растянуть изложение, насытив его малозначительными фактами. Отчеты также различаются по глубине анализа отдельных проблем, стилю, грамотности и логике в изложении материала.

Наибольший интерес представляют рубрики отчета, посвященные отдельным социальным группам. При этом отчетливо прослеживается классовый подход: все социальные группы делятся на три группы в зависимости от их отношения к советской власти: «за», «против» и «нейтральные». Категория «врагов» определена наиболее конкретно, подчеркивается роль ОГПУ по их нейтрализации. Среди противников советской власти указаны «бывшие» (белые офицеры, священники, участники контрреволюционных банд), «новые враги» (нэпачи, торгаши, барышники, кулаки, спецы) и «традиционные» (уголовные элементы, кнокрады, жулики, воры). Особое внимание уделяется политическим, а не чисто криминальным сюжетам, которые отдавались на откуп милиции.

В отношении сторонников советской власти все не так просто, поскольку их круг чрезвычайно узок. Это можно объяснить как реальным положением вещей в глубокой провинции, так и характером документа, выходящим из-под пера сотрудников правоохранительных органов, которые настраивали свою

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 187–198.

⁴ Там же. Л. 48 об.

«оптику» на врагов. В любом случае статистические данные, приводимые в сводках, свидетельствуют о чрезвычайно узкой прослойке сторонников советской власти. К ним относились: члены РКП (б) и РЛКСМ, отчасти деревенская беднота, военные, а также уволенные в запас красноармейцы, пролетарские элементы города и деревни, сотрудники милиции, разумеется, сами сотрудники ОГПУ, хотя последние в сводках не упоминаются.

Слой «сомневающих», «лояльных, но с некоторыми оговорками», составляет абсолютное большинство. Здесь и значительная часть рабочих и крестьян, интеллигенция (в том числе советские служащие), безработные, призывники, члены кооперативов.

Патерналистские, а порой иждивенческие тенденции среди населения доминируют. В качестве основного тренда можно назвать желание дистанцироваться от мероприятий властей, жить своей частной жизнью, стремление к стабильности и материальному благополучию (насколько это было возможно, учитывая низкий уровень потребления граждан, дефицит ресурсов и необходимость оставаться в правовом поле). Таким образом, опорой советского строя являлось наиболее политически активное меньшинство и пассивное молчаливое большинство, которое формулировало свои интересы исключительно в сфере материального потребления.

Лояльность к советской власти, по оценке сотрудников ОГПУ, была обусловлена не столько идеологическими предпочтениями, сколько конкретными материальными благами, которые граждане получали благодаря (или вопреки) деятельности властей. Сама категория «лояльность» весьма расплывчата и вполне сочетается с не менее широкой категорией – «революционная законность». И в том и в другом случае за основу бралась не буква закона, а революционный дух, нечто неуловимое для юристов, но вполне осязаемое для идеологически подкованных товарищей. Настроение социальных групп рассматривалось относительно трех институтов, трех столпов системы, ее «троицы»: советской власти, РКП (б) и Красной Армии, т.е. оценивалось отношение к мероприятиям советской власти, идеологии и обороноспособности страны. Это отражено в шаблонной формулировке: «Настроение служащих [рабочих, крестьян, призывников и т.п.] и отношение к Советской власти и РКП (б) и Красной Армии в общем хорошее»⁵.

Таким образом, информационный потенциал сводок ОГПУ позволяет рассмотреть основные тенденции развития раннесоветского общества: секуляризацию, социальную мобилизацию, демократизацию (советизацию), технологический прогресс (с акцентом на идею восстановления хозяйства до довоенного уровня), урбанизацию, развитие системы образования.

Парадокс ситуации заключался в том, что носители передовых идеологических установок, лидеры политических процессов были аутсайдерами в образовательной сфере, а их профессиональные компетенции не соответствовали уровню поставленных задач. Например, можно проследить закономерность – чем выше накал критики в отношении «старого» учительства, тем ниже уровень грамотности автора сводок. Дефицит интеллектуального и управленческого потенциала компенсировался за счет услуг «попутчиков», «бывших», лояльность к власти которых не была очевидна и которые в конечном итоге становились объектом «борьбы». Декларируемые цели пытались достичь в максимально короткие сроки традиционными, порой архаичными способами, используя методы прямого администрирования и насилия. Методы насаждения социалистической идеи порождали массу конфликтов, а порой и трагедий, что объективно препятствовало реализации различных направлений модернизации. Формировалась весьма причудливая траектория построения «советского социализма», а прогресс осуществлялся не благодаря, а вопреки идеологическим установкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мидиненко А.В. К вопросу о деятельности информационно-аналитической службы органов государственной безопасности советской России по сбору информационных материалов о ситуации в стране в годы нэпа // Известия Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского. 2008. № 6(10). С. 54–58.
2. Килин А.П., Колобова Д.В., Чистякова О.В. Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 154 с.
3. Гайдамакин Н.А. Служебные и аналитические документы: язык, логика, структура, оформление, движение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та экономики, управления и права, 2008. 421 с.
4. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / пер. с англ. В.Н. Морозова. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.
5. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001. 632 с.
6. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008. 251 с.
7. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.
8. Кондрашин В.В. К итогам российско-французского проекта «Российская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» // Вестн. Пенз. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 26–31.
9. Петров Н.В. Свои люди в органах государственной безопасности // Режимные люди в СССР / отв. ред. Кондратьева Т.С., Соколов А.К. М.: РОСПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 367 с.

REFERENCES

1. Midinenko A.V. On a problem of activities of information-analytical services of the state security agencies of the Soviet Russia to gather information materials about the state situation during the New Economic Policy. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2008, no. 6, pp. 54–58. (In Russ.)

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Государственные информационные сводки Уральского областного отдела ОГПУ (05.12.1923–31.12.1923). Л. 133.

2. Kilin A.P., Kolobova D.V., Chistjakova O.V. Information-analytical activities in state bodies of the Russian Federation subjects: [guidance]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2014, 154 p. (In Russ.)
3. Gaidamakin N.A. Official and analytical documents: language, logic, structure, design, movement. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava, 2008, 421 p. (In Russ.)
4. Davies S. Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent. 1934–1941. Transl. by V.N. Morozov. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2011, 231 p. (In Russ.)
5. Narsky I.V. *Life in a disaster. Everyday life of the Urals' population in 1917–1922*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 632 p. (In Russ.)
6. Osokina E.A. Behind the facade of «Stalin's abundance»: distribution and market in the population supply during industrialization. 1927–1941. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2008, 251 p. (In Russ.)
7. The Soviet countryside through the eyes of VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols. Ed. A. Berelovich, V. Danilova. Moscow: ROSSPEN, 2000, vol. 1: 1918–1922, 864 p. (In Russ.)
8. Kondrashin V.V. To the results of Russian-French project «Russian village through the eyes of VCHK–OGPU–NKVD». *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, no. 3, pp. 26–31. (In Russ.)
9. Petrov N.V. Akin people in the state security bodies. Regime people in the USSR. Ed. T.S. Kondrat'eva, A.K. Sokolov. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2009, 367 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170111
УДК 94(470.5) "1930/1940"

М.В. МИХЕЕВ

УРАЛ В СИСТЕМЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ПЕРИОД СТАЛИНИЗМА (1930 – 1940-е гг.)

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

В статье анализируется проблема конкуренции Урала с другими экономическими районами СССР за приоритеты развития. Подробно рассмотрены противоречия между индустриальным Уралом и украинским Донбассом, принимавшие разные формы на протяжении 1930-х – 1940-х гг. Описано довоенное противодействие руководства Украины строительству Урало-Кузнецкого комбината из-за опасений потери капиталовложений в собственную промышленность. Выявлены предпринятые в конце 1943 г. факты ответных попыток сторонников развития индустрии на востоке препятствовать восстановлению промышленности освобожденной Украины с целью дальнейшего развития Урало-Кузбасса за счет интересов УССР. Выдвинута гипотеза о конкуренции перспективных схем развития промышленности Урала и производственного потенциала г. Ленинграда и всего Северо-Западного экономического района во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: промышленность, индустриализация, конкуренция, Донбасс, Урало-Кузбасс, Северо-Запад, Урало-Печорский проект, Госплан, «восточный сдвиг», сталинизм.

M.V. MIKHEEV

THE URAL IN A SYSTEM OF INTERREGIONAL COMPETITION IN THE STALINIST PERIOD (THE 1930s – 1940s)

Institute of History and Archaeology UB RAS,
16, Kovalevskoj str., Yekaterinburg, 620990, Russia

During the Stalin's period, there were the facts of inter-regional competition in the USSR. The first such cases were dating back to the 1920s and concerned with the attempts to overcome the uneven territorial economic development of the USSR, which was due to the concentration of the major part of the country's productive forces in the South economic region (the Ukraine's Donbass). The Soviet government made an attempt to soften these disparities by developing the industry of the Urals (the Ural-Kuzbass project). The Ural-Kuzbass project faced strong criticism from the representatives of the Ukraine who were not ready to abandon the investments into their own industry for the benefit of the Urals and West Siberia. In 1930, in spite of the Ukraine's resistance, the central authorities under personal influence of Stalin approved the construction of the Ural-Kuzbass project.

The new phase of the competition between the South and the Urals started during the Great Patriotic War. During the warfare and occupation, the Donbass' industry was demolished, while the Ural-Kuzbass had become a strategic base of the Soviet military industry, and that led to a substantial increase of its enterprises' role in the structure of the country's economy. Supporters of the further development of the eastern territories of the USSR (including the Urals) attempted to take an advantage of that situation. There were proposals to restrict the scales of resurrection of the Ukrainian industry and to concentrate resources in favor of the further development of the industry of the Urals and the whole Soviet East. Those ideas did not find support in the central government, and after the war, the industry of the Ukraine was restored in full-scale.

After the war, rivalry between the Urals and the Soviet western territories (primarily the Ukraine) continued in the form of contest for keeping the earlier evacuated skilled manpower and scientific & design organizations on their new spots, for capital resources and care of the central ministries and departments. There are also the reasons to claim that there was a competition between the Urals and the USSR's North-West (Leningrad). The obvious instance was the debates around the realization of the Ural-Pechora project.

Key words: industry, industrialization, competition, Donbass, the Ural-Kuzbass, North-West, Ural-Pechora project, the State Planning Committee, "Eastern shift", Stalinism.

Михаил Викторович Михеев – научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, e-mail: mikheev666@yandex.ru.
Mikhail V. Mikheev – researcher, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (IHA UB RAS).

В отечественной историографии последнего времени происходит пересмотр традиционных представлений о сталинской модели государственного управления экономикой второй четверти XX в. Устоявшееся мнение склонно характеризовать ее как авторитарную и жестко централизованную систему руководства, основанную на «страхе перед режимом» и замкнутую на личность главы государства – И.В. Сталина, наделенного абсолютной диктаторской властью. Тем не менее существуют и альтернативные гипотезы на этот счет.

Большинство из них в той или иной степени концентрируют свое внимание на проблеме взаимоотношений министерств и ведомств в Советском Союзе. Так, в работах А.Ю. Ермолова [1; 2; 3] на примере военной промышленности убедительно показаны особенности функционирования советского государственного аппарата 1940-х – 1950-х гг. в рамках так называемого явления ведомственности. Под «ведомственностью» автор понимает «самостоятельные действия руководителей ведомств, направленные на защиту интересов порученных им организаций» [2, с. 391]. В пользу выводов А.Ю. Ермолова свидетельствуют и результаты исследований межведомственных противоречий (на примере авиационной промышленности), выполненных М.Ю. Мухиным [4]. Более того, исключительное значение межведомственной конфронтации в СССР 1930-х – 1950-х гг. отмечалось зарубежными «ревизионистскими» историками еще в 1980-е гг. (см., например, [5; 6]).

Вместе с тем из признания факта межведомственной борьбы в сталинском Советском Союзе органично вытекает вопрос о возможности и даже закономерности межрегиональных противоречий в СССР того времени. По нашему мнению, сам вопрос о возможности масштабных межтерриториальных экономических противоречий между советскими регионами в 1930-х – 1950-х гг. остается не изученным в историографии,

хотя источники указанного периода содержат немало информации такого рода.

О фактах ранних противоречий между советскими регионами можно с уверенностью судить исходя из событий середины 1920-х гг. Они были вызваны проблемой неравномерного территориального развития Советского Союза, когда большая часть производительных сил страны была сосредоточена в районах Центра и Юга (см. таблицу).

Из приведенных данных видно, что к 1925 г. только в черной металлургии от 76 до 79 % произведенной продукции выпускалось в западной части СССР; там же добывалось от 77 до 79 % угля¹; в районах Юга, Центра и Северо-Запада производилось 82 % металлоизделий². Для многих советских руководителей такое положение вещей выглядело недопустимым как по экономическим, так и по геостратегическим соображениям. С одной стороны, концентрация производств на западных территориях СССР препятствовала сбалансированному развитию экономики страны, тормозила широкомасштабную эксплуатацию гигантских природных ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока, а с другой – расположение большей части производительных сил вблизи западных советских границ делало СССР уязвимым перед внешней агрессией.

Решение названных проблем предложили прежде всего представители советской экономико-географической школы. В работах Г.М. Кржижановского, Н.Н. Колосовского, П.Г. Журида, Н.Н. Баранского последовательно отстаивалась идея строительства экономического организма страны в виде серии эшелонированных с запада на восток самодовлеющих «промышленных комбинатов», основанных на сочетании взаимосвязанных производств полного промышленного цикла. Развитие таких экономических районов осуществлялось не только по взаимодополняющему, но и по взаимозаменяющему принципу (см., например, [7; 8, с. 171–172]). С экономической точки зрения это

Производство основных видов продукции черной металлургии по экономическим районам СССР в 1923/24 г.

Вид продукции	Единица измерения	Экономический район			Всего
		Юг	Центр	Урал	
Чугун	млн пуд.	211,81	14,27	70,65	296,73
	%	71	5	24	100
Сталь	млн пуд.	189,99	54,66	74,38	319,03
	%	60	17	23	100
Прокат	млн пуд.	158,70	44,17	53,12	255,99
	%	62	17	21	100

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 1923–24 год (IV статистико-экономический ежегодник). М., 1924. С. 334.

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 1923/24 год (IV статистико-экономический ежегодник). М., 1924. С. 313.

² Рассчитано по: Там же. С. 339.

объяснялось необходимостью приблизить промышленные мощности к сырьевым месторождениям, снизить протяженность грузовых перевозок внутри страны и обеспечить всестороннее экономическое развитие в периферийных областях.

Первый шаг в этом направлении подразумевал строительство на востоке страны второй (после Донбасса, на Юге) угольно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого комбината, что предусматривало перевод уральских промышленных предприятий с древесного угля на каменный, а также соединение каменноугольных копий Кузбасса с индустрией Урала благодаря организации магистрального сообщения между регионами (см., например, [9]). Две равноценные угольно-металлургические базы на Украине и Урале должны были снабжать металлургической продукцией западные и восточные районы страны, соответственно. Зоны ответственности обеих баз следовало разграничить «демаркационной линией», расставшей страну от западного берега Ладожского озера до северного берега Каспия, между устьями рек Урал и Эмба [10, с. 67].

Столь смелый и оригинальный проект не мог не навлечь на себя критику со стороны представителей металлургии Юга. Это было неизбежно хотя бы потому, что масштабное строительство на востоке требовало значительных материальных вложений, получить которые было возможно только в ущерб инвестициям в промышленность западных районов, в первую очередь Донбасса. Урало-кузнецкий проект неминуемо должен был отвлечь с Юга значительное количество высококвалифицированных инженерно-технических кадров, вынудить проектные и научные организации заниматься проблемами строительства на востоке (вместо того чтобы уделить это время Югу), отвлечь на себя (опять-таки от заводов Юга) внимание руководства профильных наркоматов и центрального правительства.

Ряд работников Госплана, ВСНХ и местных плановых организаций Украины выступили против урало-кузнецкого проекта. В их числе были такие известные экономисты и политики, как Г.Л. Пятаков, А.М. Гинзбург, С.В. Бернштейн-Коган, Я.Б. Диманштейн. В 1927 г. в «Трудах комиссии по металлу при Госплане УССР» профессор Я.Б. Диманштейн утверждал: «...[Н]е только Урало-Кузнецкий проект..., но и всякая концепция создания на Урале металлургии, работающей на сибирском топливе, представляется бесконечно вредной, как непроизводительная растрата национального капитала...» (цит. по: [11, с. 158]).

Для высшего советского руководства такая позиция была вполне ожидаемой и требовала жесткой корректировки. И.В. Сталин в своем письме В.М. Молотову от 12 июля 1925 г. весьма недвусмысленно заключал: «...[Х]озорганы СССР наметили уже программу строительства новых заводов. Боюсь, что начнут строить в приграничных районах без учета ряда неблагоприятных в этом отношении фактов, и потом, если прозевать этот момент, невозможно бу-

дет исправить допущенные ошибки. Хотят, например, строить новые фабрики в Питере и Ростове, что нецелесообразно. Я думаю, что при выборе строительной программы следовало бы учесть... *географическо-стратегическое положение новых заводов* (курсив мой. – М. М.). Наш основной тыл Урал, Поволжье... именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развивать промышленное строительство. Будет конечно давление с мест, но его надо преодолеть. Этот вопрос до того важен для нас, что следовало бы поставить его на Пленуме ЦК для преодоления *давления с мест* (курсив мой. – М. М.)» [12, с. 32–33].

Урало-кузнецкий проект идеально учитывал «географическо-стратегическое положение новых заводов» в сталинском понимании. Предусматривая размещение экономики СССР по принципу автономных «промышленных комбинатов», он, с геополитической точки зрения, значительно повышал обороноспособность страны. Это означало, что если во время войны тот или иной промышленный район первой базы будет разрушен или оккупирован, его стратегические функции могут быть переложены на какой-либо тыловой район второй базы со сходной структурой экономики. Это был сильный довод для советской власти, находившейся в условиях «осажденной крепости» и вынужденной ориентировать свою экономическую политику на превращение СССР в независимый от внешних влияний, самодостаточный субъект мировой экономики.

В 1930 г. правительство сделало окончательный выбор в пользу строительства Урало-Кузнецкого комбината. Следуя установкам И.В. Сталина, принятое ЦК ВКП(б) постановление «О работе Уралмета» гласило: «Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. <...> Запасы уральских железных руд, превышающие 1 млрд. т, сочетание их с сибирскими и кизеловскими углями и лесными массивами, благоприятное географическое положение создают все необходимые предпосылки для развития на Урале технически передового, крупного комбинированного хозяйства, для превращения Урала в новый крупный металлургический центр» [13, с. 398]. Летом 1930 г. это решение было одобрено XVI съездом ВКП(б), подтвердившим необходимость «создания в ближайший период новой мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината» (цит. по: [14, с. 194]). Началась активная работа по сдвигу индустрии страны на восток. «Давление с мест» было преодолено.

Урало-Кузнецкий комбинат был создан, и это положило начало заметному развитию советских восточных территорий. К 1940 г. удельный вес Вос-

тока СССР по добыче угля вырос до 36 %, стали – до 32 %, чугуна – до 29 % и проката – до 32 %³. Следует учесть, что названный рост происходил на фоне развития производства в старых, западных промышленных районах.

В тяжелейших условиях 1941–1945 гг., после гитлеровской оккупации Украины, роль восточных территорий, особенно Урала, в общесоюзной экономике необыкновенно возросла. Урал стал главным поставщиком металлургической продукции в СССР. В 1942–1944 гг. на его долю приходилось от 83 до 93 % всей добываемой в стране руды. Уральская черная металлургия за годы войны увеличила выпуск чугуна на 58 %, стали – на 56 %, проката – на 57 %, стальных труб – на 430 %. Доля названных видов продукции в общесоюзном производстве к 1945 г. составила соответственно 58,1 %, 53 %, 51,6 %, 65,1 %. На Урале было сконцентрировано от 85 до 100 % всех металлургических агрегатов, введенных в строй на востоке СССР за годы войны [15, с. 161]. Урал оказался монополистом в производстве алюминия, никеля, кобальта, поставлял значительную долю электролитического цинка, кадмия, марганца и хрома.

Возникло стремление закрепить этот вызванный экстремальными условиями войны «восточный сдвиг», превратить его в долговременную тенденцию. Аргументы сторонников дальнейшего развития индустрии на Урале оказались направлены против восстановления металлургии Юга в довоенном виде. В 1943 г., после коренного перелома в Великой Отечественной войне, перед советскими экономистами встала проблема восстановления территорий, освобожденных от оккупации. Наиболее остро она стояла в отношении Донбасса (первой угольно-металлургической базы СССР). В Архиве Российской академии наук содержится любопытная стенограмма заседания Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны (Комиссия Комарова) от 28 октября 1943 г. На заседании обсуждались проблемы восстановления Донбасса. Причем большинство участников заседания были обеспокоены перспективой активного восстановления индустрии Украины как фактора, способного отвлечь крупные капитальные вложения от промышленности восточных территорий.

Участник заседания А.И. Ноткин прямо заявлял, что в вопросе Украины следует «не идти слепо за стихией восстановления», но дать «рациональную схему этого восстановления». Он пытался обосновать свою позицию: «Речь идет не о восстановлении предприятий, а продукции. Страна давала такую-то продукцию и она будет давать такую же продукцию через некоторый период после окончания войны»⁴. А.И. Ноткин предостерегал: «Потребуется огромное количе-

ство стройматериалов, рабсилы и новых капиталовложений для того, чтобы восстановить Донецкую промышленность. Вопрос заключается в том, чтобы найти рациональную схему размещения вложений между Востоком и Югом. ...Восток не может быть брошен»⁵. Куда более резко высказался один из разработчиков урало-кузнецкого проекта Н.Н. Колосовский: «Мне кажется, что довоенный Донбасс отнюдь не представляет собой образец экономических и технических достижений, что внутренняя структура Донбасса являла картину огромной растраты труда народно-хозяйственного в различных отраслях, благодаря некомпетентности этого хозяйства»⁶.

Совещание поставило под сомнение саму необходимость восстановления несырьевых отраслей промышленности на Юге: «А, если до войны Юг завозил те машины, которые могут быть произведены на Урале и Западной Сибири и которые могут обеспечить тот объем хозяйства который мы намечаем [...], то какой смысл затрачивать на развитие машиностроения Юга те средства, которые могли бы пойти на восстановление сырьевых отраслей [?]»⁷. Другие участники совещания предпочли прибегнуть к более осторожным выражениям, но общее мнение сводилось к тому, что целесообразность восстановления индустрии разрушенного оккупантами Донбасса в довоенном масштабе и в прежних пропорциях сомнительна, в то время как различные отрасли индустрии на востоке уже получили мощное развитие, и «[я]сное дело, что мы должны развернуть все эти отрасли и забрасывать их нельзя»⁸.

Участники совещания едва ли выражали мнение советского правительства относительно послевоенной судьбы Донбасса. Совершенно очевидно, что их выступления явно шли вразрез с позицией правительства УССР по этому вопросу. Тем не менее приведенные материалы совещания Комиссии Комарова свидетельствуют о начале нового витка серьезной конкуренции между промышленными районами Донбасса и Востока (в первую очередь, Урало-Кузбасса), о конфликте двух регионов за ресурсы, капиталовложения, внимание правительства.

На местах конкуренция Урала и Юга проявилась в первую очередь в стремлении уральских руководителей препятствовать оттоку (в основном в рамках реэвакуации) рабочей силы на Донбасс. Так, в 1947 г. главный инженер Челябэнерго С.П. Турусинов отмечал, что на Юге в 3 раза, а в Центре в 2 раза больше специалистов, чем на Урале. Решение проблемы Турусинов видел в прекращении реэвакуации ценных специалистов: «[П]ускай они едут по вольному найму, не следует давать им подъемные»⁹. Уральское руководство также находило чрезмерным отток на Донбасс специ-

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 15 об.

⁸ Там же. Л. 16 об.

⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп. 41. Д.144. Л. 158.

³ Рассчитано по: Угольная промышленность СССР за 50 лет. Стат. справочник. М., 1968. С. 16, 24, 25, 28–29; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 112–114.

⁴ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 50. Л. 15 об.

алистов в области машиностроительной промышленности и металлургии¹⁰.

Другим поводом для конкуренции Урала с районами Запада стала борьба за внимание научно-проектных организаций, их участие в освоении новых мощностей. Так, главный инженер ТЭЦ Богословского алюминиевого завода Опильский осенью 1946 г. сетовал: «В период Отечественной войны у нас был целый ряд научно-исследовательских организаций, как Оргстрой, ЦКТИ, часть ВТИ, Оргэнерго и другие, которые способствовали освоению новых энергетических мощностей. Абсолютное большинство этих организаций сейчас выехали с Урала, и на Урале в настоящее время мало кто занимается освоением новых мощностей»¹¹.

Острой была конкуренция за ресурсы. На межрегиональное противостояние обращал внимание нарком танковой промышленности В.А. Малышев: «[Первый секретарь Челябинского обкома Н.С.] Патоличев и [второй секретарь Л.С.] Баранов навалились, им удобно в государственный мешок запускать руку. Тракторных запчастей [на] 430 тысяч [рублей] дали сверх плана *Челябинской области*, когда всем другим, освобожденным от немцев дали на 1400 тысяч рублей (курсив мой. — М. М.)» (цит. по: [2, с. 404]).

Межрегиональные противоречия, как свидетельствуют материалы архивов, имелись и между Уралом и Северо-Западом (г. Ленинград). Такая ситуация возникла в ходе попыток осуществления урало-печорского проекта (см. [16]). Выдвигавшийся с 1942 г. проект был инициирован первым секретарем Свердловского обкома В.И. Недосекиным¹² (по настоянию секретаря по черной металлургии А.Б. Аристов) (см. [17, с. 4, 23]) и поддержан представителями Молотовского обкома ВКП(б) (см. [18, с. 322–323, 370]). Его суть сводилась к разделению Урало-Кузнецкого комбината на самостоятельные территориально-промышленные комплексы полного металлургического цикла в Сибири и на Урале. При этом предполагалась переориентация металлургии Урала с западносибирских коксующихся углей на снабжение региона топливом из Печорского угольного бассейна. Для осуществления этого проекта необходимо было построить Урало-Печорскую магистраль, которая соединяла бы Северный и Средний Урал [16, с. 179].

21 октября 1948 г. соображения В.И. Недосекина были рассмотрены заместителем председателя Совмина СССР Г.М. Маленковым¹³. Свое согласие с проектом выразили все отраслевые министры: 20 октября – Министерство лесобумажной промышленности, 26 октября – Министерства металлургии и угольной промышленности восточных районов, 12 ноября – Министерство путей сообщения¹⁴. Однако возражения

против строительства поступили со стороны Госплана. Последний 16 ноября 1948 г. настаивал на сосредоточении усилий на достройке существующей Печорской железной дороги (была построена в декабре 1941 г.) с переоборудованием ее в двухпутную магистраль на всем протяжении для снабжения печорскими углями промышленности районов Севера и Северо-Запада¹⁵. Немедленное строительство Урало-Печорской магистрали, по мнению Госплана, «привело бы лишь к распылению строительных ресурсов и не обеспечило бы ни своевременной достройки Печорской магистрали, ни ввода в действие Урало-Печорской железной дороги»¹⁶.

Протест Госплана против строительства магистрали интересен с учетом того факта, что в представленном в ЦК ВКП(б) и Совмин СССР докладе Госплана СССР «О предварительном проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг.» целый раздел был посвящен «[с]оединению Печорского угольного бассейна с Северным Уралом»¹⁷. Отмечалось, что печорские угли до сих пор употреблялись только на Европейском Севере и Северо-Западе, так как Печорский бассейн был связан пока с этими районами единственной Северо-Печорской железной дорогой. Между тем по ряду экономических, особенно транспортных показателей использование печорских коксующихся углей на Урале имело даже существенное преимущество по сравнению с Северо-Западом. В первую очередь, это выражалось в географической близости Печорского бассейна к Среднему Уралу. Расстояние между ними было примерно в 2 раза меньше, чем от Печоры до Северо-Запада или от Кузбасса до Урала¹⁸.

И все же в 1948 г. Госплан СССР, несмотря на приведенные доводы, выступил против сооружения железной дороги между Печорой и Уралом в пользу модернизации Северо-Печорской дороги, соединявшей Печорский угольный бассейн с Севером и Северо-Западом. Причины, по которым Госплан отдал предпочтение Северо-Западу, были связаны с проблемой функционирования промышленности г. Ленинграда.

Любопытные сведения сообщает на этот счет А.А. Адамеску: «Весной 1948 г. рассматривался важный для послевоенного развития вопрос о выполнении поручений правительства по подготовке программы перестройки ленинградской промышленности. Отмечалось, что до создания собственной топливно-энергетической базы должно быть ограничено развитие промышленности города, в первую очередь несложных – химической и текстильной, чтобы сохранить Ленинград как центр квалифицированного машиностроения, а также приборостроения и судостроения. В связи с этим объем промышленной продукции предусматривалось оставить на довоенном уровне. *Намечалось*

¹⁰ Документы об этом см.: ЦДООСО. Оп. 41. Д.211. Л.16–19; Оп. 43. Д.143. Л. 42–43, Л. 95; Д.144. Л. 174–175.

¹¹ Там же. Оп. 41. Д. 137. Л. 115.

¹² Там же. Д. 218. Л. 50–55.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 134. Д. 425. Л. 108–114.

¹⁴ Там же. Л.115, 116, 117, 118.

¹⁵ Там же. Л. 119–120.

¹⁶ Там же. Л. 120.

¹⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Ф.96. Д.239. Л. 28–35.

¹⁸ Там же. Л. 35.

также подготовить доклад и проект постановления об ускорении строительства Череповецкого металлургического завода для обеспечения металлом ленинградской промышленности (курсив мой. – М.М.)» [19, с. 276–277]. Северо-Печорская магистраль снабжала именно Череповецкий металлургический комбинат. Отказ от строительства Урало-Печорской железной дороги был продиктован именно интересами промышленности г. Ленинграда, желанием Госплана сохранить город «как центр квалифицированного машиностроения». Скорее всего, большую роль в принятии такого решения сыграл тот факт, что в 1948 г. во главе Госплана стоял выходец из Ленинграда – Н.А. Вознесенский, близкий к ленинградской политической группировке (в 1949 г. он был арестован и казнен по так называемому ленинградскому делу) [20, с. 98–112].

В современной историографии определенное освещение уже получили межрегиональные противоречия и споры за приоритеты развития в 1920-х гг. Борьба за территориально-экономические ресурсы между Уралом и Сибирью в период кампании по районированию рассмотрена в работах К.И. Зубкова [21; 22]. Английским историком Дж. Харрисом довольно подробно прослежены перипетии дебатов и конкурентной борьбы между Уралом и Украиной за капиталовложения в период разработки первого пятилетнего плана [23]. Приведенный нами материал позволяет сделать вывод о том, что даже в 1930–1940-е гг., в условиях жесткой сталинской диктатуры, межрегиональная конкуренция сохранялась. Можно с уверенностью говорить о прямой конкуренции двух важнейших промышленных регионов страны – Донбасса и Урала. Более того, для этих регионов можно даже проследить несколько фаз такого противостояния. Довоенное сопротивление представителей промышленности Юга строительству Урало-Кузнецкого комбината сменялось стремлением сторонников урало-кузнецкого проекта поставить под сомнение необходимость полномасштабного восстановления промышленности освобожденной Украины в конце войны, а также послевоенным соперничеством уральских областей с западными районами (особенно Донбассом) за сохранение квалифицированной рабочей силы, ресурсов, научно-проектных организаций, за внимание центральных министерств и ведомств. Во второй половине 1940-х гг. проявилась конкуренция Урала и Северо-Запада (Ленинград).

Между тем природа, характер и формы межрегиональной конкуренции в 1930-х – 1940-х гг. по сравнению с 1920-ми гг. изменились: если в 1920-е гг. наблюдалось прямое соперничество регионов за приоритетное внимание центра на старте политики индустриализации, то в 1930–1940-е гг. конкуренция регионов СССР носила уже более скрытый, но вполне системный характер, будучи отражением издержек и противоречий ведомственных подходов в системе управления экономикой. Необходимо дальнейшее изучение этой проблемы применительно ко всему советскому периоду и в более широком региональном разрезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленности в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетей, 2013. 408 с.
2. Ермолов А.Ю. За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 390–402.
3. Ермолов А.Ю. Из Наркомсредмаша в Наркомтанкпром, из Наркомтанкпрома в Минтрансмаш: опыт реформирования управления отраслью // Танкпром-3: презентация проектов: сб. науч. ст. Нижний Тагил: АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», 2016. С. 22–27.
4. Мухин М.Ю. Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 46–53.
5. Dunmore T. The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53. New York: Macmillan Press, 1980. 180 p.
6. Harrison M. Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 315 p.
7. Колосовский Н.Н. Уральская область и Башкирская АССР. М.: Гос. изд-во, 1929. 62 с.
8. Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР // Избранное. М.: Госполитиздат, 1957. С. 261–305.
9. Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2010. 400 с.
10. Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.; Л.: Госсэкономиздат, 1932. 138 с.
11. Казанский Н.Н. Поборник освоения восточных районов Сибири Николай Николаевич Колосовский // География и природные ресурсы. 2007. № 1. С. 157–164.
12. Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: сб. док. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 4: 1927–1931 гг. 581 с.
14. Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 368 с.
15. Запарий В.В. Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2006. С. 160–195.
16. Михеев М.В. Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО. 2015. № 10. С. 172–183.
17. Аристов А.Б. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 3–32.
18. Труды конференции по изучению производительных сил Молотовской области. 25 ноября – 1 декабря 1945 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. 392 с.
19. Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. М.: Экономика, 1985. Ч. 1. 304 с.
20. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
21. Зубков К.И. Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный – 2016: Материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) (г. Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 213–216.
22. Зубков К.И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): геополитика в региональном интерьере // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2008. № 2. С. 62–65.
23. Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1999. 235 p.

REFERENCES

1. *Ermolov A.Y.* State management of military industry in the 1940s: tank industry. St.-Petersburg: Aleteya, 2013, 408 p. (In Russ.)
2. *Ermolov A.Y.* Behind the facade of centralization: the impact of agencies combating concersion and reconversion in the USSR in the mid-1940s. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2013*. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014, pp. 390–402. (In Russ.)
3. *Ermolov A.Y.* From Narkomsredmash to Narkomtankprom from Narkomtankprom to Mintransmash: the industry experience of management reform. *Tankprom-3: prezentatsiya proektov: sb. nauch. st.* Nizhniy Tagil: Nauchno-proizvodstvennaya korporatsiya Uralvagonzavod, 2016, pp. 22–27. (In Russ.)
4. *Mukhin M.Y.* Financial relations of the Soviet People's Commissariat of the Air Force and the aviation industry of the USSR in 1941–1945. *Rossiyskaya istoriya*. 2015, no. 1, pp. 46–53. (In Russ.)
5. *Dunmore T.* The Stalinist command economy: the Soviet state apparatus and economic policy 1945–53. N.Y.: Macmillan Press, 1980, 180 p.
6. *Harrison M.* Soviet planning in peace and war, 1938–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 315 p.
7. *Kolosovskii N.N.* Ural region and the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo, 1929, 62 p. (In Russ.)
8. *Krzyzanowski G.M.* The five-year plan for national economic construction in the USSR. *Izbrannoe*. Moscow: Gospolitizdat, 1957, pp. 261–305. (In Russ.)
9. Ural-Kuzbass: from concept to realization: articles and documents collection. Ekaterinburg: IliA UrO RAN, 2010, 400 p. (In Russ.)
10. *Kolosovskii N.N.* The future of the Ural-Kuznetsk Combine. Moscow; Leningrad: Gossocehkoomizdat, 1932, 138 p. (In Russ.)
11. *Kazanskii N.N.* A devotee of Siberia eastern regions development Nikolai Nikolaevich Kolosovsky. *Geografiya i prirodnye resursy*. 2007, no. 1, pp. 157–164. (In Russ.)
12. Stalin's letters to V.M. Molotov, 1925–1936: documents collection. Moscow: Rossiya molodaya, 1995, 303 p. (In Russ.)
13. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and central committee plenums. 8th ed. Moscow, 1970, vol. 4, 1927–1931, 581 p. (In Russ.)
14. *Komar I.V.* Urals. Economic and geographic characteristics. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959, 368 p. (In Russ.)
15. *Zaparii V.V.* Urals metallurgy in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Modernizatsionnye protsessy v metallurgii Urala XVII–XXI vv.* Ekaterinburg: IliA UrO RAN, 2006, pp. 160–195. (In Russ.)
16. *Mikheev M.V.* Ural–Pechora: the failed project of the territorial reorganization of the Soviet economy. *EKO*. 2015. no. 10, pp. 172–183. (In Russ.)
17. *Aristov A.B.* Unforgettable. *Urals*. 1981, no. 5, pp. 3–32. (In Russ.)
18. Proceedings of the conference on the studying of productive forces of Molotov region. November 25 – December 1, 1945. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1947, vol. 1, 392 p. (In Russ.)
19. Planning the USSR productive forces placement. Implementation of the CPSU policy at the socialist construction stages. Moscow: Ekonomika, 1985, vol. 1, 304 p. (In Russ.)
20. *Khlevnyuk O.V., Gorlitzkii J.* Cold World: Stalin and the end of Stalin's dictatorship. Moscow: ROSSPEN, 2011, 231 p. (In Russ.)
21. *Zubkov K.I.* Between the Urals and Siberia: Tobolsk North in the focus of interregional rivalry of early 1920s. *Tobolsk nauchnyj – 2016: Materialy XIII vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunarodnym uchastiem) (g. Tobolsk, 10–11 noyabrya 2016 g.)*. Tobolsk: Print-Ehkspress, 2016, pp. 213–216. (In Russ.)
22. *Zubkov K.I.* Territorial disputes in the course of zoning the Urals and Siberia (early 1920s): geopolitics in the regional interior. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. 2008, no. 2, pp. 62–65. (In Russ.)
23. *Harris J.R.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca: Cornell University Press, 1999, 230 p.

Статья принята
редакцией 19.01.2017

DOI: 10.15372/HSS20170112
УДК 94(47)"1982"

В.А. ИЛЬИНЫХ, Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**ЗЕРНОВАЯ ПРОБЛЕМА В СССР В НАЧАЛЕ 1980-х гг.
(ЗАПИСКА Л.И. БРЕЖНЕВА ОТ 28 АВГУСТА 1982 г. ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ
ЗЕРНОВОГО ХОЗЯЙСТВА)***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова,
РФ, 119991, Москва, ул. Б. Пироговская, 2, стр.2

В научный оборот вводятся уникальные документы: Записка Л.И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС от 28 августа 1982 г., посвященная вопросам развития зернового хозяйства, и Постановление ЦК КПСС от 2 сентября 1982 г. по итогам обсуждения Записки. Публикация предваряется вводной статьей, в которой проводится ретроспективный анализ зерновой проблемы в СССР. Ее очередное обострение произошло в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Валовые сборы зерна в эти годы снизились, а его импорт значительно вырос. Это послужило поводом для подготовки Записки Л.И. Брежневым, в которой давалась оценка состояния зернового хозяйства и содержались предложения по выходу отрасли из кризиса. В документе также определялись меры по улучшению ситуации в кормопроизводстве. Реализация мер, предлагаемых в Записке, к решению зерновой проблемы в СССР не привела.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, зерновая проблема, земледелие, Политбюро ЦК ВКП(б), Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев.

V.A. ILYINYKH, N.YU. PIVOVAROV

**THE GRAIN PROBLEM IN THE USSR IN THE EARLY 1980s
(LEONID BREZHNEV MEMORANDUM DATED AUGUST 28, 1982
ON THE AGRICULTURE DEVELOPMENT)**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia
I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
2, bldg. 2, Bolshaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia

In the article two unique documents are introduced in scientific circulation the first time. The first is Memorandum of Leonid Brezhnev for Politburo of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) Central Committee dated August 28, 1982 devoted to the development of grain farming. The second is the Resolution of the CPSU Central Committee dated September 2, 1982 as a result of the discussion of this memorandum. The article describes a retrospective analysis of the grain problem in the Soviet Union, which escalation occurred in the late 1970s – early 1980s. The gross grain harvest decreased these years, but imports increased significantly. This was the reason for preparing the memorandum, which contained an assessment of the state of grain farming and proposals for the industry crisis management.

Brezhnev believed that the main cause of low production were frequent crop failures, because of which USSR was forced to import grain. According to Brezhnev, the scale of using fertilizers, equipment, agriculture technology, adoption of optimal crop rotations, the expansion of crops

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Зерновая проблема в Сибири в XX веке: этапы и методы решения», № 16-01-0067а.

Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru.
Никита Юрьевич Пивоваров – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com.

Vladimir A. Ilyinykh – doctor of historical sciences, head of the Agrarian History sector, Institute of History SB RAS.
Nikita Yu. Pivovarov – candidate of historical sciences, Lecturer of Department of medicine history, national history and culturology, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University.

enriching soils with nitrogen, especially alfalfa, should encourage to increase grain production and reduce imports. He offered to purchase new technology equipment in France to establish seed production of alfalfa.

Actions to improve fodder production were also defined in the document. One of them was increase of soybean crops necessary for obtaining feed with protein content. It was required to organize purchase of soybeans and products of processing abroad before market saturation by means of own production. According to Brezhnev, imports of soybeans and technologies of alfalfa seed production were essential measures to let the country refuse from crops import. Reducing the crop import had to contribute increasing the capacity of feed industry. In conclusion the author emphasizes that the implementation of measures proposed in the memorandum didn't solve the grain problem in the USSR.

Key words: state agricultural policy, rural industry, grain problem, agriculture, Politburo of CPSU(B) Central Committee, Leonid Brezhnev, Mikhail Gorbachev.

Зерновая проблема связана в первую очередь с недостаточным и нестабильным производством зерновых (хлебов), не отвечающим потребностям и возможностям страны. Общероссийские масштабы она начала приобретать в годы Первой мировой войны. В советский период носила перманентный характер. Обострение зерновой проблемы в конце 1920-х гг. стало одной из причин перехода большевистского режима к форсированной коллективизации. Однако замена крестьянского производства хлебопродуктов колхозно-совхозным к ее решению не привела. Очередной пик зерновой проблемы пришелся на начало 1950-х гг. Хлебозаготовки не обеспечивали потребности страны в зерне и фураже [1, с. 205–206].

В 1954 г. началась широкомасштабная целинная кампания, которая должна была создать условия для устойчивого наращивания производства зерновых. С 1954 по 1960 г. в СССР распахали 41,8 млн га целинных земель [1, с. 224–225]. За 1954–1958 гг. валовой сбор зерна в стране увеличился по сравнению с предыдущим пятилетием на 36,3 %¹. Обратной стороной достигнутых успехов являлось практически полное забвение основ агротехники в процессе вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель. В результате произошло снижение их плодородия, сокращение урожайности, ухудшилось качество собираемого зерна. В 1963 г. засуха и агротехнические «новации» привели к катастрофическому неурожаю в целинных районах. Валовой сбор резко снизился. В стране в целом стала ощущаться острая нехватка продовольственного и фуражного зерна. Начался его импорт.

С середины 1960-х гг. зерновая проблема в СССР стала решаться в рамках политики интенсификации сельского хозяйства. Повышение культуры земледелия, развитие материально-технической базы в сочетании с относительно благоприятными погодными условиями способствовали росту производства хлебопродуктов. В 1966–1970 гг. валовой сбор зерна увеличился по сравнению с предыдущим пятилетием на 28,6 %, в 1971–1975 гг. – на 8,4, в 1976–1980 гг. – на 12,9 %². Однако потребление зерна росло быстрее, чем его производство. Постоянно повышающийся спрос на него предъявляло животноводство, прежде всего вводившиеся в эксплуатацию животноводческие комплексы и птицефабрики. Сократившийся в восьмой пятилетке импорт зерна стал увеличиваться.

В конце 1970-х гг. валовые сборы зерновых снизились. В 1979 и 1980 гг. урожаи были ниже среднего уровня. 1981-й год оказался неурожайным. В СССР в этом году ввезли рекордные объемы зерна – 43,7 млн т³. В 1982 г. производство хлеба по сравнению с 1981 г. увеличилось, но оставалась относительно низким. В Сибири снова ожидался недород, второй подряд.

Ситуация в зерновом производстве стала индикатором нарастания кризисных явлений в сельском хозяйстве в целом. В этих условиях власти в очередной раз начали поиск путей решения обострившейся зерновой проблемы. К концу лета 1982 г. были подготовлены предложения по улучшению ситуации в отрасли. До сведения партийной и хозяйственной номенклатуры они были доведены от имени генерального секретаря ЦК КПСС.

28 августа 1982 г. в общем отделе ЦК был зарегистрирован поданный в Политбюро ЦК КПСС от имени Л.И. Брежнева документ, который получил официальное наименование «Записка по вопросам сельского хозяйства» (документ № 1)⁴. Записка содержала оценку генсеком современного состояния зернового хозяйства и его предложения по выходу отрасли из кризиса. Л.И. Брежнев (точнее, подлинники авторы записки) полагал, что одной из основных причин низкого уровня зернопроизводства являются «частые неурожаи», которые обрекают страну «на постоянный импорт зерна». В связи с этим он призывал «вновь» задуматься над тем, как сделать зерновое хозяйство более устойчивым и продуктивным и тем самым «избавиться» от импорта зерна.

В Записке предлагались меры, осуществление которых должно было способствовать достижению поставленной задачи, а именно:

1. Наращивание масштабов применения минеральных удобрений, обеспечение сельхозпредприятий техникой для внесения в почву минеральных и органических удобрений.

2. Оснащение сельского хозяйства «надежной, высокопроизводительной, маневренной техникой», в том числе почвообрабатывающим и посевным инвентарем с целью внедрения безотвальной обработки почвы.

³ В 1976 г. в СССР ввезли 21,5 млн т зерна, в 1977 г. – 11,8 млн, в 1978 г. – 23,5 млн, в 1979 г. – 26,9 млн, в 1980 г. – 31,2 млн т. URL: <http://babai.livejournal.com/143284.html> (дата обращения: 26.01.2017).

⁴ Инициатором подготовки Записки, возможно, был М.С. Горбачев.

¹ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 10–11.

² Там же. С. 11–12.

3. Улучшение структуры посевных площадей, повсеместное внедрение оптимальных севооборотов, увеличение площадей, отводимых под пары, расширение клина культур, обогащающих почву азотом. В первую очередь надлежало увеличивать посевы люцерны. Базой для этого должно было стать семеноводство, развивающееся «на промышленной основе». Причем предлагалось не «изобретать все заново», а купить соответствующую технологию и оборудование во Франции.

В Записке также содержались предложения по улучшению ситуации в кормопроизводстве: предусматривалось повышение удельного веса в нем сена, силоса и корнеплодов, увеличение посевов сои, необходимой для получения кормов с высоким содержанием белка. До насыщения рынка за счет собственного производства надлежало организовать закупки сои и продуктов ее переработки за границей.

Импорт сои и технологий производства семян люцерны рассматривался Брежневым как необходимая мера на пути «к избавлению страны от импорта зерна». Сокращению ввоза зерна также должно было способствовать наращивание мощностей комбикормовой промышленности.

Следует отметить, что каких-либо принципиальных новаций Записка не содержала. Перечисляемые в ней мероприятия являлись составной частью уже реализуемой в СССР программы интенсификации. Это фактически признавалось в документе. В нем указывалось, что все предлагаемые меры очевидны, на необходимость их реализации неоднократно указывалось в партийно-правительственных решениях. «А положение поправляется медленно». В связи с этим Л.И. Брежнев предлагал «укрепить государственную дисциплину, обеспечить строгий контроль и поднять ответственность общесоюзных и местных органов власти за исполнением принятых директив».

Окончательный вариант Записки Л.И. Брежнев подписал, находясь на отдыхе в Ялте [2, с. 1105]. После этого документ был направлен в общий отдел ЦК КПСС и по указанию его заведующего К.М. Боголюбова разослан для ознакомления членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК и ряду других руководителей центральных государственных органов. 31 августа Л.И. Брежнев вернулся из Ялты на подмосковную дачу. На следующий день в Кремле состоялось заседание Политбюро ЦК [2, с. 1105–1106], на котором обсуждалась Записка Л.И. Брежнева и было принято соответствующее постановление (документ № 2). В нем «целиком и полностью» одобрялись «выводы и предложения» генсека. ЦК компартий и Советам министров (СМ) союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС, СМ АССР, крайисполкомам и облисполкомам с «широким привлечением» ученых, руководителей и специалистов колхозов и совхозов предлагалось «разработать и осуществить практические меры» по реализации предложений Л.И. Брежнева. В ряду мероприятий, которые перечислялись в Записке, в постановлении ЦК указывалось на необходимость внедрения «прогрессивных форм» организа-

ции производства и стимулирования труда работников сельхозпредприятий.

Постановление и Записка Л.И. Брежнева в качестве приложения были включены в протокол Политбюро от 2 сентября 1982 г. Машинописные выписки протокольного постановления и текст Записки были направлены в профильные министерства и ведомства⁵, редакции газет «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Сельская жизнь», «Социалистическая индустрия», «Экономическая газета»⁶, а также в ЦК компартий союзных республик, краевые и областные парткомы. Одним из получателей был Новосибирский обком КПСС, обсудивший, как это предписывалось постановлением ЦК, поставленную партийным руководством проблему на своем пленуме 12 октября 1982 г.⁷ Отметим, что указанные документы имели грифы «совершенно секретно» и «секретно» и в открытой печати не публиковались.

Принятые меры в первой половине 1980-х гг. к изменению ситуации в зерновом хозяйстве не привели. Урожай в 1983–1985 гг. были относительно невысокими. Валовые сборы в СССР в одиннадцатой пятилетке снизились по сравнению с предыдущей на 12 %, в РСФСР – на 13,2 %⁸. Импорт зерна, несколько снизившись в 1982 и 1983 гг., в конце пятилетки вновь резко вырос, достигнув исторического максимума в 1985 г.⁹

⁵ В список министерств и ведомств для рассылки документа входили: «Госплан СССР (Государственная плановая комиссия СМ СССР), Госкомитет СССР по науке и технике, Госнаб СССР (Государственный комитет по материально-техническому снабжению), Минавиапром (Министерство авиационной промышленности СССР), Минавтопром (Министерство автомобильной промышленности СССР), Минвнешторг (Министерство внешней торговли СССР), Минмаш (Министерство машиностроения СССР), Минживмаш (Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР), Миноборонпром (Министерство оборонной промышленности СССР), Минудобрений (Министерство по производству минеральных удобрений СССР), Минсудпром (Министерство судостроительной промышленности СССР), Минсельхозмаш (Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР), Минхиммаш (Министерство химического и нефтяного машиностроения СССР), Минхимпром (Министерство химической промышленности СССР), Минзаг СССР (Министерство заготовок), Минводхоз СССР (Министерство мелиорации и водного хозяйства), Минмясомолпром СССР (Министерство мясной и молочной промышленности), Минпищепром СССР (Министерство пищевой промышленности), Минплодоовощхоз СССР (Министерство плодовоощной промышленности), Минсельхоз СССР (Министерство сельского хозяйства), Госкомцен СССР (Государственный комитет цен при СМ СССР), Госкомсельхозтехника СССР (Государственный комитет по производственно-техническому снабжению сельского хозяйства), Главмикробиопром СССР (Главное управление микробиологической промышленности), УД СМ СССР (Управление делами), ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина)» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 92. Д. 672. Л. 12).

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ ГАО. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 10.

⁸ Сельское хозяйство СССР. С. 12; Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 375.

⁹ В 1982 г. в СССР ввезли 40,1 млн т зерна, в 1983 г. – 32,1 млн, в 1984 г. – 43,6 млн, в 1985 г. – 46,3 млн т. URL: <http://babai.livejournal.com/143284.html> (дата обращения: 27.03.17).

Наращивания производства зерна удалось добиться во второй половине десятилетия. В 1986–1990 гг. валовой сбор в РСФСР увеличился на 13,4 %¹⁰. Этому способствовали более благоприятные погодные условия, внедрение коллективных форм организации и оплаты труда (см. [1, с. 262–269]) и так называемых интенсивных технологий выращивания зерновых¹¹. Тем не менее зерновая проблема по-прежнему оставалась одной из основных проблем советского хозяйства. Несколько снизившийся импорт зерна по-прежнему превышал уровень десятой пилетки.

Ниже публикуются в соответствии с существующими правилами два упомянутых выше документа,

которые выявлены в фонде Политбюро ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории: ф. 3, оп. 92, д. 672 (Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС № 75 от 2 сентября 1982 г.). В указанном деле помимо окончательного варианта постановления Политбюро (см. приведенный ниже список В) имеются два варианта его проектов, содержание которых сравнивается в текстологических примечаниях к публикуемому документу:

1) Вариант, подготовленный в аппарате М.С. Горбачева (список А)¹².

2) Вариант, напечатанный после редактирования проекта постановления Ю.В. Андроповым и М.С. Горбачевым (список Б)¹³.

№ 1

Записка Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в Политбюро ЦК по вопросам развития зернового хозяйства

г. Ялта

28 августа 1982 г.

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Частые неурожаи – а никто не гарантирует нам милостей природы – заставляют вновь и вновь задумываться, как сделать зерновое хозяйство более устойчивым и продуктивным. Не может же судьба нашей Продовольственной программы¹⁴ определяться капризами погоды.

Я решительно не верю, что мы обречены на постоянный импорт зерна. Это – мера аварийная. От импорта зерна можно избавиться.

Работа нас ждет многоплановая. У нас до сих пор почти половина площадей зерновых культур не получает минеральных удобрений. Плохо обеспечены хозяйства и машинами для внесения их в почву. А разве дело, что органические удобрения разбрасываются вилами или растаскиваются по полям бульдозерами?

Колхозы и совхозы испытывают большую нужду в почвообрабатывающей и посевной технике для внедрения безотвальной системы обработки. Ее применение дает весомую прибавку к урожаю почти во всех зонах страны. Из года в год мы теряем много зерна из-за несовершенства уборочной техники.

Все это, как говорится, на виду. И, казалось бы, приняты необходимые решения. А положение поправляется медленно. И я спрашиваю себя, в чем же дело?

Главное – укрепить государственную дисциплину, обеспечить строгий контроль и поднять ответственность общесоюзных и местных органов власти за исполнением принятых директив. Считаю, что этим еще в большей мере должен заняться Секретариат ЦК КПСС.

Особой заботы требует оснащение сельского хозяйства надежной, высокопроизводительной, маневренной техникой.

Я знаю, что проходит государственные испытания новая модель комбайна «Дон-1500»¹⁵. Надо быстро ставить его на производство. Мне также докладывали, что известная американская фирма «Интернэшнл харвестер»¹⁶ производит роторные зерновые комбайны с очень высокими характеристиками. Полагаю, что нашим ученым и инженерам следует самым внимательным образом изучить это направление в комбайностроении.

Столь же важно создать полный набор машин, необходимых для уборки и качественного использования трав и других кормов. Повторяю, полный набор, законченный комплекс современных машин и оборудования.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. С. 375.

¹¹ Интенсивные технологии – совокупность приемов и методов выращивания сельхозкультур, обеспечивающих увеличение урожайности на основе комплексного применения средств механизации, химизации, мелиорации и внедрения передовых научных методов агротехники. В 1980-е гг. интенсивные технологии предполагали высокий уровень применения минеральных удобрений и ядохимикатов.

¹² РГАН. Ф. 3. Оп. 92. Д. 672. Л. 14–15.

¹³ Там же. Л. 16–17.

¹⁴ Продовольственная программа – комплексная целевая программа, одобренная майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС, предусматривающая систему материально-технических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер, направленных на решение продовольственной проблемы в СССР. Разработана на период до 1990 г. [1, с. 276–314].

¹⁵ Серийный выпуск комбайнов «Дон-1500» начался с середины 1980-х гг. Этот тип комбайнов пришел на замену устаревших моделей «Колос» и «Нива».

¹⁶ International Harvester International Harvester (IH) – американская компания, специализирующаяся на производстве сельскохозяйственной техники и грузовых автомобилей. В 1977 г. компания впервые в мире стала выпускать аксельно-роторные зерноуборочные комбайны.

Имея большие площади под сенокосами, кормовыми культурами, мы остро нуждаемся в такой технике. Пожалуй, без привлечения многих отраслей машиностроения будет трудно быстро и квалифицированно создать нужный комплекс машин. Что ж, давайте включим такую работу в государственный план.

Не раз говорилось и хочу повторить: для полной страховки от неурожая чрезвычайно важно улучшить структуру посевных площадей, внедрить повсеместно правильные севообороты.

Давно открыто, что пары спасают от губительных последствий и засухи, и мороза. К тому же, чтобы накапливать плодородие, земля должна отдыхать.

По опыту своей работы в Казахстане знаю, как рискованно занимать из года в год земли под зерно и только под зерно. Я уже тогда добивался, чтобы 22–25 процентов угодий отводилось под пары и чтобы это были по-настоящему ремонтные земли¹⁷. К сожалению, и на сегодня далеко не во всех зонах страны практикуются в оптимальных размерах паровые поля. Это можно и должно изменить в два–три года, внося коррективы в планы посевов.

Повышению плодородия земли должно послужить расширение клина культур, фиксирующих в почве азот, таких как люцерна, клевер, горох и другие. Одновременно это очень важно для обеспечения животноводства дешевыми и питательными кормами.

Не секрет, что многие развитые страны производят зерна на душу населения не больше, чем мы, да и численность стада у них меньше, чем у нас. А вот мяса и молока они производят на душу населения намного больше, чем наше село. Нам есть за что критиковать себя.

В кормопроизводстве слишком низок удельный вес сена, силоса, корнеплодов и т.п. За пять лет прирост заготовок грубых и сочных кормов составил всего лишь 13 процентов. Это явно недостаточно. Понятно, что каждое хозяйство, каждый район должен искать свой путь, свой подход к решению проблемы кормов. Но, как я думаю, наряду с нехваткой машин, общей для всех проблемой является нехватка семян высокопродуктивных кормовых культур. Государственные интересы требуют безотлагательно заняться решением этой проблемы.

Исключительно важно расширить сеть семеноводческих совхозов для производства семян люцерны на Кубани, в Средней Азии, заинтересовать совхозы материально, снабдить всем необходимым, что подсказывает мировой опыт. Это дело пора ставить на промышленную основу.

И совсем не обязательно самим изобретать все заново. Насколько мне известно, хороших результатов в производстве высококачественных гибридных семян люцерны добилась Франция. Наверняка возможно купить у французов технологию, а для начала и оборудование. Словом, не поспкуиться. Тогда мы сделаем очень важный шаг к избавлению страны от импорта зерна.

Мне рассказали товарищи, что шведы арендуют земли в Турции для выращивания нужных им гибридных семян, идут на большие расходы. А нам при таком разнообразии климатических поясов совсем не так трудно найти подходящие почвы у себя дома.

За решение проблемы люцерны стоит взяться без промедления. Уже в планах на оставшиеся годы пятилетки желательно определить соответствующие задания.

Задача больше получить кормов с высоким содержанием белка со всей определенностью поставлена XXVI съездом КПСС¹⁸. Сделать можно многое. Условия для этого есть. На юге Украины, Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии на орошаемых землях можно организовать товарное производство сои. А пока мы не развернем собственное производство в нужных масштабах, придется пойти на импорт сои и соевых шротов¹⁹.

Еще об одной актуальной задаче. По подсчетам ученых, отсутствие необходимых мощностей комбикормовой промышленности приводит ежегодно к перерасходу примерно 30 миллионов тонн зерна. Это же львиная доля нашего импорта зерновых!

В ближайшие годы надо по меньшей мере удвоить мощности комбикормовой промышленности, обеспечить должное качество ее продукции. Важно разобраться и с ценами с тем, чтобы была материальная заинтересованность в предпочтительном использовании комбикормов всеми хозяйствами, а также населением.

Сельское хозяйство – отрасль благодарная. Убежден, что нынешний уровень знаний, технического прогресса позволяет даже при сокращении числа рабочих рук в деревне получить в достатке продукты питания.

В заключение хочу напомнить слова В.И. Ленина: «Кто хочет сделать – ищет способ. Кто не хочет – ищет причины»²⁰. Вот нам и надо овладевать верным способом выполнения Продовольственной программы.

Прошу рассмотреть.

Л. Брежнев

¹⁷ Л.И. Брежнев имел в виду свою работу на посту второго, а затем и первого секретаря ЦК КП Казахстана в 1954 – 1955 гг. Воспоминания о том, что Брежнев выступал за отвод земель под пар сохранились в книге «Целина». В ней приводится фрагмент стенограммы совещания специалистов по сельскому хозяйству в кабинете первого секретаря ЦК КП Казахстана 9 июля 1955 г., на котором замминистра совхозов КазССР Х.А. Арыстанбеков предлагал отводить 16–18 % пашни под пар, а Брежнев соглашался с этим мнением [3, с. 73–74].

¹⁸ Постановление XXVII съезда КПСС «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года [4, с. 73].

¹⁹ Соевый шрот – высокобелковый вид шрота (побочного продукта производства растительного масла). Содержит широкий набор минеральных веществ, аминокислот и белков. Используется в виде основы для различных комбикормов.

²⁰ Автором данного крылатого выражения считается Сократ.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 92. Д. 672. Л. 7–11. Машинописный подлинник, чистовой экземпляр. Подпись – автограф.

На л. 7 сверху справа рукописная (карандашом) помета К.М. Боголюбова: «Секретно». Штамп I сектора общего отдела с вписанным чернилами номером пункта и протокола: «К пункту I прот[окола] № 75».

В деле находятся рассылочная и сопроводительная записки к данному документу:

1) «П1469. Разослать членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС (указ[ание] тов. Боголюбова. 29.VIII.82 г.» (Там же. Л. 6).

2) «№ П1469. 29.VIII.82 г. Членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС + т.т. Архипову, Байбакову, Антонову А., Нуриеву, Месяцеву, Золотохину, Беляку, Ежескому, Карлову, Смиртюкову, Хитруну. Записка т. Брежнева Л.И. от 28.VIII.82 г. в Политбюро ЦК КПСС о дополнительных мерах по повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Отп[ечатано] 40 экз.» (Там же. Л. 5).

№ 2

Протокольное постановление П 75/1 Политбюро ЦК КПСС по итогам обсуждения Записки Л.И. Брежнева по вопросам развития зернового хозяйства*

г. Москва

2 сентября 1982 г.
Сов[ершенно] секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Записка Генерального секретаря ЦК КПСС т. Брежнева Л.И.
от 28 августа 1982 г. по вопросам сельского хозяйства

1. Считать совершенно правильной постановку т. Брежневым Л.И. вопроса о необходимости осуществления кардинальных мер по увеличению производства зерна^а и кормов^б в стране, ^вих эффективному^г использованию с тем, чтобы в ближайшее время существенно сократить, а в последующем полностью освободиться от импорта зерна.

Целиком и полностью одобрить изложенные в записке т. Брежнева Л.И. выводы и предложения, направленные на повышение продуктивности и устойчивости земледелия, укрепление базы зернового хозяйства и кормопроизводства, значительное увеличение сборов и повышение качества зерна, грубых и сочных кормов, ^дулучшение пастбищ^е, развитие комбикормовой промышленности и удовлетворение потребностей животноводства в белке, имея в виду, что решение этих проблем в комплексе является важнейшим условием успешного выполнения Продовольственной программы ^ж(записка прилагается)^з.

2. ЦК компартий и Советам Министров союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Советам Министров автономных республик, крайисполкомам и облисполкомам с широким участием ученых, руководителей и специалистов колхозов и совхозов разработать и осуществить практические меры по повышению плодородия почв, внедрению эффективных севооборотов и способов обработки земли, надежному обеспечению хозяйств семенами зерновых, кормовых и других культур, применению прогрессивных форм организации производства и стимулированию труда колхозников и рабочих совхозов, чтобы в конкретных условиях каждого хозяйства, района, области и республики обеспечить устойчивый рост валовых сборов зерна и кормов, выполнение планов продажи зерна и животноводческой продукции государству в соответствии с заданиями Продовольственной программы.

^иРекомендовать ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам и райкомам партии обсудить задачи, вытекающие из записки т. Брежнева Л.И., на пленумах партийных комитетов и собраниях коммунистов.^к

ЦК КПСС при этом исходит из того, что вся работа по осуществлению поставленных задач будет проводиться в духе решений майского Пленума ЦК КПСС на основе дальнейшего развития инициативы, повышения самостоятельности и ответственности хозяйств, их руководителей и специалистов за использование земли, техники, кормов, всех резервов сельскохозяйственного производства.

^л3. Секретариату ЦК КПСС усилить контроль, повысить ответственность общесоюзных и местных органов, отделов ЦК за выполнение решений, связанных с реализацией Продовольственной программы^м.

* Список В.

^{а-б} В списке А отсутствует.

^{в-г} В списке А: его рациональному.

^{д-е} В списке А отсутствует.

^{ж-з} В списках А и Б отсутствует.

^{и-к} В списке А данный абзац отсутствует.

^{л-м} В списке А данный абзац отсутствует.

^н4. Поручить т.т. Горбачеву М.С., Антонову А.К., Байбакову Н.К., Костандову Л.А., Нуриеву З.Н., Ашимову Б.А., Мозговому И.А., Ермину Л.Б., Месяцу В.К., Васильеву Н.Ф., Золотухину Г.С., Ежевскому А.А., Беляку К.Н., Карлову В.А., Сахнюку И.И., Манякину С.И., Вавилову П.П., Бараеву А.И., Ангельеву Д.Д., Моторному Д.К., исходя из указаний Генерального секретаря ЦК КПСС т. Брежнева Л.И., подготовить и внести ^ов срок до 1 января 1983 г.^п в ЦК КПСС и Совет Министров ССР предложения по ^рконкретным^с вопросам, требующим решения союзных органов.

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

П75/1
2.IX.82 г.

Секретариату ЦК КПСС

ЦК компартий союзных республик, крайкомам, об-
комам партии

Советам Министров союзных и автономных респу-
блик, крайисполкомам, облисполкомам

Членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены
Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС

Министерствам и ведомствам (по списку)

Заведующим отделами ЦК КПСС

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 92. Д. 672. Л. 3–4. Машинописный подлинник. Чистовой экземпляр. Без подписи. Протокол Политбюро, к которому приложено постановление, заверен Л.И. Брежневым.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андропов Ю.В. – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Ангельев Д.Д. – директор зерносовхоза «Гигант» (Сальский район Ростовской области)

Антонов А.К. – заместитель председателя СМ СССР

Архипов И.В. – первый заместитель председателя СМ СССР

Ашимов Б.А. – председатель СМ Казахской ССР

Байбаков Н.К. – председатель Госплана СССР

Бараев А.И. – директор Всесоюзного НИИ зернового хозяйства

Беляк К.Н. – министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР

Боголюбов К.М. – заведующий общим отделом ЦК КПСС

Брежнев Л.И. – генеральный секретарь ЦК КПСС

Вавилов П.П. – президент ВАСХНИЛ

Васильев Н.Ф. – министр мелиорации и водного хозяйства СССР

Горбачев М.С. – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Ежевский А.А. – министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР

Ермин Л.Б. – первый заместитель председателя СМ РСФСР

Золотухин Г.С. – министр заготовок СССР

Карлов В.А. – заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС

Костандов Л.А. – заместитель председателя СМ СССР

Манякин С.И. – первый секретарь Омского обкома КПСС

Месяц В.К. – министр сельского хозяйства СССР

Мозговой И.А. – секретарь ЦК КП Украины (по вопросам сельского хозяйства)

Моторный Д.К. – председатель колхоза имени Кирова Белозерского района Херсонской области

Нуриев З.Н. – заместитель председателя СМ СССР

Сахнюк И.И. – заведующий отделом сельскохозяйственного машиностроения ЦК КПСС

Смиртюков М.С. – управляющий делами СМ СССР

Хитрун Л.И. – председатель Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства

^н В списке А: 3.

^{о-п} В списке А отсутствует.

^{р-с} В списке А отсутствует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации: [кол. моногр.] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сиб-принт, 2015. 298 с.
2. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: сб. док.: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965 – 1982 гг. 1232 с.
3. Брежнев Л.И. Целина. М.: Политиздат, 1980. 80 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1987. Т. 14. 639 с.

REFERENCES

1. Ilyinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. et al. The projects of agrarian transformation in Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization. Novosibirsk, 2015, 298 p. (In Russ.)
2. Brezhnev L.I. Records and diary entries: in 3 vols. Moscow, 1987, vol. 2: Recording of secretaries of Leonid Brezhnev. 1965 – 1982, 1232 p. (In Russ.)
3. Brezhnev L.I. Virgin lands. Moscow, 1980, 80 p. (In Russ.)
4. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums. 9th ed. Moscow, 1987, vol. 14, 639 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170113
УДК 930.1; 069

И.В. ЧУВИЛОВА

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: МУЗЕЙНЫЕ РЕШЕНИЯ*

Новый институт культурологии,
РФ, 123056, г. Москва, ул. Васильевская, д. 13, стр. 1

В статье рассматриваются актуальные направления в сфере освоения наследия и сохранения идентичности местных сообществ музейными средствами. Обозначены основные темы, которые определяют сегодня базовый музейный дискурс – земля, семья/личность, порядок/мироустройство. В любой из названных тем преобладает стремление к поиску и сохранению самобытности, использование тех культурных накоплений, которые актуализируют традиционные ценности в противовес быстротечной новизне. В соответствии с данной тематикой рассматриваются специфика и качество тех решений, которые музеи различных профильных групп предлагают своей аудитории. Особое внимание уделяется проблемам научного отбора, критике и интерпретации источников в музейной практике, особенно при работе с разнообразными объектами поликультурного наследия.

Ключевые слова: идентичность, актуализация наследия, поликультурное наследие, музеи, отбор и интерпретация источников.

I.V. CHUVILOVA

ACTUALIZATION OF THE HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE AND PRESERVING IDENTITY: MUSEUM SOLUTIONS

New Institute for Cultural Research,
13-1, Vasilievskaya str., Moscow, 123056, Russia

Nowadays changes in the national museum world are caused by both economic conditions and society demands for historical, national and cultural landmarks, desire for self-identity. The dynamics of the museum world changes put questions of managing the heritage, including the theoretical ones – the problems of interpretation, authenticity, scientific content, historicism. Solving these problems is the most important element in organizing the process of the community self-reflection.

The topics, to which museums intently refer since 2000s and that determine nowadays basic museum discourse are those of the world system of life arrangement: land, family/personality, order. In each of the above mentioned topics the urge for searching and preserving identity, using those cultural accumulations that actualize traditional values as opposed to transient novelty prevail.

This subject-matter drastically determines the specifics and quality of the decisions that museums offer to their audience. All museum profile groups and types reflect designated processes one way or another, but in some of them it is the most bright and concentrated. Primarily these are museum complexes combining the characteristics of two or more profiles and types. Essential shifts in the nature of activity and conceptions of development of museum-reserves, local lore and memorial museums mainly occur.

Only scientifically valid criteria for selecting artifacts and objects for museumification and objective view of historical and cultural processes can facilitate creation of vivid, emotionally charged and authentic field of historical memory. Just the problem of scientific selection, criticism and interpretation of sources becomes the most actual one in the modern museum practice, and especially in the work with diverse objects of multicultural heritage. Here a significant role belongs not only to museums but also to the society that is able to self-reflecting about what exactly should be preserved and passed to future generations.

Key words: identity, actualization of heritage, multicultural heritage, museums, selection and interpretation of sources.

*Подготовлена по: Комплексной программе фундаментальных исследований СО РАН № П.2 П, проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

Ирина Валентиновна Чувилова – канд. ист. наук, руководитель исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия», Новый институт культурологии, e-mail: iv112@yandex.ru.

Irina V. Chuvilova – candidate of historical sciences, head of Research group «Russian Museum Encyclopaedia», New Institute for Cultural Research.

Векторы изменений в музейном мире сегодня полагаются преимущественно в двух направлениях. Прежде всего, изменения обусловлены как экономическими условиями, так и потребностями общества в исторических, национальных, культурных ориентирах, новыми вызовами в деле сохранения наследия, стремлением к самоидентификации. Ряд авторов считают, что создание и развитие музеев зачастую определяются и процессом политическим, поскольку «саморефлексия общества по поводу своей идентичности и мест памяти есть политический вопрос с любой точки зрения...» [1, с. 52]

Динамика изменений музейного мира, прочно связанная с усложнением его структуры, остро ставит перед нами вопросы распоряжения наследием, в том числе теоретические – проблемы интерпретации, подлинности, научности, историзма. Решение этих вопросов играет важнейшую роль в *организации процесса саморефлексии сообщества* [2].

Другое направление и одна из ключевых особенностей настоящего периода – трансформация и расширение понятия «наследие» (появление новых объектов, музеефикация целостной историко-культурной среды, включение нематериального культурного наследия и т.д.), а также расширение коммуникативных практик в презентации этого наследия обществу [3].

Каким же образом проблемы сохранения наследия, его интерпретации и освоения в интересах сообщества реализуются в музейном пространстве?

Прежде всего, необходимо отметить те темы, к которым с начала 2000-х гг. активно обращаются музеи, – именно они определяют сегодня базовый музейный дискурс.

Регионы, культурные и национальные сообщества все чаще обращаются к проблеме сохранения своей уникальной историко-культурной и природной среды. В связи с этим в последние годы процесс музеефикации приобрел ряд особенностей: при сохранении уже включенных в музейную сферу объектов музеефикации изменились либо выявились ярче, чем ранее, его субъекты. В сферу музеефикации все настойчивее включаются темы мирового жизнеустройства: *земля, семья/личность, порядок/мироустройство*. Причем в любой из названных тем преобладает стремление к поиску и сохранению самобытности, использованию тех культурных накоплений, которые актуализируют традиционные ценности в противовес быстрой новизне.

Первенство здесь принадлежит **личности**, которая и как самодостаточное явление, и как центростремительная сила, организующая вокруг себя уникальное социокультурное пространство, становится существенным поводом для музеефикации. Одной из характерных особенностей музейной сети России является высокая доля мемориальных музеев – для каждого региона очень важно иметь свои значимые персоны, свою персонифицированную историю.

Проявить, верифицировать свой культурный слой, составляющий особый пласт культурного насле-

дия в истории большой страны, – цель региональных и национальных сообществ. Стремление к культурной и национальной самоидентификации, к сохранению уникального **миропорядка** привело к созданию новых музеев-заповедников на основе музеефикации археологических, этнографических памятников, а также объектов нематериального культурного наследия. И здесь свою нишу нашли не только музеи крупные, общего исторического профиля, но и локальные музеи малых поселений и «мест обитания». Стремление к преодолению кризиса самоидентификации мы наблюдаем на примерах музеефикации различных субкультур (усадебной, старообрядческой, казачьей и др.).

И, наконец, третья составляющая – **земля, природа**. Природные ландшафты все более осознаются и актуализируются как неотъемлемая часть исторического наследия, в том числе локального. Это определенный ответ на беспокойство за сохранение экологического равновесия, природных сообществ. В этом же смысловом ряду – музеефикация целых средовых и градостроительных комплексов, процесс, который может помочь в решении проблем архитектурного возрождения малых городов России.

Указанная тематика в значительной мере определяет специфику и качество тех решений, которые музеи предлагают своей аудитории. Все профильные группы и типы музеев так или иначе отражают обозначенные процессы. Но в некоторых из них это происходит наиболее ярко и концентрированно.

Прежде всего, это музеи комплексные, соединяющие характеристики двух или более профилей и типов музеев; их количество неуклонно растет. На такой волне возникают новые краеведческие музеи, музейно-выставочные и культурные центры, усложняются функции музеев-заповедников. Музеи пытаются сегодня представить историко-культурное и природное наследие как единое пространство человеческого бытия: пришло осознание среды как части наследия. Происходят существенные сдвиги в характере деятельности и концепциях развития ряда музеев, главным образом – **музеев-заповедников**. Установка на тщательное восстановление взаимосвязей, существовавших между элементами среды, возрастающая роль таких составляющих среды, как микрорельеф, флора, фауна и другие, включение местного населения в музейную деятельность в качестве полноправного партнера характеризуют их деятельность; все большее значение приобретают сохранение и реконструкция традиций, форм деятельности, элементов образа жизни. Музеи как бы добывают игнорируемый ранее аксиологический ресурс, который становится основанием для идентификации сообществ. Акты саморефлексии способствуют упрочению коллективной идентичности, сохранению мест памяти и актуализации наследия – в этом и состоит, главным образом, миссия музеев сегодня, в том числе музеев-заповедников.

Одним из успешно работающих музеев-заповедников России является историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский». В проекте

этого музея «Фольклорное наследие Заонежья: изучение, сохранение, популяризация» авторы через презентацию фольклорного наследия вышли на персонафикацию малой истории, представив не только песню как нематериальный объект наследия, но и сказителей и песенников, целые династии края. Тем самым исполнительскому мастерству приданы вполне реальные черты конкретных личностей, воссозданы особенности быта и особой среды, уклада жизни и проч. Закономерным результатом такой работы стало и исследование о династиях русских сказителей Заонежья, работа фольклорно-этнографического театра музея и возрожденные, реконструированные им не только песни, танцы, игры, но исполнительская традиция Олонецкого края.

Объединяющей местное сообщество является деятельность Всероссийского мемориального музея-заповедника писателя В.М. Шукшина в с. Сростки на Алтае. Созданный в 1978 г., сегодня он является учреждением, которое инициирует и реализует практически все социокультурные проекты в этом селе. Музей и благодаря ему имя В.М. Шукшина крепко встроены в жизнь местного сообщества. Здесь создан многоуровневый комплексный проект мемориализации родины выдающегося земляка. По сути, это средовой музей, включающий мемориальные объекты (школу, мемориальные дома), средовые объекты (сельские улицы, систему застройки), памятники природы; частью этого *пространства памяти* являются люди, знавшие писателя, они поддерживают живую связующую нить поколений. Эти выстроенные музеем реалии значимы не столько количественным ресурсом для развития территории, сколько ресурсом человеческим: в данном случае инициатива развития исходит также от местного сообщества, которое было включено в активную социокультурную работу по созданию нового культурного текста.

Такой подход к сохранению мест памяти, к возрождению элементов и традиций традиционной культуры и к актуализации этого наследия укрепляет коллективную идентичность сообщества, развивает ее.

Например, целью музейной деятельности в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа провозглашено не только *сохранение*, но и «*изобретение*» новых традиций, т. е. *развитие культуры*, что ставит музеи на передний край культуры и социообразующей деятельности. Эти намерения реализуются в деятельности первого национального музея на территории района – Культурно-этнографического парка-музея с. Варьеган; Этнографического музея-театра пос. Аган, который работает с нематериальным наследием – памятниками фольклора аганских хантов. Таким образом, музеи способствуют формированию современного образа традиционной культуры, культурной и национальной идентичности, создавая ориентиры для местного сообщества и соответственно позиционируя себя в поликультурном пространстве.

На этой волне **местные краеведческие музеи**, музеи малых городов начинают более интенсивно ра-

ботать со средой, а некоторые из них трансформируются в музеи-заповедники, вбирая в зону своей ответственности окружающее пространство (например, Дмитровский, Елабужский, Касимовский музеи-заповедники).

Зачастую краеведческие музеи с трудом находят гармоничное равновесие между представлением локальной истории, с одной стороны, и отечественной истории – с другой; между традиционными национальными – и цивилизационными ценностями. Диапазон решений в нашей стране довольно широк – откровенно мифологизированные музеи, с придуманной, сконструированной идентичностью, которая совершенно не затрагивает местное сообщество и предназначена для туристов (некоторые музеи в Мышкине, например); традиционные музеи местного края с показом природы, социальной истории и культурных процессов, среди которых имеются качественные и вполне жизнеспособные образцы (Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова); попытки создать новое пространство краеведения в ракурсе культуры повседневности (Дмитровский музейно-выставочный центр).

Особо надо отметить, что столь различные примеры объединяет внимание локальных музеев к среде, взгляд за музейные стены. Музей в Минусинске, старый город, камерность русской провинции, южно-сибирский пейзаж – все это и есть **комплексное** историко-культурное и природное наследие, о котором мы говорим. Музеи любого типа и профиля сегодня пытаются стягивать под свои знамена, включать в орбиту своей миссии фрагменты городской и сельской среды, архитектурные и природные памятники – путем создания музейных городков и музейных кварталов, иногда просто небольших площадок, выполняя тем самым роль собирателей культурных земель. Эта новая социокультурная роль музея – свидетельство не только наших надежд, но и наших тревог. Невозможно представить музей (например, Минусинский) как отдельную культурную единицу, вырванную из контекста, из среды, из набора ценностей, которыми более 100 лет дышит местное сообщество. Потому так печальны утраты последних лет в городской архитектуре, в природных комплексах на всем пространстве страны.

Музей в Дмитрове (Московская обл.) весьма гармонично представляет к показу микс из культуры повседневности и социальной истории (по словам авторов концепции, она разработана по принципу диалога сословных культур), а еще он активно включен в среду, в том числе в средневековую среду поселения, благодаря использованию средового компонента как неотъемлемой части идентичности¹.

Так же неразрывно связан с окружающим миром Национальный музей имени А.В. Анохина в Горно-Алтайске, который пока еще находится в поиске своего

¹ С 1996 г. – музей-заповедник; в 2004 г. открылась новая экспозиция «История, быт и художественная жизнь края XVIII – XXI вв.».

экспозиционного стиля (языка), но уже демонстрирует ряд удачных находок в презентации регионально-го наследия. На наш взгляд, опорная площадка, точка отсчета для этого музея и жителей республики – это экспозиционный комплекс «Плато Укок», от которого могут раскручиваться увлекательные повествования об истории, о природной неповторимости и самобытной культуре народа.

Есть и небольшие краеведческие музеи, которые в силу различных трансформаций (прежде всего, связанных с утратой аутентичной среды во внешнем пространстве) могут работать только с теми коллекциями и предметами, которые отложились в их фондах. Именно сюда за особой атмосферой, нарративом местной истории приходят посетители. Таков, например, небольшой музей «Заельцовка» Заельцовского района г. Новосибирска. Здесь создана удивительная атмосфера доброжелательности, музей готов щедро поделиться самым интересным, сегодня это востребованное место для жителей данного городского района, воспринимающих музей как рассказ о самих себе, о своих родителях, соседях, знакомых. Это чувство узнавания, самоидентификации, фиксирование самого себя в определенной точке пространственно-временного континуума очень важно для установления полноценной коммуникации – межкультурной, межпоколенной и т.д.

Мемориальные музеи традиционно имеют самое прямое отношение к формированию идентичности сообществ, поскольку хранят наиболее аттрактивные и достоверные свидетельства коллективной памяти. Персонализация истории, ее антропологический вектор особенно важны сегодня для развития регионов. Среди таких проектов особую значимость приобретают те, которые способствуют поддержанию культурной самобытности, в которых личность становится важным стимулом для обсуждения социально значимых вопросов и маркировки культурного пространства.

Внимание к жанру биографии сегодня особенно велико, и изучение биографии выдающегося соотечественника (при этом порой выдающегося, но мало или неизвестного) становится частью акта самопознания. В лучших проектах, реализованных на музейных площадках, биографии отводится не только и не столько вспомогательная роль как комментария к творчеству, но и значение самостоятельного *текста*, некой точки в духовном развитии социума, общности, субкультуры.

Мемориальные музеи также тяготеют к комплексности, многофункциональности, наравне с собственно музейным пространством здесь начинают функционировать библиотеки, кружки, мастерские, создаются театральные площадки. При некоторых музеях развиваются виды хозяйственной деятельности, традиционные для данной местности, – происходит фиксация не только личного пространства быта и бытия, но и элементов материальной и духовной культуры, традиций. В результате образ конкретного места благо-

даря Гению, пребывавшему здесь когда-то, становится многомерным пульсирующим пространством.

К примеру, создание музея первого алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина в с. Анос Чемальского района активизировало территориальное развитие этого района Республики Алтай (проект начал осуществляться в 2006 г.). Проект, популяризируя местное художественное наследие, направлен, прежде всего, на работу с местным сельским сообществом. Для жителей с. Анос его создание невозможно переоценить: не везде есть возможность взаимодействовать с подлинным искусством, высокими образцами художественной культуры и центром обучения ремеслу. Музей возрождает с. Анос как культурный центр Алтая и Сибири.

Ряд мемориальных домов и усадеб, в свою очередь, преодолевают свою замкнутость благодаря персонификации, расширяя и концептуализируя пространство. Так, рассказ о русском поэте немыслим в Музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске без сохранения и частичной музеефикации объектов историко-культурного и природного наследия, фрагментов городской среды, т.е. важнейшей части местной истории. Вместе с тем, именно этот музей взял на себя функцию формирования коллекции современного искусства, встраивая работы местных художников в контекст городской культуры, развитие которой в первой половине XIX в. было связано в том числе с именем поэта (к примеру, состоялась успешная выставка «Кавказские параллели», в которой принимали участие молодые художники из разных регионов Северного Кавказа).

Однако известны примеры и другого рода, когда попытка соотнести личность и историю, коллективную память, напротив, оборачивается проблемой идентификации сообщества, сжимая и обедняя культурное пространство.

Именно во время кризиса идентичности создаются мифы. В случае с уральским наследием писателя П.П. Бажова этот миф перекроил локальную историю и идентичность дважды. Первый раз – в 1930-е гг., когда Бажовым был создан новый образ и новая история Урала: в ее основу была положена такая форма коллективной памяти, как сказка². Бажов наделил регион полноценной мифологией, способствовал формированию **новой** региональной идентичности, «превратив край металлургов в край гранильщиков», а людей – в сказочных героев. Второй раз мифологизация коснулась культурного наследия региона в целом: мемориализация Бажова началась сразу после его кончины – был музеефицирован дом (ныне – Мемориальный дом-музей Бажова в Екатеринбурге); позже выстроен новый дом в Сысерти – Дом-музей Бажова (по сути, центр народного творчества). Даже бюст Бажову уста-

² О сказках П.П. Бажова (сказка – «свое понимание событий в границах чужого видения происходящего») и мифологии вокруг сказочника см.: Литовская М.А. Гений места П.П. Бажов. Доклад на конференции «Гоголевские чтения», М., 2011.

новили на месте памятника Петру I, а кроме того, имеются мемориальные доски, его именем названы улицы, есть брендовые товары и услуги и т.п. Развивать прочие идентичности, пока не появится и не будет раскручен другой гений из этого места, обычно не удается – территория занята.

В этом, кстати, таится опасность брендинга территорий – поскольку всегда вместо полифоничного культурного пространства мы можем получить фрагмент «шагреневой кожи», пусть и прекрасной выделки. Кризис идентичности 1990-х – начала 2000-х гг. породил немало подобных экземпляров. Отголоском этого кризиса³ явилось создание «Ельцин-центра» в Екатеринбурге – новой мифологии, параистории, «fiction, завернутого в исторический фантик» (Я. Шимов). Как этот миф будет раскручиваться дальше, покажет время. Сегодня мы наблюдаем, как умело созданные «музейные» продукты навязывают посетителю прочитанную по-своему (смоделированную) историю – и на экспозиционных площадках, и в сопровождающих их программах. Только речь идет не об уральцах, а о народе и истории всей страны.

В значительной мере такие примеры представляют собой проявления постмодернизма: мифологизация, фрагментарность знания, миграция в сторону массовой культуры и доминирование формы над содержанием. Но целостность культуры обретается только на содержательном уровне, поэтому постоянно приходится говорить о том, что с этим содержанием надо грамотно и целенаправленно работать. Только научно обоснованные критерии отбора памятников и объектов для музеефикации, объективное видение исторических и культурных процессов могут способствовать созданию живого, эмоционально насыщенного и достоверного поля исторической памяти. Именно проблема научного отбора, критики и интерпретации источников становится сегодня наиболее актуальной в музейной практике, особенно в работе с разнообразными объектами поликультурного наследия.

Эта работа может способствовать творческим открытиям в музейных залах, а может превратить их в скучные молчаливые пространства, может актуализировать наследие, способствовать поддержанию и развитию идентичности, а может повлечь за собой мани-

пуляцию общественным сознанием и, соответственно, понижение градуса социальной ответственности.

И здесь значимую роль играют не только музеи, но и общество, которое способно саморефлексировать «по поводу того, что именно необходимо сохранить и передать последующим поколениям из их воспоминаний и идентичности... Только коллективная идентичность, определяемая в рамках демократического процесса, может быть привлекательной и воспринятой всеми членами этого сообщества. Только послание, корреспондирующее с подлинной идентичностью местности и ее людей, может быть воспринято посетителями» [1, с. 47]. Общество тоже должно формировать и активно транслировать свою позицию, побуждая институты, в том числе музейные учреждения, к взаимодействию. В диалоге и сотрудничестве мы получаем шанс в непростых современных условиях сохранить и расширить горизонты культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваннини М.К. Музеи под открытым небом: полиморфная феноменология. Ситуация в Италии // Музеи-заповедники – музеи будущего: Междунар. науч.-практ. конф. Елабуга, 2015. С. 45–61.
2. Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 117–122.
3. Чувилова И.В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.

REFERENCES

1. Vannini M.K. Open air museums: a polymorphic phenomenology. The situation in Italy. *Muzei-zapovedniki – muzei budushchego: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Elabuga, 2015, pp. 45–61. (In Russ.)
2. Shelegina O.N., Kupershtokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovsky N.N. The scientific identity of local communities: the experience of formation and translation (on data of Novosibirsk scientific center, SB RAS). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 3, pp. 117–122. (In Russ.)
3. Chuvilova I.V. Museums classification and the heritage problems. *Muzei*. 2009, no. 5, pp. 20–25. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.12.2016

³ Безусловно, появление данного объекта на музейной карте страны вызвано целым рядом многообразных факторов, и это тема для отдельного серьезного разговора.

DOI: 10.15372/HSS20170114
УДК. 323.11 (574)

С.К. ЖЕТПЫСБАЕВ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ИХ РОЛЬ В КОНСОЛИДАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ассамблея народа Казахстана
Павлодарской области Республики Казахстан
Республика Казахстан, 140000,
Павлодарская область, г. Павлодар, ул. 1 Мая, 35/1

В статье дается анализ истории образования, становления и развития деятельности национально-культурных центров как механизмов реализации государственной национальной политики. Показано, что в становлении и развитии этнокультурных объединений огромную роль сыграла Ассамблея народа Казахстана как институт общенародного единства. Сделан вывод о том, что дружба этносов и национальное единство – это основные условия поступательного развития Казахстана.

Ключевые слова: этнос, национально-культурные центры, этнокультурные объединения, Ассамблея народа Казахстана, гражданское общество, дружба народов.

S.K. ZHETPYSBAYEV

ETHNIC-CULTURAL ASSOCIATIONS IN KAZAKHSTAN AND THEIR ROLE IN THE CIVIL SOCIETY CONSOLIDATION

Kazakhstan People's Assembly secretariat of
Pavlodar region of Kazakhstan Republic,
35/1, 1st of May Str., Pavlodar, 140000, Kazakhstan Republic

The active process of national cultures revival led to the creation of ethnic-cultural associations in the country. This article analyzes the reasons for forming national cultural centers and identifies ways of public associations. Topical presentation and study of ethno-cultural associations were outlined in the structure of Kazakhstan People Assembly. From the scientific heritage point of view, it shows the contribution of ethnic-cultural centers in preservation and development of language, traditions, customs and national culture. Kazakhstan realized in practice the principles of tolerance, harmony and tolerance, which became the fundamental public policy priorities. Kazakhstan has created a unique socio-political institution – the Assembly of People of Kazakhstan. Because of research activities of the Assembly it was concluded that ethno-cultural associations are one of the tools of civil consolidation of different ethnic groups and society as a whole, that the friendship of nationalities and national unity is a basic condition for Kazakhstan's progressive development in the world. The Assembly of People of Kazakhstan – this is the united people of Kazakhstan. The preservation of peace, harmony and stability in the civil harmonious society is one of the most important achievements for the independent state. These sacred values have become fundamental to all citizens of Kazakhstan. In difficult conditions, the Assembly was able to create an optimal model of relations among all ethnic groups of the population. It is based on mutual understanding and tolerance, patriotism and civic responsibility for the destiny of the country and representatives of all ethnic groups. The author has discovered a vast volume of very interesting experience of ethno-cultural associations.

Thus, ethnic-cultural associations as the Assembly of Kazakhstan People structure are active members of civil society in its consolidation.

Key words: *ethnos, national-cultural centers, ethnic-cultural associations, Assembly of Kazakhstan People, civil society, friendship of peoples.*

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев – канд. экон. наук, заместитель председателя, заведующий секретариатом, Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан, e-mail: sank-pavlodar2012@mail.ru.

Seysembay K. Zhetpysbayev – candidate of economic sciences, vice-chairman, Head, Kazakhstan People's Assembly secretariat of Pavlodar region of Kazakhstan Republic.

Анализ взаимовлияния гражданских институций и этнических общностей должен исходить из того обстоятельства, что феномен этничности сложен и многогранен. В исследовании целесообразно учитывать результаты изучения российскими и зарубежными исследователями понятия «этнос» [1, с. 58; 2, с. 56, 64–65; 3, с. 22–23; 4, с. 44–45] и «этническая группа» [5], а также их современную трактовку в трудах казахстанских ученых. Особый интерес представляют работы: Р.С. Арын [6], А.А. Акишева [7], Ж. Кыдыралиной [8], Г.Н. Иренова [9]. В них этнические проблемы рассматриваются с позиций политологии и социологии в контексте влияния социального фактора на межэтнические отношения и этнокультурные объединения. В Казахском этнополитическом словаре «этнос» (от *греч.* *ethnos* – народ, племя, группа людей, толпа) определяется как естественно-исторически сформировавшаяся устойчивая общность людей [10, с. 343]. К основным условиям возникновения этноса с учетом мнения казахстанских политологов следует отнести общность языка, территории, экономики, духовной и материальной культуры, а также самосознание, менталитет, религию, психологию. Данные признаки позволяют осознать общность происхождения и тем самым этническое родство.

В Казахстане представлены все этносы Евразийского континента. Если в 1920 г., по данным историков, в Казахстане было зафиксировано проживание представителей 30 этносов, то переписью 1970 г. их учтено 114, а в 1986 г. – уже 120. Согласно данным переписи 1999 г., в независимом Казахстане постоянно проживали представители почти 130 этносов, в настоящее время – 140 этносов [11, с. 19]. Полиэтничность казахстанского общества является исторически обусловленной объективной реальностью и его конкурентным преимуществом в современных условиях. Этническое многообразие в Казахстане представлено тюркскими, славянскими этносами, иранской, кавказской, финно-угорской и другими этническими группами.

Наиболее многочисленными являются семь этносов (доля каждого этноса в общей численности населения страны составляет более 1 %), а именно: казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы. На их долю приходится 95,6 % населения страны [11, с. 11]. «У нас каждый этнос создает орнамент своей жизни, сочетая его с узорами других этносов. И вместе мы творим уникальное, разноцветное бесценное полотно Великой истории под названием – Казахстан», – отметил Президент страны Н.А. Назарбаев в своем выступлении на XXI сессии Ассамблеи народов Казахстана¹.

«...Доставшаяся нам в наследие после распада СССР “дружба народов” трещала по всем швам. Вы все это прекрасно видели», – отметил в своем высту-

плении Н.А. Назарбаев на VIII сессии Ассамблеи народов Казахстана. Как только ослаб прессинг тоталитарного режима, национальные проблемы во всех республиках заявили о себе в полную силу на всем постсоветском пространстве. И тем не менее, крупных конфликтов в своей стране мы не допустили, поскольку межэтническое согласие мы определили приоритетным направлением государственной политики [12, с. 399]. Распад Союза ССР привел к образованию не только новых независимых государств, но и новых общественных формирований граждан, общественных, политических движений по этническим признакам, созданию объединений национально-культурного типа.

Возникновению общественных объединений граждан по этническим признакам способствовало принятие нормативных актов, законодательных положений об общественных объединениях, ослабление цензурных ограничений в сфере распространения информации и реализация прав граждан на свободу митингов, собраний, демонстраций. Созданию национально-культурных центров (далее НКЦ) способствовало стремление этносов к возрождению культурных, конфессиональных контактов, а также к воссозданию национальных обычаев и традиций [13, с. 102]. НКЦ с самых первых дней оказались в роли своеобразных штабов по работе со своими диаспорами и сыграли важнейшую роль в стабилизации сложной по тем временам обстановки. Одни центры оказывали содействие желающим выехать на историческую родину, другие помогали землякам обрести уверенность в новых условиях. Основной этап их развития начинается с принятия первого специального закона, регулирующего порядок создания и деятельности общественных объединений, в том числе НКЦ, – Закона «Об общественных объединениях» от 27 июня 1991 г. Принятие этого закона было обусловлено изменениями в общественно-политической ситуации в СССР.

Деятельность НКЦ в современных условиях является многогранной. Одним из приоритетных стало направление, связанное с решением языковых проблем и способствующее развитию гражданского общества в Казахстане. Язык, как составная часть культуры, стал важным этнодифференцирующим фактором. Однако не все этносы сегодня говорят на своих оригинальных языках. Для защиты прав и законных интересов этнических меньшинств важное значение имеет следующее положение Конституции РК: «Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана. Каждый гражданин Республики имеет право на пользование родным языком и культурой»². Для реализации этого конституционного права при НКЦ и домах дружбы создана сеть воскресных школ, языковых курсов, охватывающих языки практически всех этносов Казахстана [14].

Казахстан – многонациональное государство, и в нем русский язык был, есть и останется языком

¹ Выступление Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева на XXI сессии Ассамблеи народов Казахстана: «Стратегия «Казахстан – 2050»: «Культура мира, духовности и согласия» // Казахстанская правда. 2014. 19 апр.

² Конституция Республики Казахстан. Астана, 2008. Статья 7.

межнационального общения. В период становления независимости страны отношение к русскому языку было сложным. Серьезными проблемами для преподавания русского языка в общеобразовательных школах были: сокращение часов, отведенных на преподавание русского языка в казахских школах, ослабление русской языковой среды, установление вывесок в общественных местах только на государственном языке, что вызвало недовольство у русскоязычного населения. Постепенно ситуация с отношением к русскому языку выравнивается, и сегодня она становится позитивной. Согласно статье 7 Конституции РК русский язык официально употребляется в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским. Русский язык и культура за многие десятилетия существования единого государства стали для казахов и представителей других этносов неотъемлемой частью их духовной жизни, средством познания мира и формирования мировоззрения [15]. В Казахстане неуклонно растет стремление к овладению русским языком, знание его является насущной потребностью граждан и позитивным фактором для этносов республики. Как показали данные переписи населения 1989 г., русский язык стал для нерусских народов Казахстана вторым языком, которым они владеют свободно. Об этом заявили 4 млн 102 тыс. (62 %) представителей казахской национальности. По данным социологического опроса, 94 % представителей казахской национальности из числа республиканского актива хорошо владеют русским языком [16]. И тот, кто сегодня стремится овладеть современными достижениями науки, техники и культуры, непременно должен обратиться к русскому языку – языку межнационального общения этносов Казахстана.

Взаимоуважению и укреплению стабильности в стране будет способствовать одновременное изучение и государственного языка, и русского. Президент страны Н.А. Назарбаев отметил, что новое поколение казахстанцев должно быть, по меньшей мере, трехязычным, свободно владеть казахским, русским и английским языками [17]. Тезис о трехязычии – прорыв на новый виток развития страны, отважный вызов времени. Эффективная языковая политика способствует гражданскому согласию в республике, укреплению дружбы между проживающими в стране народами, сохранению стабильности и мира. Глава государства в Послании народу Казахстан: «Стратегия «Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства» подчеркнул: «Нас много, и мы все – одна страна, один народ. Быть полезным своей стране, быть ответственным за судьбу своей Родины – это долг и честь для каждого казахстанца» [17].

В круг задач НКЦ входит и сохранение для будущих поколений историко-культурного наследия всех этносов, проживающих на территории Казахстана, а также их незыблемых духовных ценностей – любви к родной земле и дружбы народов. Президент страны Н.А. Назарбаев указывает, что «именно понятие “дружба” есть основа мирной жизни. Все мы являемся

казахстанцами, имеющими равные права и равные возможности. Мы многонациональное общество. И в вопросе межнациональных отношений не должно быть “хороших” или “плохих” по этническим или другим признакам» [18].

История показала, что в Казахстане найдена наиболее удачная форма взаимодействия государства и этносов в виде НКЦ. Сегодня НКЦ проводят комплекс мероприятий, направленных не только на просвещение своей этнической группы, но и на сохранение ее в культурном и этническом плане в полиэтническом государстве. НКЦ занимают значительную долю среди общественных объединений. Роль и значение общественных формирований граждан в демократическом обществе очевидны. Если неправительственные и общественные организации Казахстана создаются для решения четко очерченных социальных задач общества и сегментируются в виде организаций молодежи, образовательных НПО, гендерных, обществ инвалидов и т.п., то роль НКЦ значительно шире. В их задачу входит весь спектр вопросов обеспечения национального единства народа Казахстана, включая его социально-политические, экономические и международные аспекты.

Принятый в 2008 г. Закон РК «Об Ассамблеи народа Казахстана» существенным образом повлиял на содержание деятельности НКЦ. Произошла замена прежнего названия «национально-культурные центры» новым – «этнокультурные объединения». Данный закон определяет цель работы этнокультурных объединений (далее – ЭКО) в составе Ассамблеи, а именно: обеспечение межэтнического согласия в республике в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахов.

В соответствии с данным законом ЭКО являются реальными акторами развития государства, его национальной политики. Активный процесс возрождения национальных культур привел к созданию в республике к 2000 г. 450 региональных ЭКО [19, с. 28], к 2010 г. – 800 [20, с. 63], а сегодня по всей стране функционируют 962³. В Казахстане сформировалась развитая этническая инфраструктура. Система ЭКО позволяет своевременно реагировать на возникающие проблемы в сфере межэтнических отношений, обеспечивать возможность эволюционного развития межэтнических процессов, целенаправленного управления процессами межэтнической интеграции, формировать действенные механизмы «обратной связи» в системе «государство и этносы». Таким образом, институциональное укрепление ЭКО стало мощным стимулом к консолидации их на общенациональных позициях, к более тесному межэтническому взаимодействию в сфере государственной политики. Через объединение

³ Корина Л. Дружба, движущая сила // Казахстанская правда. 2016. 10 марта.

усилий всех национально-культурных центров удалось создать такую организацию в лице Ассамблеи, которая сумела обеспечить конструктивный диалог между всеми этносами Казахстана, направленный на достижение мира и общественного согласия.

Ассамблея народа Казахстана – инновационная модель всенародного представительства интересов всех граждан и успешный инструмент молодой демократии [21]. Она консолидирует деятельность этнокультурных объединений по всей стране, 70 тыс. активистов. Всего в ее работе участвуют более 3 млн чел. Реализуется Концепция развития Ассамблеи до 2025 г., причем 97,5 % казахстанцев считают, что Ассамблея представляет интересы всего народа⁴. Ассамблея стала консолидирующим надполитическим органом народного суверенитета. Ее структура включает республиканские и областные национально-культурные центры и их филиалы в городах и районах регионов республики. Руководители центров являются членами Ассамблеи. В структуру Ассамблеи входят также секретариаты малых ассамблей, созданные в областных центрах.

Важным направлением деятельности Ассамблеи в плане возрождения и развития культур этносов Казахстана является функционирование домов дружбы, созданных при учреждениях управлений культуры, а затем постановлением акиматов областей реорганизованных в коммунальные государственные учреждения «Қоғамдық келісім» ГУ «Аппарат акима области». Дома дружбы проводят большую работу по сохранению и обогащению культуры, укреплению доверия между этносами. Заслуживает внимания деятельность дома дружбы Павлодарской области, в открытии которого в 2008 г. принимал участие Президент страны Н.А. Назарбаев [22, с. 23]. В здании размещается секретариат областной ассамблеи народа Казахстана, офисы 24 областных этнокультурных центров, координационный совет молодежных объединений, совет старейшин «Аксақалдар алқасы», совет общественного согласия, совет матерей, центр медиации, научно-экспертная группа, клуб журналистов, пресс-центр, школа национального возрождения им. К. Даржумана, музей им. М. Цветаевой, музей казаков, библиотека «Дары Правительства России», общество «Қазақ тілі», областной филиал Ассоциации русских, славянских и казачьих организаций. Здесь создана хорошая материально-техническая база: актовый зал на 200 мест, концертный зал на 300 мест, конференц-зал на 100 мест, оснащенные акустической и световой аппаратурой репетиционные и хореографические аудитории, компьютерные и учебные классы, музей и библиотека национальной культуры. При Доме дружбы работают 45 творческих коллективов, в том числе 22 хореографических и 23 вокальных ансамблей, и 5 клубов по интересам. Пять коллективов имеют звания «народных коллективов» (татарский, белорусский, немецкий и два казачьих). В Доме дружбы постоянно проводятся

мероприятия: выставки музейных экспонатов, фотографий и книг, концерты, кинопоказы, встречи с интересными людьми, научно-практические конференции, круглые столы и т.д.

С момента открытия Дом дружбы стал местом проведения официальных государственных мероприятий и форумов, совещаний, встреч, конференций, концертов как регионального, так и республиканского, и международного уровней. В 2012 г. в Доме дружбы прошел саммит двух глав государств России и Казахстана – В.В. Путина и Н.А. Назарбаева в рамках регионального и приграничного сотрудничества. Визитной карточкой Дома дружбы является областной фестиваль этнической культуры «Достық. Бірлік. Тәуелсіздік», в котором ярко представлено самобытное песенное и танцевальное искусство разных этносов региона. ЭКО регулярно проводят в Доме дружбы общенациональные праздники: Наурыз, Сабантуй, Масленица, День единства народа Казахстана, День памяти жертв политических репрессий, День духовного единства и согласия, День благодарности. Кроме того, каждый этнос отмечает свои традиционные народные праздники, возрожденные за годы независимости республики с приглашением представителей других этносов. В 2011 г. и 2015 г. под девизом «Мы – народ Казахстана» проведена общереспубликанская избирательная акция в поддержку кандидатуры Н.А. Назарбаева на пост Президента страны. В ней приняли активное участие представители ЭКО, а руководители центров выступили доверенными лицами Президента Республики Казахстан. Созданные и создаваемые во всех регионах страны дома дружбы олицетворяют воплощение масштабного этносоциального проекта, автором которого по праву можно считать лидера нации – Президента РК Н.А. Назарбаева. Сегодня именно дома дружбы, как ресурсные и методические центры, обеспечивающие деятельность региональных ассамблей, становятся центрами мира и общественного согласия, социально-ориентированной работы с населением, источником, стимулирующим развитие социальных и гражданских инициатив.

Под эгидой Ассамблеи благодаря объединению усилий всех ЭКО удастся обеспечивать конструктивное межэтническое взаимодействие в Казахстане. Убедительным подтверждением этому явились результаты социологических опросов, проведенных Академией государственного управления при Президенте страны и Министерством культуры РК. Более 50 % опрошенных уверены, что основной целью Ассамблеи народа Казахстана является сохранение традиций, культур и языков этносов; 35,4 % – защита интересов всех этносов страны; 32,3 % – консолидация общества; 31,2 % – сохранение общественного согласия и межэтнической толерантности. Миссию Ассамблеи народа Казахстана более 70 % респондентов видят в том, чтобы защищать интересы народа⁵.

⁴ Выступление Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева на XXI сессии Ассамблеи народа Казахстана...

⁵ Сыздыкова Л. Сохранять, сближать, укреплять // Казахстанская правда. 2014. 29 июля.

На основе анализа двадцатилетней деятельности Ассамблеи народа Казахстана можно утверждать, что ЭКО стали одними из первых самоорганизующихся институтов гражданского общества и основой межэтнического согласия в Казахстане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю.В. Очерк и теории этноса. М.: «Либроком», 2009. 440 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М.: «Алгоритм», 2007. 704 с.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. 496 с.
4. Торукало В.П. Нация, история и современность. М., 1996. 311 с.
5. Тугжанов Е.Л. Политика межэтнической толерантности и общественного согласия в Республике Казахстан: политологический анализ: дис. д-ра полит. наук. Астана, 2010. 351 с.
6. Арын Р.С. Статус титульного этноса: концептуальные подходы. Павлодар: ЭКО, 2006. 232 с.
7. Акишев А.А. Региональная политика Республики Казахстан. Павлодар: Керек, 2009. 210 с.
8. Кыдыралина Ж. Нация и история. Астана: Елорда, 2009. 303 с.
9. Иренов Г.Н., Арын Р.С. Этнополитология. Павлодар: ЭКО, 2008. 285 с.
10. Этнополитический словарь. Астана, 2014. 400 с.
11. Садуақасова А.К. Этности Казахстана. Алматы, 2012. 320 с.
12. Назарбаев Н.А. Сборник докладов на 1–10 сессиях Ассамблеи народов Казахстана. Астана: Елорда, 2005. 440 с.
13. Тугжанов Е.Л. Ассамблея народов Казахстана: исторический очерк. Алматы: «Раритет», 2010. 304 с.
14. Асламбекова Б. Баркалла, мой Казахстан // Достык-Дружба. Алматы, 2013. № 1. С. 40–43.
15. О проекте Концепции развития полиязычного образования в Республике Казахстан // Полиязычное образование в системе высшей школы: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конф. Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. С. 19–23.
16. Абсаттаров Р. Межнациональное согласие – критерий зрелости общества. Алматы: Мысль, 1994. № 5. С. 28–31.
17. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана: «Стратегия Казахстана – 2050: новый политический курс состоявшегося государства». Астана, 2012. 63 с.
18. Оспан Бердалы. Дружба – основа мирной жизни // Достык-Дружба. 2014. № 3. С. 21–23.
19. Сейсенова З. Малые ассамблеи растут и крепнут // Достык-Дружба. 2005. № 5. 79 с.
20. Тугжанов Е.Л. Ассамблея народа Казахстана в истории страны. Алматы: «КазАқпарат», 2015. 264 с.
21. Жетпysбаев С.К. Ассамблея народа Казахстана как институт общественного единства // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 109–113.
22. Жетпysбаев С.К. Дом, в котором мы живем. Павлодар: Тип. Сытина, 2011. 352 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Bromley Y.V. Ethnos essays and theory. Moscow: LIBROKOM, 2009, 440 p. (In Russ.)
2. Kara-Murza S.G. People disassembling. Moscow: Algorithm, 2007, 704 p. (In Russ.)
3. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. Leningrad, 1989, 496 p. (In Russ.)
4. Torukalo V.P. Nation, history and modernity. Moscow, 1996, 311 p. (In Russ.)
5. Tugzhanov E.L. The policy of ethnic tolerance and social harmony in the Republic of Kazakhstan: political analysis: doctor diss. Astana. 2010, 351 p. (In Russ.)
6. Aryn R.S. The status of the titular ethnos: conceptual approaches. Pavlodar: EKO, 2006. 232 p. (In Russ.)
7. Akishev A.A. Regional policy of the Republic of Kazakhstan. Pavlodar: Kerek, 2009, 210 p. (In Russ.)
8. Kydyralina J. The Nation and History. Astana: Elorda, 2009, 303 p. (In Russ.)
9. Irenov G.N., Aryn R.S. Ethnopolitology. Pavlodar: EKO, 2008, 285 p. (In Russ.)
10. Ethnopolitical dictionary. Astana, 2014, 400 p. (In Russ.)
11. Sadvakasova A.K. Ethnoses in Kazakhstan. Almaty, 2012, 320 p. (In Russ.)
12. Nazarbayev N.A. Reports collection of the 1–10 sessions of the Assembly of Peoples of Kazakhstan. Astana: Elorda, 2005, 440 p. (In Russ.)
13. Tugzhanov E.L. The Assembly of Kazakhstan peoples: a historical essay. Almaty: Raritet, 2010, 304 p. (In Russ.)
14. Aslambekov B. Barkalla, my Kazakhstan! *Dostyk-Druzhba*. Almaty, 2013, no. 1, pp. 40–43. (In Russ.)
15. Draft of the Concept of multilingual education development in the Republic of Kazakhstan. *Poliyazychnoe obrazovanie v sisteme vysshei shkoly: problemy i perspektivy: mezhhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Karaganda: Izd-vo KarGU, 2008, pp. 19–23. (In Russ.)
16. Absattarov R. Inter-ethnic accord is the criterion of society maturity. Almaty: Mysl, 1994, no. 5, pp. 28–31. (In Russ.)
17. Nazarbayev N.A. Message to people of Kazakhstan «Strategy of Kazakhstan – 2050: a new political course of established state». Astana, 2012, 63 p. (In Russ.)
18. Ospan Berdaly. Friendship is a basis of a peaceful life. *Dostyk-Druzhba*. Almaty, 2014, no. 3, pp. 21–23. (In Russ.)
19. Seisenova Z. Small assemblies grow and get stronger. *Dostyk-Druzhba*. Almaty, 2005, no. 5, pp. 79. (In Russ.)
20. Tugzhanov E.L. The Assembly of Kazakhstan peoples in the country history. Almaty: KazAkparat, 2015, 264 p. (In Russ.)
21. Zhetpysbaev S.K. The Assembly of Kazakhstan peoples as an institute of public unity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 2, pp. 109–113. (In Russ.)
22. Zhetpysbaev S.K. House where we live. Pavlodar: Typ. Sytina, 2011, 352 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170115

УДК 930(092); 930:001.12; 930:001.83(100)

П. ГЛУШКОВСКИЙ¹, Е.Н. ТУМАНИК²

**ПРОФЕССОР ВИКТОРИЯ СЛИВОВСКАЯ: ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЕНОГО
(к 85-летию со дня рождения)**

¹Институт русистики Варшавского университета,
Польша, 02-678, Варшава, ул. Штурмова, 4

²Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются основные вехи научной биографии профессора, д-ра ист. наук Виктории Сливовской – выдающейся польской исследовательницы, на протяжении более чем полувека активно интегрированной в советскую и российскую историческую науку и внесшей в нее свой яркий вклад. В. Сливовская – специалист по истории XIX в., политической ссылке, общественно-политическому движению и российско-польским отношениям, автор монографий и биобиблиографических словарей, основатель научной школы – много лет она возглавляла сектор в Институте истории Польской академии наук. В статье приводится историографический обзор главных трудов и концепций ученого.

Ключевые слова: история XIX в., современная польская историография, российско-польские научные связи, польская ссылка в Сибирь, российско-польские отношения.

P. GLUSHKOVSKY¹, E.N. TUMANIK²

**PROFESSOR VICTORIA SLIVOVSKAYA: CAREER OF THE SCIENTIST
(for the 85 anniversary of the birth)**

¹University of Warsaw,
4, Szturmowa str., Warsaw, 02-678, Poland

²Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

In this article, the landmarks of the professional biography of History Professor W. Sliwowska, a prominent Polish researcher, should be considered. For more than a half a century she has been being actively integrated into the Soviet and the Russian historical studies. Professor Sliwowska has made an important contribution to the academic research in Russia. In Russia, she is known as a great scholar and a longstanding co-chair of the Russian-Polish Commission of the Historians of Russian and Polish Academies of Science. Professor Sliwowska plays an important role among the Russian intelligentsia. Her scientific heritage belongs equally to both Poland and Russia. Professor Sliwowska is an expert on the history of the 19th century, on the political exile, on the socio-political movement and on the Russian-Polish relations. She is the author of monographs and biobibliographical dictionaries, translations, book reviews, documentary publications. Moreover, she is the founder of the school of thought in Poland. Many years she has led an academic department at the Institute for the History of Science of the Polish Academy of Sciences. The article presents an overview of the main research works and the concepts of W. Sliwowska. Her academic plans, her unique methodology of the historical research, and her social position should be discussed. The Name of Professor Sliwowska is indissolubly linked with the revival and the flourishing of the historical studies in Poland after the World War II. For the modern Historians, she is a great example of devotion to the studies and beliefs. By her works, she maintains the high level of the Polish historical school of thought. Professor Sliwowska takes a stand against vulgarization and politicization of the historical research, especially in the matters of penal servitude and exile. She criticizes the simplified, mythologized and ideologized approaches to the problem, which negatively affect the academic objectivism of research. Wiktoria Sliwowska is one of the most prominent and respected Polish Historians in Russia. Nowadays, her scientific and social heritage is being actively studied and popularized in Russia.

Key words: history of the XIX century, modern Polish historiography, Russian-Polish scientific relations, the Polish exile in Siberia, Russian-Polish relations.

Петр Глушковский – канд. ист. наук, заместитель директора, Институт русистики Варшавского университета, e-mail: gluszkowski@gmail.com.

Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, ученый секретарь, Институт истории СО РАН, e-mail: kattum@mail.ru.

Piotr Glushkovski – candidate of historical sciences, Deputy Director, University of Warsaw.

Ekaterina N. Tumanik – candidate of historical sciences, academic Secretary, Institute of History SB RAS.

Имя ординарного профессора, доктора исторических наук, почетного доктора Российской академии наук Виктории Сливовской неразрывно связано с возрождением и расцветом исторической науки в Польше после Второй мировой войны. Для современных историков она – не только легенда, но и замечательный пример преданности науке и убеждениям, человеческой стойкости, нравственности. Выдающийся ученый и выдающаяся личность, своими трудами много лет поддерживающая высокий уровень польской исторической школы, полностью и беззаветно преданная любимому делу. Сегодня можно говорить о феномене профессора Сливовской – в нем заключен не только творческий путь ученого, но и роль женщины в науке второй половины XX – начала XXI в.

Профессиональная карьера В. Сливовской складывалась блестяще, но позади благополучия и успеха осталось страшное военное детство – Виктория пережила все ужасы холокоста. В. Сливовская родилась 26 июня 1931 г. в Варшаве в семье антиквара и библиофила Д. Левин-Ласки (после Второй мировой войны известного как Вацлав Завадзкий) [1]; ее мать С. Фришман имела самое прямое отношение к науке – она была ассистенткой известного полярного исследователя А.Б. Добровского. После немецкой оккупации Варшавы Виктория с родными оказалась в гетто, где ее мать устроилась преподавать в школу. 31 августа 1942 г. С. Фришман была убита практически на глазах одиннадцатилетней дочери. Вскоре после трагедии девочку при помощи родной тетки спасли от неминуемой гибели – по поддельным документам на имя Виктории Заленской ее удалось увезти из гетто. После войны Виктория окончила лицей в Варшаве и в 1949 г. поступила на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Остается только поражаться стойкости характера молодой девушки, не сломленной ни нравственно, ни психологически, твердости ее духа и желанию жить, учиться и работать, реализоваться профессионально и личностно. В 1953 г. Виктория с отличием окончила институт и вернулась на родину уже вполне сложившимся молодым специалистом – ученым-историком. В Ленинграде Виктория встретила и свое личное счастье – здесь в 1950 г. она вышла замуж за однокурсника Рене Сливовского (1930–2015), будущего выдающегося филолога-литературоведа, переводчика и соавтора многих ее работ [2].

Следует полностью согласиться с мнением В.О. Сеницына, что сегодня «Виктория Сливовская – один из самых известных и уважаемых в России польских историков» [3, с. 148]. Известность в России она получила не только как крупный исследователь и многолетний сопредседатель Российско-польской комиссии историков РАН и Польской АН, но также благодаря своему характеру, общительности и широкому кругу российских друзей. Сегодня можно говорить о складывании отечественной историографической традиции изучения ее научного и общественного наследия. В связи с этим, в первую очередь, следует отметить

работы уже упомянутого В.О. Сеницына, защитившего кандидатскую диссертацию о В. и Р. Сливовских, и А.В. Гатиловой [3; 4; 5]. Укажем также несколько небольших, но достаточно емких юбилейных публикаций, увидевших свет в связи с 70-летием проф. Сливовской, – они написаны видными российскими историками-славистами Л.Е. Горизонтовым, Б.В. Носовым и А.М. Ореховым. Безусловно, эти сообщения стали предпосылочными для начала становления фундаментальных исследований, посвященных В. Сливовской [6; 7].

В польской литературе обобщающих работ такого рода пока не появилось. О вкладе проф. В. Сливовской в науку писали Е. Небельский и З. Вуйчик в журнале «Вроцлавские восточные исследования», В. Цабан и П. Глушковский [8; 9; 10]. Особо следует выделить юбилейное (к 75-летию ученого) издание «Ссылные после Январского восстания в Российской империи», подготовленное друзьями и учениками проф. В. Сливовской под общей редакцией проф. Е. Небельского. Помимо 28 научных публикаций, сборник включает краткую биографию проф. В. Сливовской и библиографический список ее работ с 1954 по 2007 г. Особого внимания заслуживает статья Б. Петрозолин-Сковроньской о проблематике ссылки в историческом наследии юбиляра, в которой сделана сильная попытка дать историографический обзор работ В. Сливовской по указанной теме [11]. В 2012 г. многолетняя коллега и сотрудник В. Сливовской А. Брус подготовила сборник избранных статей В. Сливовской (всего – 31 статья) под названием «Исторические peregrinacii. Наброски об истории поляков и русских в XIX веке» [12]. Статьи сгруппированы в несколько глав в соответствии с главными научными проблемами, которыми занималась В. Сливовская: история декабристов, русская эмиграция XIX в., заговоры и мятежи против режима Российской империи, ссылка в Сибирь. В издание также вошла публицистика, посвященная некоторым историческим проблемам политики и проблемам современности. Но не будет большой ошибкой подчеркнуть, что фундаментальное, аналитическое и объективное начало изучению научного наследия В. Сливовской заложено на сегодняшний день именно в российской историографии.

Научный путь В. Сливовской начался в 1953 г., когда после возвращения в Варшаву она поступила в аспирантуру к выдающемуся польскому историку проф. С. Кеневичу (1907–1992, с 1965 г. чл.-кор. Польской АН). С 1954 г. жизнь В. Сливовской оказалась связана с Институтом истории Польской академии наук, в становление и развитие которого она внесла огромный вклад, пройдя путь от аспирантки до заведующей сектором и проработав в нем более 50 лет. Научные интересы Виктории определились очень рано – это история Польши и России XIX в., общественно-политическое движение XIX в., польско-российские общественно-политические и культурные связи и взаимовлияние, история ссылки (особенно польской ссылки в Сибирь).

В семинаре проф. С. Кеневича Виктория получила серьезную источниковедческую и археографическую подготовку, творчески развив навыки и умения, приобретенные в студенческие годы. Научным приоритетом С. Кеневича была публикация источников, тонкая и вдумчивая работа с документом; он считал, что публикация источника с комментарием оказывается порой гораздо важнее монографического исследования. Не случайно именно он возглавил ряд масштабных совместных проектов с советскими учеными по изданию документов. В. Сливовская, как одна из лучших его учениц, вскоре заняла достойное место рядом со своим научным руководителем, на долгие годы став его верным сотрудником. Для нее это была замечательная школа, где она приобрела неоценимый исследовательский опыт, благодаря которому к началу 1970-х гг. стала виднейшим ученым в своей области и в Польше, и в России.

Под руководством проф. С. Кеневича В. Сливовская начала работу в научном подразделении, занимавшемся изучением Польского восстания 1863 г. В 1963 г. она защитила диссертацию, посвященную петрашевцам, спустя год опубликовала свою первую монографию «Дело петрашевцев» (1964). А ее новая книга «Николай I и его эпоха (1825–1855)» (1965) стала настоящим научным бестселлером. Это была первая научная биография Николая I на польском языке. В. Сливовская, коснувшись деятельности будущего монарха до 1825 г., основное внимание сосредоточила на 30-летнем царствовании Николая, при этом особый интерес вызвал у нее «польский вопрос» в политике императора. Книга была адресована широкому кругу читателей, написана живым и доступным языком, основана на архивных документах и новейшей литературе. Сегодня профессор В. Сливовская считает, что излишне критически подошла к Николаю I и в XXI в. по-другому написала бы этот труд.

Под влиянием С. Кеневича Виктория с воодушевлением берется за публикацию источников. Ее первыми работами с аналитическими вступительными статьями и комментариями стали «Воспоминания революционера» П. Кропоткина (1959) и двухтомник «Памятники декабристов» (1960), увидевшие свет в Варшаве. В. Сливовская перевела на польский язык «Письма об Испании» В.П. Боткина (1983), подготовила к печати «Воспоминания» Л.Ф. Пантелеева (1964), добавила предисловия к ряду других важных публикаций русской мемуаристики.

Комментарии проф. Сливовской необычайно деликатны, емки и ненавязчивы, но вместе с тем обстоятельны – на переднем плане у нее главные герои, сама она отходит, как правило, на второй план. Тем не менее, удачно расставляя основные акценты, Виктория ведет читателя и сам источник в выбранном ей направлении, формируя ясное представление о своем исследовательском кредо. Умение точно, бережно и объективно подать источник, вписать его в исторический контекст – это главное качество Сливовской-публикатора, помноженное на изумительную археографи-

ческую культуру и высочайший научный уровень. Публикация мемуаристики станет важнейшей составляющей всей научной деятельности В. Сливовской. Особое внимание она будет уделять воспоминаниям поляков из Сибири и в XIX в., и XX в. Важно иметь в виду, что В. Сливовская понимает Сибирь не только как географическую часть России, но и как место ссылки тысяч поляков, а это означает, что кроме географической Сибири сюда включались и Казахстан, и Архангельская губерния, и Поволжье, и другие районы (эта особенность характерна для польской историографии в целом). В предисловии к Словарю польских ссыльных (1998), о котором речь пойдет ниже, В. Сливовская раскрывает свое понимание Сибири (что концептуально важно для российской исторической лексики): «Сибирь – это не географическое понятие, а совокупность пережитого польскими ссыльными на огромных пространствах Российского царства. В этом смысле Сибирь (ментальная Сибирь) охватывает не только географическую территорию Сибири, но также Дальний Восток, киргизские степи, Пермскую и Архангельскую губернии, сегодняшнюю территорию Казахстана и практически все другие территории Российской империи и СССР, куда ссылались поляки» (цит. по: [10, с. 12]). В 1990-е гг. проф. В. Сливовская особенно часто обращалась к публикации воспоминаний поляков из Казахстана (Триптих казахстанский: Воспоминания из ссылки: Мариан Папиньский, семья Малаховских, Леслава Доманьская, 1992; В степях Казахстана: Воспоминания, 1993), с Соловецких островов (Случайности XX века: 20 лет на Соловецких островах и Колыме. 1935–1955. Валенты Воронович, 1994), издала мемуары Валериана Станишевского (1994). В 2007 г. вместе с А. Брус В. Сливовская обратилась к изданию источников по непростой проблематике Кругобайкальского восстания, поставив вопрос о его целесообразности («Восстание польских каторжников на Кругобайкальском тракте. Четыре сообщения – Вильгельм Бушкат, Петр Дренговский, Адам Ястжембский, Зигмунд Одживольский»). Последней опубликованной ею книгой стал альбом (штамбух) ссыльного Цыприана Дунина-Вонсовича из Омска (Штамбух Цыприана Дунина-Вонсовича, 2015).

С начала 1960-х гг. В. Сливовская как признанный специалист-археограф под руководством проф. С. Кеневича активно включается в советско-польский проект по изданию серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы» (1961–1994: в 30 т.) в качестве одного из составителей и члена главной редакции. Еще одна многотомная советско-польская документальная серия «Польское освободительное движение и общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы», целью которой было введение в научный оборот новых материалов из российских архивов, начала выходить с 1978 г. под фактическим руководством В. Сливовской (член главной редколлегии, составитель и комментатор). Особо отметим вышедший в рамках этой серии биографический

справочник «Участники освободительных движений в 1832–1855 годах (Королевство Польское)» (1990), авторами которого стали с польской стороны В. Сливовская и А. Шкалковский, а с советской В.А. Дьяков и В.М. Зайцев.

С этого времени В. Сливовская, признанный специалист по исторической биографике, проявляет огромный интерес к персоналиям, к систематизации личных данных и выходит на важнейшую область современной исторической науки – составление биографических справочников и словарей. Познакомившись с методикой В.А. Дьякова, буквально впитав его принципы, она начинает активно разрабатывать и внедрять уже свои методы и подходы – с середины 1990-х гг. и по сей день – составление биографических словарей становится магистральным направлением в ее работе. В. Сливовская выработала собственную методологию составления биографических справочников, в которой нашли отражение как принципы советской школы (В.А. Дьяков), так и традиции польской исторической биографики XIX – первой трети XX в. Изучение ее методологии и применение в современной отечественной исследовательской практике имело бы, на наш взгляд, большое значение для повышения уровня составляемых биографических справочников и словарей.

Одним из главных в научной карьере Виктории Сливовской стал проект Института истории Польской АН «Польские ссыльные в Российской империи». Под ее руководством была составлена уникальная, пополняемая и по сей день персональная картотека ссыльных, частично перенесенная в электронную базу данных. Она включает самые разнообразные, обширные сведения из российских и польских архивов об участниках освободительного движения. В 1998 г. В. Сливовская публикует солидный биографический словарь «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века», включающий 2674 персоналии (вместе с приложениями – информацию о 3500 ссыльных). Издание было подготовлено благодаря сотрудничеству со многими исследователями из России, прежде всего из Сибири, которые помогли собрать данные о ссыльных в российских архивах. После публикации биографического словаря многие энтузиасты начали дополнять картотеку ссыльных Института истории Польской АН, благодаря чему стало возможным новое расширенное издание словаря. В такой успех словаря внесли свою лепту многие коллеги Виктории Сливовской, особенно Анна Брус. Подчеркивая значение этого фундаментального издания, Л.Е. Горизонтов отмечает: «Ничего даже близко похожего по дерзости замысла и тщательности исполнения польская наука до сих пор не знала. И это лишь первый этап реализации проекта» [6, с. 124]. В последние годы проф. Сливовская готовит к печати новый биографический словарь, который, по ее мнению, станет наиболее полной базой данных обо всех выявленных к настоящему моменту польских ссыльных в Сибирь.

На исследовательский почерк проф. Сливовской в огромной мере повлияло научно-творческое сотрудничество с Рене Сливовским, предопределившее междисциплинарный подход в ее работах, особенно актуальный сегодня. Повествовательность, пристальное внимание к личности и источнику (особенно личного происхождения – мемуарам, письмам) – характерные черты творчества В. Сливовской; на первый план в ее работах выходит явление, историческая фигура, исторический процесс; ее комментарии и выводы органичны и ненавязчивы – таким путем автор движется к объективности. Историк не давит своим авторитетом, ее выводы основаны на глубочайшем и вдумчивом анализе документов. При этом В. Сливовская всегда эмоциональна – у нее есть особое мнение по каждому вопросу и особое отношение к своим героям – без излишней идеализации или следования догмам, авторитетам. Она стремится к правде – и этим все сказано. Так было в ее научной работе во все времена, при любой власти. Виктория Сливовская, как и ее муж Рене, никогда не состояли ни в каких политических партиях и организациях. Они подчеркивали, что большинство работ написали совместно, даже если на обложке указано только одно из имен¹.

Примером такого соавторства (с Р. Сливовским) является монография «Александр Герцен» (1973), историческая и литературоведческая одновременно. Актуальность появления этой книги была обоснована советским полонистом И.С. Миллером, отметившим важность изучения взглядов А.И. Герцена по польскому вопросу [3, с. 149]. В середине 1960-х гг. особое внимание В. Сливовской привлекает личность А.И. Герцена в контексте общественно-политической ситуации в России. В 1971 г. она публикует монографию «В кругу предшественников Герцена». Постепенно «герценовская» проблематика на несколько лет захватывает Викторию, но без серьезной литературоведческой составляющей раскрытие этой темы было бы немыслимо. Книга о Герцене вышла большим тиражом и сразу стала одним из самых популярных научных изданий среди любителей истории. Сливовским удалось приблизить к польскому читателю наследие и личность А.И. Герцена и одновременно показать, что в 1860-е гг. за независимую Польшу плечом к плечу с поляками боролись и некоторые русские деятели. Насколько эта книга оказалась важна, свидетельствует и тот факт, что сейчас В. Сливовская работает над новым дополненным изданием, которое должно выйти из печати в начале 2017 г.

С 1954 г. началась активная работа В. Сливовской как рецензента, что было особенно важно в контексте сближения двух исторических школ – именно она практически первой знакомила польских исследователей и читателей с достижениями советской исторической науки, регулярно публикуя объективные, аналитические и чрезвычайно содержательные обзо-

¹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=qcEKx5HUAse> (дата обращения: 27.03.2017).

ры научных трудов, издававшихся по общественно-политической истории XIX в. Среди ее важнейших рецензий следует отметить очерки, посвященные монографиям М.В. Нечкиной «Движение декабристов» (1957), И.А. Федосова «Революционное движение в России в XIX в.» (1959), П.Н. Ольшанского «Декабристы и польское национально-освободительное движение» (1961), С.Б. Окуня «Декабрист М.С. Лунин» (1964), И.В. Пороха «Герцен и Чернышевский» (1964), Н.Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты "Полярной звезды"» (1967) и «Лунин» (1970), Н.М. Пирумовой «П.А. Кропоткин» (1973), сборникам «Декабристы. Новые материалы» под редакцией М.К. Азадовского (1958), «Декабристы в Москве» под редакцией Ю.Г. Оксмана (1963), «Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.)» под редакцией Л.М. Горюшкина (1985). В. Сливовская известна и как переводчик – благодаря ей увидели свет в Польше и стали доступны польскому читателю монографии советских ученых О.П. Морозовой «Бронислав Шварце» (1982), Ю.И. Штакельберга «Повстанческие печати. 1863–1864 гг.» (1988), Н.Я. Эйдельмана «Лунин – адъютант великого князя Константина» (Варшава, 1976) и «Павел I, или Смерть тирана» (1990) (два последних перевода выполнены совместно с Р. Сливовским) [11, р. 13–22].

В 1990-е гг., продолжая заниматься традиционными для себя темами, В. Сливовская отдает много времени публикации мемуарной литературы по истории XX в., выражая тем самым и свою общественную позицию в посткоммунистической Польше. В 1992–1993 гг. она готовит к печати документальный сборник «Дети холокоста говорят...», продолжением которого становится издание «Черный год... черные годы...» (сост. и комм. В. Сливовской, 1993). В 2014 г. она опубликовала книгу «Слезы по Варшаве», в которой на основе собственного опыта, а также дневника Зоффи Корчак-Завадзкой («Алдона») и Марии Дыбачевской («Иоанна») попыталась показать Варшавское восстание глазами женщин, которые описывают его повседневность. Издание знаменует серьезный шаг вперед в области изучения военной повседневности эпохи Второй мировой войны, а также истории женщин как в плане общих методологических подходов, так и в частном ракурсе – в рамках конкретного периода военной истории.

Глубокое изучение мемуаристики, осмысление проблемы коллективной памяти отдельно взятой семьи в русле исследования роли Сибири в жизни польского народа привело В. Сливовскую к написанию монографии «Сибирь в жизни и памяти Гейшторов – ссыльных после Январского восстания. Вильно–Сибирь–Вятка–Варшава» (2000), в которую вошли мемуары и записки Якуба Гейштора, а также биограммы всех ссыльных Гейшторов и более тысячи других ссыльных, с которыми встречался герой книги. Эта публикация на материале двадцатилетнего сибирского опыта Я. Гейштора прекрасно освещает проблемы и механизмы адаптации поляков и литвинов в ссылке.

Наконец, из работ В. Сливовской последних лет отметим монографию «Побеги из Сибири» (2005) и публикацию дневников Ю.Г. Сабиньского (2009). Важность этих изданий для Польши огромна – и радует то, что сегодня обе эти книги переведены на русский язык. Первая из книг представляет собой настоящий научно-исторический бестселлер, который получил первый приз «KLIO» (специальная награда польского журнала «Восточное обозрение») за лучшую историческую книгу в 2005 г. Для автора самым важным является то, что ей удалось заинтересовать историков-любителей, о чем свидетельствовали отклики читателей и допечатка тиража. «Побеги из Сибири» были блестяще переведены на русский отличными знатоками российско-польской проблематики XIX в. В.А. Хоревым, В. Мочаловой и Е. Шиманской. Книга вышла в России в 2014 г. и получила положительные рецензии в профессиональных журналах [13]. Она построена на солидной источниковой базе, включающей польскую мемуариистику, практически неизвестную в России. Композиционно книга делится на две части: первая – «Сосланные после Ноябрьского восстания» и вторая – «Сосланные после Январского восстания». Помимо громких и резонансных историй, в монографии приводится значительный фактический материал о побегах малоизвестных или вовсе неизвестных, о которых мы узнаем впервые, благодаря внимательным и кропотливым архивным поискам автора.

Огромное значение для изучения истории Сибири середины XIX в., особенно для декабристведения, имеет публикация дневников Ю. Сабиньского, осуществленная при непосредственном участии В. Сливовской. На русском языке источник в переводе О.Г. Басовой опубликован в 2014–2015 гг. Иркутским музеем декабристов. В дневниках подробно представлена картина сибирской жизни того времени, приводятся многочисленные факты о местном обществе (Иркутск, Усолье, Урик и др.), ссыльных, чиновниках и купечестве, но самое главное – о повседневной жизни декабристов на поселении в Восточной Сибири. Эти сведения являются настолько информативными, новыми и уникальными, что не только существенно дополняют историю декабристской ссылки, но и способны совершить небольшой переворот в ее изучении. Значение этого источника, по сути, не введенного у нас в научный оборот, еще предстоит оценить. В. Сливовская рассказала, что, едва познакомившись с дневниками Ю. Сабиньского, она сразу же осознала всю их научную значимость и поставила себе целью непременно опубликовать их. Ее небольшой исследовательский коллектив (Виктория и Рене Сливовские, Ян Трынковский) с увлечением трудился несколько лет – и вот в 2009 г. трехтомное издание с приложением вышло из печати [14].

Сегодня В. Сливовская занимает твердую позицию против вульгаризации и политизации исторической науки, особенно всего того, что связано с проблематикой каторги и ссылки. В монографии «Польские политические ссылки в Сибири в первой половине

XIX века. Мифы и действительность» (1991) она подвергла критике упрощенные, мифологизированные и идеологизированные подходы к указанной проблеме, поскольку они пагубным образом отражаются на подлинно научных исследованиях. Как крупный специалист по истории XIX в. и политической ссылки, В. Сливовская выступает против проникновения в исторические концепции такого, к примеру, антинаучного понятия, как «царский Гулаг», широко культивируемого современными западными и польскими историками, а также против выстраиваемой ими «тоталитарной цепочки» от эпохи самодержавия к Ленину, Сталину и вплоть до современности. Она подчеркивает: «Хотелось бы... сказать, что глубоко ошибаются историки и особенно журналисты, у нас и за рубежом, называя ссылку в Российской империи “царским Гулагом”. Русское государство... было самодержавной монархией...; оно не имело ничего общего с тоталитарной системой. Целью всех видов ссылок от каторги до жительства не было истребление “неудобных” элементов населения, но их изоляция и... ресоциализация; когда кончался назначенный срок (по амнистиям всегда сокращаемый) и власти приходили к выводу, что наказанного можно считать лояльным подданным, он мог вернуться на родину. ...Царские власти боролись с настоящими противниками, мы можем считать наказания слишком строгими, но они применялись по существующим законам. ... Наказанные поляки... использовались для колонизации захваченных территорий, но для этого они получали большие ссуды и хорошие участки земли. <...> Я приводила... примеры хорошо зарабатывающих вопреки официальным запретам – врачей, учителей, чиновников из ссыльных. Были среди них и известные ученые, работы которых поощряло Императорское Географическое общество <...> Были случаи, когда бывшие ссыльные становились собственниками золотых приисков, оставались добровольно в Сибири или возвращались на родину с золотом...» [15, с. 26–27].

Мы имеем полное право говорить о духовном авторитете профессора Сливовской, которая, как отмечает В.О. Сеницын, «во всех исследованиях стремится разделить для своего восприятия и для истории мифы и действительность, правду и ложь, истинные и мнимые ценности» [4, с. 64]. В 2008 г. в Варшаве вышла книга воспоминаний Виктории и Рене Сливовских «Россия – наша любовь», из которой видно, как тесно их частная жизнь переплетается с воссозданием широкой картины жизни научной и творческой элиты Советского Союза. Это объективные и непредвзятые, предельно честные мемуары – Сливовские пишут о своих друзьях и коллегах В.А. Дьякове, Ю.М. Лотмане, И.С. Миллере, М.В. Нечкиной, а также о Булате Окуджаве, Корнее Чуковском, Ираклии Андроникове и многих других – обо всех тех, с кем они общались и кто оказал на них научное и идейное влияние в начале их пути в науку и в жизнь. Нет нужды говорить о том, что это бесценный исторический источник по истории совет-

ской интеллигенции, предельно точный и без прикрас – проф. В. Сливовская показала замечательный пример того, как нужно писать мемуары. А выход их из печати в Польше стал практически гражданским подвигом для авторов.

Несмотря на занятость, многообразие обязанностей, исполнения которых требует само положение, которое она занимает в науке, Виктория Сливовская всегда готова помогать молодым исследователям, особенно тем, кто занимается польско-российской проблематикой XIX в. Не будет преувеличением сказать, что профессор Виктория Сливовская является представителем не только польской интеллигенции и науки – она и ее наследие принадлежат и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Śliwowska W. Rzecz o Wacławie Józefie Zawadzki. Warszawa, 2006. 384 s.
2. Brus A., Filipowicz M., Niebelski E. Profesor Wiktoria Śliwowska // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane profesor Wiktorii Śliwowskiej. Red. E. Niebelski. Lublin; Warszawa, 2008. S. 9–12.
3. Сеницын В.О. Научная деятельность Виктории и Рене Сливовских // Вестн. Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та. 2010. № 3 (21). С. 148–151.
4. Сеницын В.О. Проблемы истории польской ссылки в России в XIX веке в исследованиях В. Сливовской // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 1. С. 58–64.
5. Гатилова А.В. Виктория Сливовская как исследователь польской ссылки // Clio Moderna. Зарубежная история и историография / под ред. И.И. Шарифжанова. Казань, 2011. Вып. 8. С. 51–71.
6. Горизонтов Л.Е. Юбилей Виктории Сливовской // Славяноведение. 2001. № 5. С. 123–125.
7. Носов Б.В., Орехов А.М. К юбилею профессора В. Сливовской // Отечественная история. 2001. № 6. С. 115–117.
8. Niebelski E., Wójcik Z.J. Jubileusz Profesora Wiktorii Śliwowskiej // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2008. T. 12. S. 367–369.
9. Цабан В. Профессор Виктория Сливовская – исследователь истории России и польской ссылки // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Мулина. Омск, 2015. С. 23–31.
10. Глушковский П. Современные польские исследования по истории Сибири (Виктория Сливовская и Антони Кучинский) // Польские исследователи Сибири: сб. науч. стат. / отв. ред. Б.С. Шоштакевич, П. Глушковский. СПб., 2011. С. 9–17.
11. Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane profesor Wiktorii Śliwowskiej. Red. E. Niebelski. 446 s.
12. Śliwowska W. Historyczne peregrynacje. Szkice z dziejów Polaków i Rosjan w XIX wieku. Warszawa, 2012. 494 s.
13. Туманик Е.Н. Рец. на кн.: Сливовская Виктория. Побег из Сибири. СПб.: Алетейя, 2014 // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 104–105.
14. Sibiński J.G. Dziennik syberyjski. Oprac. W. i R. Śliwowsky, J. Trynkowski. Warszawa, 2009. T. I. 508 s.; T. II. 518 s.; T. III. 170 s.; T. IV. 136 s.
15. Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1. С. 16–28.

REFERENCES

1. Slivovska V. On Wacław Josef Zawadzki. Warsaw, 2006. 384 p. (In Pol.)
2. Brus A., Filipovich M., Nebelski E. Professor Wiktoria Slivovska. The exiles after the January revolt in the Russian Empire. Studies

dedicated to professor Victoria Slivovska. Ed. E. Nebelski. Lublin; Warsaw, 2008, pp. 9–12. (In Pol.)

3. Sinitsin V.O. Scientific activities of Victoria and Renee Slivovsky. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2010, no. 3 (21), pp. 148–151. (In Russ.)

4. Sinitsin V.O. History problems of Polish exiles in the XIX century Russia in V. Slivovskaya's investigations. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2012, no. 1, pp. 58–64. (In Russ.)

5. Gatilova A.V. Victoria Slivovskaya as a researcher of Polish exiles. *Clio Moderna. Foreign History and Historiography*. Ed. I.I. Sharifzhanov. Kazan, 2011, iss. 8, pp. 51–71. (In Russ.)

6. Gorizontov L.E. Victoria Slivovskaya's jubilee. *Slavyanovedenie*. 2001, no. 5, pp. 123–125. (In Russ.)

7. Nosov B.V., Orekhov A.M. For Professor V. Slivovskaya's jubilee. *Otechestvennaya istoriya*. 2001, no. 6, pp. 115–117. (In Russ.)

8. Nebelski E., Wujcik Z.J. Professor Victoria Slivovska's jubilee. *Vroclavske Shtudia Vshodne*. 2008, vol. 12, pp. 367–369. (In Pol.)

9. Tsaban V. Professor Victoria Slivovska – researcher of the history of Russia and the Polish exile. *Polish exiles in Siberia in the second half of the XVIII - the beginning of the XX century in the perception of the Russian administration, frontiersmen and Aboriginal people of Siberia:*

Scientific publication of articles. Ed. S.A. Mulina. Omsk, 2015, pp. 23–31. (In Russ.)

10. Glushkovsky P. Modern Polish studies of the history of Siberia (Victoria Slivovskaya and Anthony Kuchinsky). *The Polish researchers of Siberia. Collection of scientific articles*. Ed. B.S. Shostakovich, P. Glushkovsky. St. Petersburg, 2011, pp. 9–17. (In Russ.)

11. The exiles after the January revolt in the Russian Empire. Studies dedicated to professor Victoria Slivovska. Ed. E. Nebelski. 446 p. (In Pol.)

12. Slivovska V. Historical peregrinations. Essays by the history of Poles and Russians in the XIX century. Warsaw, 2012, 494 p. (In Pol.)

13. Tumanik E.N. Review of the book: Slivovskaya Victoria. Getaways from the Siberia. St. Petersburg: Aletheia, 2014. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014, no. 3, pp. 104–105. (In Russ.)

14. Sabinsky J.G. The Siberian Diary. Prep. V. and R. Slivovsky, Ya. Trynkovsky. Warsaw, 2009, vol. I, 508 p.; vol. II, 518 p.; vol. III, 170 p.; vol. IV, 136 p. (In Pol.)

15. Slivovskaya V. Polish Siberia – myths and reality. *Novaya Pol'sha*. 2010, no. 1, pp. 16–18. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.02.2017

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20170116
УДК 94(571.1/.5).073

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

**КОМАНДНЫЙ СОСТАВ СИБИРСКИХ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ
И ЕГО СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1744–1819 гг.)***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. А. Николаева, 8

В статье представлены краткие биографические данные и служебная деятельность высшего командного состава Сибирских укрепленных линий. Установлено, что среди командующих линий преобладали потомки представителей немецко-балтийского дворянства, перешедших на русскую службу в период Северной войны. Такое преобладание бывших подданных иностранных государств, по мнению автора, было вызвано непрестижностью службы на далеких восточных окраинах империи и нежеланием представителей коренного российского дворянства нести нелегкую рутинную службу по охране ее рубежей. Показан вклад командующих линий в создание системы безопасности на южных рубежах Сибири, а также в хозяйственное и культурное развитие приграничной территории.

Ключевые слова: Сибирские укрепленные линии, Сибирский корпус, командующие войсками, биографические сведения, административная деятельность, «культурный авангард».

I.P. KAMENETSKIY

**COMMANDERS OF THE SIBERIAN FORTIFIED DEFENSE LINES
AND THEIR OFFICIAL ACTIVITY (1744–1819)**

Institute of History of SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The objective of the article is to review the biographic information and administrative activities of the commanders of military units of the Siberian fortified defense line, to research their contribution to ensuring the secure environment for the peoples of the Southern Siberia and adjacent territories as well as to the economic and cultural development of the region.

The author has shown that the majority of the Siberian defense lines commanders was made by the descendants of immigrants from the former German lands, representatives of Baltic-German nobility who switched to the Russian service during the Great Northern War and successfully integrated into the Russian multi-ethnic society. By virtue of their origin, education, special training they were not only good performers of government policies, but also agents and leaders of many European innovations in Siberia being its “cultural avant-garde” Y.M. Lotman.

Due to their knowledge and experience gained in military campaigns and during the construction of fortifications in the Caucasus, the descendants of the former German knights and other military experts were successfully solving complex tasks while participating in the process of the unified system of Russian defensive lines’ creation and made a significant contribution to the economic and cultural development of the border area and Siberia in

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-01-00471 «Землепроходцы и первопоселенцы Сибири».

Иван Павлович Каменецкий – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: kameneckiiivan@mail.ru.

Ivan P. Kamenetskiy – candidate of historical sciences, Senior Researcher, Institute of History of SB RAS.

general. Their activity significantly intensified exploration and colonization of the vast region, facilitated safe living conditions there, and also led to the advanced production methods, new management culture, literacy, religious tolerance among the local population and, thus strengthening Russia's influence on the southern borders of Siberia and adjacent territories.

Key words: Siberian fortified defense lines, Siberian Corps, Commanders, biographic data, administrative activities, "cultural avant-garde".

История создания Сибирской укрепленной линии и Сибирского корпуса, призванного обеспечить охрану новых российских владений, уже стала предметом научного изучения [1; 2; 3]. Но административная, хозяйственная, культуртрегерская и другая деятельность командующих линий, командиров отдельных участков границ (дистанций), их взаимодействие с губернской властью, с кочевыми народами не получили еще достаточно полного освещения. Имеющиеся в литературе и источниках разрозненные биографические сведения о сибирских пограничных начальниках также не позволяют судить об их образовательном и социокультурном облике, вкладе в экономическое и культурное развитие приграничных территорий.

Система укреплений на юге Сибири представляла собой несколько наспех построенных, удаленных друг от друга, разнотипных деревянных крепостей, где несли службу малочисленные гарнизоны, которые не были серьезным препятствием для вражеских нападений и не могли служить плацдармом для дальнейшего русского продвижения на юг. По словам видного военного инженера, историка Ф.Ф. Ласковского, сибирские укрепления представляли собой «какую-то смесь системы крепостей времени первых завоевателей Сибири и полтавских победителей», не отвечавшую своим оборонным целям [4, с. 155–156].

В связи с угрозой нападения джунгар летом 1744 г. на иртышские крепости и Колывано-Воскресенские заводы Акинфия Демидова Сенат принял решение о создании на юге Сибири новой системы укреплений и переводе туда пяти драгунских и пехотных полков из Европейской России. Вскоре они были дополнены и другими воинскими формированиями. Командование образованным Сибирским корпусом и строительство новых укрепленных линий было возложено на генерала-майора Х.Х. Киндермана [5, с. 281].

Христиан Христианович Киндерман (?–1752) происходил из остзейского (немецко-балтийского) дворянства, значительная часть которого перешла на военную службу России в ходе Северной войны, заметно пополнив его командный состав. До назначения в Сибирь Киндерман проходил службу в чине секунд-майора в пехотном Угличском полку, затем с повышением чина – в Выборгском, Ярославском, Ростовском драгунских полках. Согласно «Списку генералитету и штап офицерам» российской армии (1750 г.) он «вступил в чин полного генерала» 11 сентября 1741 г., накануне осуществления заговора Елизаветы Петровны¹.

С прибытием Киндермана осенью 1744 г. в Тобольск началось проектирование и строительство Иртышской и Колыванской укрепленных линий, предназначенных для защи-

ты русских владений от вторжений отрядов джунгарских и казахских кочевых правителей.

Работу по созданию новых сибирских линий, их заселению продолжил бригадир Иосиф Иванович Крафт (Крофт). Сведения о его службе в России скупо представлены источниками. В 1737 г. он значился в указанном выше именном «Списке» как полковник Олонецкого драгунского полка. В апреле 1749 г. Крафт упомянут в связи с переводом в «команду» к Киндерману и направлением его в Сибирь; в 1752 г. он уже занимает должность командующего войсками Сибирских линий².

Во время его пребывания в Сибири была возведена линия укреплений от Омской крепости до Звериноголовской, получившей название Пресногорьковской (Горькой). Строительство этой линии позволило значительно сократить протяженность военных коммуникаций, улучшить связь между гарнизонами крепостей и тем самым существенно повысить их обороноспособность.

Биографические сведения и административная деятельность новых командующих линий – генерала-майора Ивана Иосифовича Веймарна (1718–1792) и бригадира Карла Львовича Фрауендорфа (?–1767) содержат немало общих черт. Из их послужных списков следует, что они происходили из лифляндских дворян, получили образование в Сухопутном шляхетском корпусе, участвовали в Семилетней войне, успешно продвигались по служебной лестнице и оказались в Сибири почти одновременно.

Начало пребывания их в Сибири совпало с разгромом Джунгарии Цинской империей, что вызвало огромный поток беженцев, ищущих спасение у русских властей. Веймарну и командирам пограничных дистанций пришлось принимать срочные меры по снабжению их продовольствием, приему в русское подданство и отправке к калмыкам на Нижнюю Волгу. Несмотря на имевшие при этом злоупотребления отдельных полковых офицеров и должностных гражданских лиц, джунгарские и алтайские народы были спасены от физического уничтожения, а к России был присоединен Горный Алтай [6, с. 1–11].

Проектирование и строительство новых линий И. Веймарн и К. Фрауендорф осуществляли в тесном взаимодействии с губернской властью. Особенно успешным и плодотворным было сотрудничество пограничных начальников с влиятельными губернаторами Сибири В.А. Мятлевым и Ф.И. Соймоновым, немало сделавшими для укрепления южносибирских границ [7, с. 147–150].

И. Веймарн, представитель когорты образованных, европеизированных генералов, придавал немалое значение распространению знаний среди низших чинов, проявлял большой интерес к изучению жизни и быта казахского народа. При его содействии были открыты гарнизонные школы

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7009. Л. 8 об. Примечательно, что имя Х.Х. Киндермана обозначено в списке вместе с известным сподвижником Петра I – Аврамом Ганнибалом, возвращенным из ссылки. В 1742 г. Ганнибал также получил генеральское звание и был назначен комендантом в Ревель.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7134. Л. 9; Д. 7009. Л. 14; Д. 7007. Л. 20; Д. 7010. Л. 10 об.

в Омской, Ямышевской, Бийской и Петропавловской крепостях, где обучались дети солдат, драгун и казаков. В Сибири им были написаны этнографические работы «О киргиз-кайсаках», «О пограничных с Сибирью народах», представленные в Сенат «Записки» об эксплуатации природных богатств Сибири и ее управлении [2, с. 173].

Заместитель И. Веймарна, командующий сибирскими войсками в 1757–1765 гг. генерал-лейтенант К. Фрауендорф оставил о себе неоднозначные отзывы в воспоминаниях современников. По свидетельству создателя «Домовой летописи» капитана И. Андреева, несшего в то время линейную службу, Фрауендорф «столько был жесток, немилосерд, а лучше сказать мучитель, что не устыдился одного дня до обеда пересечь плетью, кошками... до 110 человек».

В то же время, указывая на жестокое обращение Фрауендорфа с подчиненными, Андреев, отмечал, что тот «великий любитель наук, по прибытии в Омскую крепость, повелел находящемуся в крепости Св. Петра инженер-поручику Тренину обучать, выбрав из молодых солдатских детей, к которому по желанию моему, как уже был прежде учен, поступил и я для обучения арифметики и геометрии» [8, с. 77].

Сменивший Фрауендорфа на посту командующего линейей генерал-поручик Иван Иванович Шпрингер (?–1771) оставил также видный след в жизни Сибири. Он тоже происходил из остзейских дворян, но родился и вырос уже в Оренбурге, где нес службу его отец, что немало способствовало глубокому знанию Шпрингером особенностей сибирского пограничья и Киргизской степи. Образование он получил в Петербургском кадетском корпусе, из которого был выпущен в 1738 г. В начале Семилетней войны Шпрингер был произведен в генерал-майоры, состоял при штабе генерал-квартирмейстера А.Н. Вильбоа и его помощника И.И. Веймарна, затем после получения очередного чина был назначен командующим Сибирской линией и Сибирского корпуса³.

Сразу по приезде в Сибирь Шпрингер совершил инспекционную поездку по всем линейным крепостям. Результатом ее стало решение о масштабной реконструкции возведенных до него укреплений с учетом опыта европейской фортификации применительно к сибирским условиям⁴.

Наряду с большой работой по модернизации и проектированию линий Шпрингер уделял немалое внимание образованию и культурному развитию молодых офицеров. По его инициативе для «полирования» молодых людей в Омской крепости при чертежной был учрежден «оперный дом», где «чинили представления разных трагедий и комедий», расширена сеть гарнизонных школ для детей низших чинов с целью обучения их грамоте, военному делу и отдельным ремеслам.

Шпрингер стремился поддерживать мирные отношения с кочевниками, особенно с казаками, придавал большое значение сохранению их духовно-религиозной жизни, налаживанию с ними торговли на Сибирской линии. Еще в начале своего назначения он добился разрешения содержать на линиях мулл, которые вместе с лояльными русским властям

султанами и старшинами стали проводниками российской политики [3, с. 20].

Заслуги И.И. Шпрингера в укреплении и обустройстве линий были оценены правительством и отмечены высокими наградами – орденами Святого Александра Невского, Святого Георгия Победоносца. Он похоронен в Омской крепости, ставшей при нем военной столицей Западной Сибири.

Сменивший Шпрингера Иван Деколонг (1716–1773) являлся потомком французских дворян, перешедших в подданство России в начале Северной войны. Военную карьеру Деколонг-младший начал в 1733 г. кондуктором (младшим офицером) в инженерных войсках. С 1746 по 1752 г. служил на Северном Кавказе, куда был направлен «для исправления и показания фортификационных работ» на Кизлярском участке границы, «сочинения» карты и описания народов мятежной Кабарды. В период Семилетней войны Деколонг был участником многих крупных сражений: при Егерсдорфе, Цорндорфе, Франкфурте, взятии Берлина. По окончании войны в чине генерал-майора направлен командиром Ишимской и Тобольской пограничных дистанций⁵.

Совместно со Шпрингером им был разработан и осуществлен проект новой Колывано-Кузнецкой линии – от Усть-Каменогорска до Кузнецка, возведено значительное количество форпостов и редутов. Строительство линии стало последним звеном в огромной цепи пограничных сооружений, протянувшихся от Южного Урала до предгорий Алтая.

С 1763 по 1777 г. управление войсками на Сибирской линии было возложено на генерал-майора А.Д. Скалона. Линейная служба Скалона-старшего и его сына А.А. Скалона, героя войны 1812 г., продолживших политику своих предшественников, освещена нами ранее [9].

Преемник А.Д. Скалона генерал-майор Николай Гаврилович Огарев (1729–1789), несмотря на довольно продолжительный срок службы в Сибири (1777–1789), не оставил здесь большого следа. По словам сменившего его генерала Х. Штрадмана, он не отличался ни образованностью, ни высокими воинскими качествами: «Огарев был мало образован, не имел ни одной ученой книги, а только духовные; фанатик, надменно обращался с подчиненными и льстил начальству, не решительный, со слабым, но запальчивым характером...» [10, с. 65].

Капитан Андреев также составил о своем высоком начальнике нелестное мнение. Когда Андреев представил командующему рукопись, посвященную жизни киргиз-кайсаков, то последний приказал автору значительно сократить ее объем, оставить лишь «единственно краткие виды» [8, с. 82].

Весомый вклад в укрепление пограничных линий Сибири внес генерал-поручик Густав Густавович фон Штрандман (1742–1803). Он также происходил из дворян Лифляндской губ., обучался в Сухопутном шляхетском корпусе. За достигнутые успехи в учебе был удостоен «именного патента» от Екатерины II, произведен в капитаны и направлен в Вологодский полк.

В войне с Турцией за проявленное «отличное мужество» при штурме крепости Бендеры в июле 1770 г. был награжден орденом Святого Георгия. Дальнейшая его служба проходила на Моздокской линии у Ставрополя, где постоян-

³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 64. Л. 378–380; Ф. 20. Оп. 1. Д. 714. Л. 146–160.

⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 694. Л. 1–4

⁵ Там же. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 760 об–761.

но происходили столкновения с непокорными кабардинскими князьями [11; 12; 13].

В марте 1787 г., Штрадман, уже генерал-поручик, был назначен командиром Сибирского корпуса, преобразованного в Сибирскую дивизию, через два года стал генерал-губернатором Сибири⁶. Совмещая военную и административную власть, Штрадман завершил работу по модернизации укреплений южного пограничья Сибири.

Штрадман в большей мере, чем его предшественники, способствовал укреплению межэтнических русско-казахских отношений, развитию торговли, более активному восприятию казахами элементов русской европейской культуры и оседлого образа жизни. Командующий линией добился отмены существующего с 1765 г. для казахов дискриминационного ограничения десятиверстной полосы на левом берегу Иртыша. В степи были созданы приграничные суда для рассмотрения споров между казахами и русскими, оказано содействие казанским миссионерам в строительстве мечетей, медресе и караван-сараев.

Его служебная деятельность характеризуется и другими просветительскими устремлениями, направленными на повышение образовательного уровня рядового и офицерского состава, преодоление культурного разрыва и недоверия, существующего между армейскими военнослужащими и сибирскими казахами.

Он неоднократно обращал внимание правительства на бедственное положение сибирских казаков, предлагал принимать их детей на казенное содержание в гарнизонные школы, сеть которых рекомендовал значительно расширить⁷. Благодаря его стараниям в 1789 г. в Омске была открыта Азиатская школа для подготовки переводчиков для внешних сношений, где наряду с казахскими детьми обучались дети казахов и татар, состоящих на русской государственной службе.

Штрадман получил известность не только как умелый военный и гражданский администратор. Он являлся автором многих служебных записок и проектов, направленных на улучшение управления Сибирью, более эффективное использование ее ресурсов, повышение роли региона в имперском пространстве России. «Записки» Штрадмана, не только подробно отражают его жизненный путь и участие в военных компаниях, но и воссоздают в деталях живописные портреты многих малоизвестных военных деятелей екатерининской эпохи, являвшихся его современниками.

С 1800 по 1807 г. командование сибирских линий было возложено на генерал-майора Николая Ивановича Лаврова (1761–1813), происходившего из дворян Калужской губ. Военную карьеру он начал рядовым лейб-гвардии Преображенского полка, где дослужился до поручика. В 1789 г. в чине секунд-майора был переведен в 1-й батальон Бутского егерского корпуса под командованием М.И. Кутузова. За проявленную храбрость при взятии Измаила, разгроме турецких войск при Бабадаге и в Мачинском сражении был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. При Павле I в чине полковника отважно сражался под командованием Суворова против французских войск в Италии и Швейцарии,

был непосредственным участником многих прославленных сражений⁸.

В 1799 г. полковник Лавров был удостоен звания генерал-майора и назначен шефом Ширванского мушкетерского полка, размещенного в Омской крепости, а также инспектором по пехоте Сибирского корпуса, преобразованного в Сибирскую военную инспекцию [14, с. 443].

Сменивший Лаврова Григорий Иванович Глазенап (1750–1819) родился в семье лифляндских дворян и во многом повторил путь своих предшественников. В 15 лет он был записан на службу рядовым в гренадерский полк, в 1770 г. произведен в офицеры. Участвовал в русско-турецких войнах, отличился в ряде сражений, особенно при взятии Измаила. В марте 1804 г. вступил в командование войсками Кавказской линии, здесь провел ряд успешных операций против выступлений местных горских народов [15, с. 258–260].

Сибирская служба Глазенапа в 1807–1819 гг. сопровождалась отмечена значительными изменениями в Сибирском казачьем войске и организацией подготовки для него офицерских кадров. По его инициативе в Омске было открыто Войсковое казачье училище, готовившее командный состав для казачьих формирований Сибири, а также переводчиков тюркских языков. При училище был создан войсковой «музыкантский хор», имелась библиотека. Посетивший училище в 1827 г. известный естествоиспытатель Г. Гумбольдт дал высокую оценку состоянию дел в учебном заведении, отметив, что в нем «чистота, порядок и нравственность необыкновенная».

Преподаватель Омского кадетского корпуса А. Ельницкий подчеркивал, что Глазенап являлся «представителем типа старого служаки и строгого начальника», «был человек гуманный, не заносчивый, безукоризненно честный и бескорыстный» [15, с. 263]. В 1815 г. он сменил всесильного сибирского губернатора И.П. Пестеля, при этом совмещая должность начальника линии.

Военная служба Глазенапа отмечена орденами Святого Александра Невского, Святой Анны 1-степени, Святого Владимира 2-й степени, Святого Георгия 4-й степени. Он скончался в марте 1819 г. в Омске, похоронен на немецком участке Бутырского кладбища.

Предпринятый анализ состава и деятельности сибирских пограничных начальников невольно вызывает вопрос: почему среди них явно преобладали потомки бывших подданных иностранных государств? Так, среди 12 представителей командного состава 7 (58,3 %) были выходцами из бывших германских земель, 2 (16,6 %) – из Франции, 1 (8,3 %) – из Испании и лишь 2 (16,6 %) – из России. Вероятно, это не было случайным явлением. Скорее всего, объяснение было связано с непрестижностью несения службы на далеких окраинах империи и нежеланием представителей коренного российского дворянства выполнять нелегкую рутинную службу по охране ее рубежей. Для бывших же иностранных подданных, не имевших влиятельных покровителей, прочного положения и крупных поместий в России, служба в Сибири и на Кавказе была важным, порой единственным шансом в плане дальнейшей карьеры, повышения своего статуса. Напомним, что двое из командующих линиями стали ге-

⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 206. Л. 1292; Д. 209. Л. 659–659 об.

⁷ Исторический архив Омской области. Ф. 366. Оп. 1. Д. 13. Л. 15–16.

⁸ РГВИА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 143. Л. 31–31 об; Д. 142. Л. 32 об.

нерал-губернаторами в Сибири, а четверо нашли в ней свое последнее пристанище.

Таким образом, в командном составе сибирского пограничья заметно преобладали потомки выходцев из бывших германских земель, представители балтийско-немецкого дворянства, перешедшие на русскую службу в начале Северной войны и успешно интегрировавшиеся в русское общество. В силу своего происхождения, образования и специальной подготовки они были не только хорошими исполнителями правительственных установок, но и проводниками многих европейских инноваций в Сибири, выражаясь языком Ю.М. Лотмана, ее «культурным авангардом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.
2. Муратова С.Р. На страже рубежей России. Тобольск. ТГПИ, 2007. 176 с.
3. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 г.): автореф. дис.... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 22 с.
4. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3. 302 с.
5. Сенатский архив. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1893. Том 6. 846 с.
6. Каменецкий И.П. Следственное дело полковника Ф. Дегарриги: к вопросу о «рабстве в Сибири» и злоупотреблениях на Сибирских линиях в середине XVIII в. // Вестник НГУ. Серия история. 2012. № 1. С. 1–5.
7. Гольденберг Л.А. Каторжанин – сибирский губернатор: жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 287 с.
8. Андреев И. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. М.: «Книга по требованию», 2012. 114 с.
9. Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 41–46.
10. Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й драгунский полк). Минск. Типо-литография Б.И. Соломонова, 1902. 342 с.
11. Записки Густава фон Штрандмана // Русская старина. 1879. Т. 24, № 1. С. 150–156.
12. Записки Густава фон Штрандмана // Русская старина. 1882. Т. 34, № 4–6. С. 289–317.
13. Записки Густава фон Штрандмана // Русская старина. 1884. Т. 43, № 7. С. 63–77.
14. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив: СПб.; М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. Т. VII. 420 с.
15. Русский биографический словарь / под ред. Н.М. Чулкова. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 1916. Т. V: Герберский – Го-генлоэ. 442 с.

REFERENCES

1. Ogurtsov A. Yu. Military and engineering policies in the south of Western Siberia in the XVIII century: abstr. of candidate diss. Sverdlovsk, 1990, 22 p. (In Russ.)
2. Muratova S.R. Guarding the borders of Russia. Tobolsk: TGPI, 2007, 176 p. (In Russ.)
3. Andreychuk S.V. Siberian Corps in the military security system in the south of Western Siberia (1745–1808): abstr. of candidate diss. Barnaul, 2010, 22 p. (In Russ.)
4. Laskowski F. Materials for the history of engineering in Russia. St. Petersburg, 1865, pt. 3, 302 p. (In Russ.)
5. Senate archive. Vol. 6. St. Petersburg: Typography of Governing Senate, 1893. 846 p. (In Russ.)
6. Kamenetskii I.P. Investigation of the Colonel F. Degarri's case: to the issues of "slavery in Siberia" and abuse in the Siberian lines in the mid XVIII century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya*. 2012, no. 1, pp. 1–11. (In Russ.)
7. Goldenberg L.A. The convict – governor of Siberia: F.I. Soymonov's life and works. Magadan: Publishing House, 1979, 287 p. (In Russ.)
8. Andreev I. House Chronicle written by Captain Ivan Andreev in 1789. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2012. 114 p. (In Russ.)
9. Kamenetskii I.P. Generals Scalons in Russia. (1735–1812). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2015, vol. 22, no. 4, pp. 41–46. (In Russ.)
10. Albovsky E. History of Irkutsk Regiment (50th Dragoon Regiment). Minsk: Tipo-lithography of B.I. Solomonov, 1902, 342 p. (In Russ.)
11. Notes of Gustav von Shtrandman. *Russkaya starina*. 1879, vol. 24, no. 1, pp. 150–156. (In Russ.)
12. Notes of Gustav von Shtrandman. *Russkaya starina*. 1882, vol. 34, no. 4–6, pp. 289–317. (In Russ.)
13. Notes of Gustav von Shtrandman. *Russkaya starina*. 1884, vol. 43, no. 7, pp. 63–77. (In Russ.)
14. Dictionary of Russian generals, members of combat operations against the army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815. *Rossiyskiy arkhiv*. St. Petersburg, studio «TRITE» by N. Mikhalkov, 1996, vol. 7, 420 p. (In Russ.)
15. Russian Biographical Dictionary. Ed. N.M. Chulkova. Moscow: Typography of G. Lissner & D. Sovko, 1916, vol. V: Gerbersky – Hohenlohe, 442 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.02.2017

DOI: 10.15372/HSS20170117
УДК 028.5: 027.1 (571.16) "18"

Е.И. ТУЛЯКОВА

**ДЕТСКАЯ ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТОМСКЕ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ
(на материале домашней библиотеки В. Ефимова, конец XIX – начало XX в.)***

Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

На рубеже XIX–XX вв. дети составляли значительную часть «читающей публики». Одним из источников изучения этой категории читателей можно назвать домашнюю библиотеку. Ее состав отражает круг детского чтения, индивидуальное отношение к воспитанию и обучению ребенка в семье, а также интересы юных читателей. В статье анализируется детская домашняя библиотека в дореволюционном Томске, ее типовидовой, жанрово-тематический, авторский состав. Судя по читательским пометам и автографу владельца, библиотека принадлежала частному лицу Вадиму Ефимову – человеку состоятельному, образованному, компетентному в вопросах современного образования и литературного процесса. Библиотека формировалась в расчете на детей среднего и старшего школьного возраста, разных по половому признаку. Она хранится в архиве Томского областного краеведческого музея.

Ключевые слова: домашняя библиотека, детская книга, детская литература, юные читатели, Томск.

E. I. TULYAKOVA

**CHILDREN HOME LIBRARY IN PRE-REVOLUTIONARY TOMSK
AS A SOURCE FOR THE READER STUDY
(on the materials of the home library of V. Efimov, late XIX – early XX centuries)**

Tomsk State University,
36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russia

The formation and development of the regional literary culture have always been greatly determined by the reader. At the turn of the 20th century most of the reading public in Tomsk, as well as in Russia in general, were children. To study this readership it is very important to use informal sources that give much information about the individual perception of childhood as well as the child's reading interests and needs. Among such sources is the children's home library.

Tomsk Regional Local Lore Museum Archive contains two inventory lists of editions that, judging by reader's marks, uniform underlining and the owner's autograph note, belonged to the library collected in Tomsk in the 19th – early 20th centuries by Vadim Efimov, who apparently was an educated man, preoccupied with questions of home education and competent in matters of pedagogy and youth literature.

The editorial and publishing preparation of books in Efimov's library demonstrates his good taste and consistency. The selection of books for the youth readership indicates that the library was focused on both male and female adolescents. Much of the collection consisted of works by foreign or Russian authors. Foreign literature was represented by modern fiction that was popular among children of that time and was included in the recommendation lists for family reading. Russian literature was represented by series of sentimental, moralistic and realistic stories. Efimov paid special attention to the works by Lidia Charskaya, which emphasizes the non-regulatory character of the home library, the freedom of the collector who wants to please the young reader.

Due to the lack of special literature for children in various branches, the works on history and military arts were to widen the young reader's scope of knowledge in history, while travelogues and essays on travel – in geography. The belles-lettres department of the library also included the

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта 16-14-70001 а/р.

Елена Ивановна Тулякова – канд. филол. наук, доцент, Томский государственный университет, e-mail: purple15@rambler.ru.
Elena I. Tulyakova – candidate of philological sciences, Associate Professor, Tomsk State University.

works of Russian “adult” classics (Pushkin, Lermontov) published for children, so the entertaining popular literature was complemented by classics, prose – by poetry. The library also contained many popular scientific-educational editions mainly on geography and natural science. The books were selected so that the reader could get encyclopedic knowledge about the world in its system and relationships. It is not by chance that Efimov’s collection included the children’s fundamental encyclopaedic edition published by I.D. Sytin, which was considered best for that time. Finally, the library contained a number of binders of illustrated magazines.

The analysis of the children home library in Tomsk reveals the attitude of the intellectual collector to the problems of home education, as well as gives information about the adolescent’s range of reading interests in Tomsk in the late 19th – early 20th centuries.

Key words: home library, children’s book, children’s literature, reader-child, Tomsk.

В становлении и развитии книжной культуры региона особую роль играет читатель. Значение этого фактора определило исследовательский интерес к читателю Сибири и Томска, который обозначился с 1980-х гг. В центре научного внимания уже оказывались читатели из разного круга: сельские, горожане, читатели-интеллигенты, читатели-разночинцы и др. [1; 2; 3]. Наименее изучен детский читатель [4; 5], хотя на рубеже XIX–XX вв. эта группа составляла значительную часть «читающей публики» вследствие распространения образования и повышения его ценности в обществе, расцвета педагогики, в частности, в области детского чтения, открытия библиотек, развития детской литературы.

О значимости данной читательской аудитории в дореволюционном Томске свидетельствует ее влияние на местное книгоиздание и книгораспространение. Если в середине XIX в. в Томске, как и во всей Сибири, книги для детей еще не издавались, более того, их практически невозможно было найти ни в библиотеках, ни в книжных магазинах, то в 1870–1890-е гг. ситуация меняется. Детскими изданиями комплектуются библиотеки, в первую очередь, при учебных заведениях. В первой частной Публичной библиотеке П.И. Макушина в момент ее открытия имелось 173 наименования детских изданий, было создано детское отделение, каталог библиотеки содержал пометы с указанием на читателя-ребенка. Детские издания регулярно встречаются также в каталогах Сибирского книжного магазина П.И. Макушина. Здесь, как известно, принималась подписка на детские журналы, а уже в 1906 г. Макушин выпускает отдельный каталог детских книг [6]. С 1880-х гг. в Томске реализуются издательские проекты детской книги местных авторов, прежде всего учебной и художественно-литературной.

Каталоги библиотек, книжных магазинов, репертуар местных издательств, материалы о детской литературе в местной периодике являются источниковой базой при изучении читателя-ребенка в дореволюционном Томске. Учитывая ценность и уникальность каждого из этих источников, обратим внимание на их общий регулятивный характер, их ограниченность цензурными, уставными, рекомендательными документами. Данные источники поэтому отражают общие официальные требования к детскому чтению.

На их фоне более неформальной выглядит детская домашняя библиотека. «Домашней библиотекой (личной книжной коллекцией) может считаться совокупность изданий и опубликованных документов (собрание, внутри коллекция), обладающая определенным смысловым единством, принадлежащая одному человеку или группе людей, представляющая культурную, историческую, научную, библиофильскую ценность, производственный интерес или нравственную значимость для всего обще-

ства или определенного круга людей» [7, с. 31]. Обладая качествами личной, персональной и семейной библиотеки (см. подробнее: [7, с. 31]), домашняя библиотека ориентирована на читателей, различных по возрасту, половой принадлежности, увлечениям, но живущих общесемейными интересами и традициями. Потому ее анализ позволяет воссоздать не только дух эпохи, но и интеллектуальную и духовную жизнь семьи, отношение к детству, задачи семейного воспитания, а также читательские интересы и потребности ребенка.

«Одним из источников распространения книг в Сибири были личные (частные) библиотеки, хозяевами которых в основном было местное купечество» [8, с. 215], а также томские ученые и интеллигенты. Создание и пополнение детской библиотеки являлось не дешевым занятием из-за высокой стоимости книг, узости книжного рынка Томска, трудностей доставки книг из столичных издательств. Детский книжный рынок в Томске в основном был ориентирован на учебную и художественную, рекомендуемую в качестве обучающей литературу. Дешевые детские издания можно было найти в каталогах и списках книг, предназначенных для начального взрослого и народного чтения; они отличались увлекательностью сюжета, простотой языка, свойственных детской литературе. В этом смысле представляет интерес заглавие популярного в конце XIX – начале XX в. издания, составленного учителями Харьковской частной женской воскресной школы Х.Д. Алчевской и др.: «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения» (СПб., 1884, 1888, 1889, 1900). Дорогие качественные издания для детей в регион практически не попадали.

В настоящее время не описано ни одной детской домашней библиотеки дореволюционного Томска. Однако в архиве Томского областного краеведческого музея (ТОКМ) нам удалось обнаружить две коллекционные описи № 161 и 162 под одинаковым названием «Книги дореволюционного издания для детей и юношества», насчитывающие 74 и 40 наименований изданий, соответственно. Легенда к описи № 161 гласит: «Приобретена в 1979 г. сотрудником ТОКМ В.И. Косточко. Закуплена у А.В. Брытковой, проживающей в г. Томске»¹³. Книги обеих коллекций имеют читательские пометы, подчеркивание отдельных мест выполнялось цветными карандашами, под линейку, присутствует автограф, содержащий имя и фамилию владельца, иногда – указание на город Томск и год. Исходя из этого можно предположить, что в описях содержатся издания из одной и той же детской библиотеки, собиравшейся на территории г. Томска в конце

¹³ Книги дореволюционного издания для детей и юношества. К.о. № 161. ТОКМ 6025/1-74 и К.о. № 162. ТОКМ 6064/1-40.

XIX – начале XX вв. и принадлежавшей одному частному лицу – Вадиму Ефимову²⁴.

К сожалению, нам пока не удалось установить его личность. Но, принимая во внимание уже признанную мысль о том, что и книги «собирают» человека, можно утверждать, что это был человек образованный, знающий языки (в библиотеке имеются издания на немецком и английском языках), разбирающийся в классическом и современном литературном процессе (о чем свидетельствуют «взрослые» издания – тома из Полных собраний сочинений И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, К.М. Станюковича, С.Т. Аксакова, Г.П. Данилевского и т.п.), озабоченный вопросами семейного воспитания и домашнего образования (в коллекции присутствуют подборка журналов «Семья и школа», «Сборник журналов: для обучения игре на фортепиано...», «Руководство к умственным вычислениям или теория задач...», две хрестоматии по чтению, учебники английского и немецкого языков), компетентный в актуальных вопросах педагогики, наконец, знающий историю и современное состояние детской и юношеской литературы.

Подборка изданий по читательскому адресу свидетельствует о том, что библиотека формировалась в расчете на средний и старший школьный возраст (большинство изданий имеют прямое указание: для детей старшего возраста, для юношества), а также на детей, разных по половому признаку (практически в равном соотношении находятся издания, адресованные юношам или девушкам, что отражают заглавие, тематика и жанр книг. Например, имеются книги С.М. Макаровой «Грозная туча: Историческая повесть для юношества из времен Отечественной войны» и Л. Чарской «Лизочкино счастье»; или Ф. Бернетт «История маленького лорда: повесть для детей» и Ф.Г. Бернетт «Маленькая принцесса (приключения Сары Кру): повесть для детей»). О читательском адресе свидетельствуют и дарственные надписи – «от папы сыну», «сестре» и др.

Наконец, место издания книг и качество их редакционно-издательской и производственной подготовки указывают на состоятельность их собирателя, возможности доставки изданий в Томск. Значительное место в коллекции занимают книги ведущих столичных издательств И.Д. Сытина, А.Ф. Девриена, М.О. Вольфа и др., чаще всего в картонном, коленкоровом переплете с применением кожи, металла; с иллюстрациями и дополнительным оформлением, с применением тиснения, золочения и других форм украшения книги, делающих ее дорогим изданием.

Классификация изданий библиотеки по типологии, авторскому и жанрово-тематическому составу позволяет выделить ключевые особенности в ее характеристике.

Большая часть коллекции состоит из литературно-художественных изданий, содержащих произведения зарубежных и русских авторов. При выборе зарубежных писателей предпочтение собирателя отдается современникам-беллетристам, популярным в 1880–1890-е гг. Это книги американской детской писательницы Френсис Элизы Бернетт, американского беллетриста Томаса Бейли Олдрича («Приключения Тома Бейли. Воспоминания американского школьника»), ав-

стрийского писателя П. Розетгера, французской писательницы Шарлотты Шабрье-Ридер («Одна-одинешенька») и др. Их произведения, собранные в библиотеке, объединяет автобиографическая основа, исповедальный тон, сентиментальный сюжет, что притягивало, прежде всего, юных читателей. Эстетические качества художественного текста и этические нормы, раскрываемые через увлекательный сюжет, систему персонажей, соответствовали требованиям, выдвигаемым педагогами к детскому семейному чтению.

Среди произведений зарубежных писателей в домашней библиотеке стоит выделить такие, которые пользовались огромной популярностью в дореволюционной России, особенно у юношей. Это рассказы из охотничьей серии Майна Рида «Охотники за растениями», «Ползуны по скалам» (М., 1896), «Охотники за жирафами» (М., 1895), «Ямайские мароны» (М., 1896), «Путешествие» (Б.м., б.г.), романы Ж. Верна «Вокруг луны» (Б.м., б.г.), «Девственные леса» («Молодые охотники») (Б.м., б.г.), Д. Дефо «Робинзон Крузо» (СПб, б.г.). Произведения названных писателей были включены в многочисленные рекомендательные списки для внеклассного, домашнего и народного чтения. Полезность ознакомления с ними детей определялась педагогами не только духовной, но и практической составляющей. За неимением достаточной литературы по географическим наукам художественные произведения жанра путешествия должны были восполнить этот пробел. В частности, в авторитетных указателях книг для народного и детского чтения Алчевской за 1884 г. главное достоинство произведений М. Рида определялось как «соединение интересной фабулы со сведениями из области естественных наук, географии и этнографии...» [9, с. 62].

Художественно-географическая «детская» литература в библиотеке дополнена очерковыми произведениями зарубежных и отечественных авторов: Н. Лендер «Путник. По Европе и Востоку: очерки и картинки» (СПб., Изд-е А.С. Суворина), В. Ирвинг «Путевые очерки и картины» (Б.м., 1879), Г. Сенкевич «Письма из путешествий: Америка, Рим, Венеция, Париж, Африка» (СПб., 1902), И.А. Гончаров «Фрегат Паллада. Очерки путешествия» (СПб., 1899). Несмотря на то, что названные издания не относятся к разряду детских, очевидна установка их приобретателя на читателя-ребенка. Неслучайно все издания содержат большое количество иллюстративного материала (по этому признаку в XIX в. детская книга отделялась от взрослой) и указание на жанр «путешествия», привлекательный с точки зрения предмета изображения, сюжетно-композиционных жанровых форм для юного читателя. Между тем очерковая основа произведения, предполагающая объективность и фактическую достоверность воспроизведения мира, позволяла юному читателю получать научные географические сведения. Таким образом, наличие в домашней библиотеке зарубежной литературы жанра путешествия – не только следование вкусам юного читателя. В системе домашней библиотеки как целого занимательно-развлекательный характер чтения уравнивался увлекательно-прагматическим, что соответствовало задачам домашнего обучения и развития ребенка.

Значительное место по количеству наименований в домашней библиотеке занимают детско-юношеские из-

²⁴ Иные автографы на некоторых экземплярах коллекции носят явно случайный характер и связаны с бытованием книг.

дания отечественных писателей-беллетристов. Среди них следует выделить серию книг авторов так называемого сентиментально-моралистического направления. Произведения В.П. Желиховской («Мозаичная переписка: роман для юношества в письмах». М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908; «Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства». СПб.: Изд. А.Ф. Девриена [б.г.]; «Из тьмы к свету: история мальчика-молокана: повесть для юношества». СПб.: Изд. Девриена [б.г.]), Е.Н. Кондрашовой («Дети Солнцевых». СПб.: Изд. Девриена, 1899), М.Ф. Ростовской («Поездка на Сергиевские серные воды: Рассказы для девочек». СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1863) рекомендовались для детского домашнего чтения и дополняли сентиментальную беллетристическую серию зарубежных авторов. Они привлекали, прежде всего, юных читательниц, интимностью повествования (через жанры писем, воспоминаний), простотой и понятностью сюжета и пр. Отдельное место занимают издания с произведениями Л. Чарской. В домашней библиотеке их восемь, причем пять собраны серией из приложений к журналу М.О. Вольфа «Задуманное слово», где регулярно печатались первые произведения еще никому не известной детской писательницы. Проникновение тоненьких книжек под названием «Голубая волна. Стихи и песни Л.А. Чарской» (СПб., 1853–1883. Вып. 1–6) в г. Томск и дальнейшее пополнение коллекции более поздними произведениями писательницы свидетельствует о ее возрастающей популярности вопреки официальному мнению критики. Книги писательницы в домашней библиотеке подчеркивают ее ненормативный характер, свободу выбора собирателя в угоду вкусам читателя-подростка.

Еще одним пластом рассматриваемой домашней библиотеки можно считать издания писателей так называемого художественно-реалистического направления, которое только набирало силу в художественной детской литературе 1890-х гг. при поддержке передовых педагогов и критиков. Из домашней библиотеки выделяются баталлистические произведения для детей В.И. Немировича-Данченко «За далеких братьев. Повесть из последней русско-турецкой войны» (Бесплатное приложение к журналу «Всходы» за 1901 г. СПб.: типография А.Е. Колпинского, 1901), «Победитель» (М.: Изд. журнала «Юная Россия», 1914); историческая повесть для юношества из времен Отечественной войны, С.М. Макаровой «Грозная туча» (СПб.: Изд. Девриена, 1912), а также произведения малоизвестных авторов А.В. Круглова, А.И. Красниченко, В. Строева, А. Беляевой и др. Историческая, военная, социальная тематика произведений данного направления соответствовала вкусу подростка-мальчика и воспитывала патриотические чувства. Подобно литературе путешествия, достраивающей знания по географии, указанные художественные произведения способствовали изучению истории. Исторический отдел выделялся во всех указателях по детскому и народному чтению, в него включалась литература разного вида. В домашней библиотеке рядом с художественными историческими произведениями находим научно-популярные издания, например «Европейские монархи и их дворы» (перевел с английского и дополнил В. Ранцов СПб., 1891).

Еще одна «полка» литературно-художественных изданий домашней библиотеки включает произведения клас-

сиков русской «взрослой» литературы, но изданной для детей. Это «Избранные стихотворения» М.Ю. Лермонтова (Харьков, 1914), «Лири: новейший полный литературно-музыкальный сборник» (М., 1904), А.С. Пушкин «Собрание сочинений для детей» (СПб., 1913) и др. Их появление в детской библиотеке – свидетельство воспитательной концепции собирателя. В коллекции увлекательная беллетристика соседствует с классикой, проза – с поэзией, новые имена – с уже известными. В целом литературно-художественный отдел библиотеки достаточно обширен, целостен, отражает основные тенденции, происходящие в детской и юношеской литературе конца XIX – начала XX вв. Кроме того, как мы попытались показать выше, при отборе художественной литературы учитывались вкусы читателя-подростка, методико-педагогические указания, а также стремление собирателя пополнить знания детей по основным наукам.

Не случайно значительное место по количеству изданий занимают в библиотеке научно-популярные и учебные издания. Большинство из них относится к естествознанию и географии – отраслям, признанным Комиссией при Министерстве народного просвещения первостепенными и введенными в учебный план программы 1–3-х классов средней школы. В предисловии к разделу «Естествознание» критического указателя «Что читать народу?» составитель Х.Д. Алчевская отмечает: «Эти книги должны занимать первенствующее место как по своему образовательному и воспитательному влиянию на человека, так и с чисто утилитарной точки зрения» [9, с. 2]. Далее, основываясь на наблюдениях за своими учениками, она подчеркивает сложность изучения данного предмета и предлагает программу его тематического изучения в следующей последовательности: окружающая природа – животный мир – местности и их жители – свойства тел и физические явления – человек – космос. В коллекции домашней библиотеки находим ряд изданий, соответствующих тому или иному тематическому разделу. Материал по окружающему миру, физическому, растительному, животному, содержится в учебнике И.И. Трояновского «Курс природоведения: в 3 ч. Ч. 1: Воздух, вода и земля: для младших классов средних учебных заведений. Ч. 2: Растение и его жизнь. Ч. 3: Человек и животные» (М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина). О человеке подробно изложено в имеющемся в библиотеке томе научно-популярного издания «Человек и природа. Основы естествознания в общедоступном изложении. Т. 6: Человек. Часть 1.» (Л.: «Сеятель», б/г). Изучению типов местностей способствует чтение таких изданий, как Е.Н. Водовозова «Как люди на белом свете живут. Французы» (М.: Задруга, 1918), В. Семенов Тянь-Шанский «Типы местностей Европейской России и Кавказа» (Пг., 1915), «Альбом картин по географии Европы с 233 рисунками» (СПб.: Тип. книгоиздательского т-ва «Просвещение», 1899), «Начальный курс географии. Ч. 2-я (Азия, Африка, Америка, Австралия)» / сост. Г.И. Иванов, преподаватель 2-й гимназии. Пг., 1917). Наконец, представление о Вселенной ребенок мог получить из имевшегося в библиотеке 3-го тома из десяти томной «Детской энциклопедии» (его тема – естествознание). Таким образом, в детской домашней библиотеке как едином книжном пространстве формировалось целостное знание о мире в его системе

и взаимосвязях, что являлось одним из главных требований педагогики начала XX в.

Это стремление собирателя к универсализму доказывает и тематическое, и типовидовое разнообразие изданий, и попытка к собиранию серий, частей, томов, и лучшее для того времени фундаментальное энциклопедическое издание издательства И.Д. Сытина. По качеству содержания, редакционно-издательской подготовки эта энциклопедия удовлетворяла вкусы самых требовательных родителей и педагогов. Ее наличие в детской домашней библиотеке – свидетельство и вкуса, и возможностей, и требовательного подхода к образованию и воспитанию своих детей.

Дополняют детскую домашнюю библиотеку подшивки иллюстрированных журналов: «Семья и школа» (ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. 8-й год издания. 1912. № 1–12), «Новые иллюстрации» (1916. № 1, 2), «Сибирская жизнь» (иллюстрированное приложение к журналу. 1914. № 240). Они также ориентированы на читателя-ребенка, разнообразие его интересов и потребностей в актуальной литературно-художественной, познавательной, общественной информации.

Анализ домашней детской библиотеки в г. Томске позволяет выявить точку зрения собирателя-интеллигента на вопросы домашнего воспитания, а также судить о круге чтения подростков г. Томска в конце XIX – начале XX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 56–67.
2. Матханова Н.П. Сибирский читатель-разночинец (50–60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 27–36.
3. Куприянова А.И. Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX века // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование: тем. сб. науч. тр. Новосибирск: ГИИТБ СО АН СССР, 1986. С. 152–169.
4. Куприянов А.И. О круге чтения детей и юношества в городах Сибири в первой половине к. XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 43–56.

5. Матханова Е.И. Круг чтения детей ссыльных декабристов // Распространение книги в Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1990. С. 13–26.

6. Каталог детских книг Публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске. Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1906. 22 с.

7. Шавыркина Н.А. Личная библиотека как социально-культурное явление: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 44 с.

8. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. В.А. Есиповой, Т.Л. Воробьевой. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2014. 416 с.

9. Что читать народу?: критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х.Д. Алчевская и др. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1884.

REFERENCES

1. Markova I.B. Reading circle of Siberian officials in the first half of the XIX century. *Russkaya kniga v dorevolutsionnoi Sibiri: knigopisnaya deyatel'nost' i krug chteniya sibir'yakov*. Novosibirsk, 1984, pp. 56–67. (In Russ.)
2. Matkhanova N.P. Siberian reader-raznochinets (50–60s of the XIX century). *Rasprostranenie knigi v Sibiri (konets XVII – nachalo XX vv.)*. Novosibirsk, 1990, pp. 27–36. (In Russ.)
3. Kupriyanova A.I. Reading and its role in the leisure of Western Siberian citizens in the first half of the XIX century. *Russkaya kniga v dorevolutsionnoi Sibiri: rasprostranenie i bytovanie*. Novosibirsk: GPNTB SO AN USSR, 1984, pp. 152–169. (In Russ.)
4. Kupriyanov A.I. About the reading range of children and young people in Siberian cities in the first half of the XIX century. *Russkaya kniga v dorevolutsionnoi Sibiri: knigopisnaya deyatel'nost' i krug chteniya sibir'yakov*. Novosibirsk, 1984, pp. 43–56. (In Russ.)
5. Matkhanova E.I. Reading range of exiled Decembrists' children. *Rasprostranenie knigi v Sibiri (konets XVII – nachalo XX vv.)*. Novosibirsk, 1990, pp. 13–26. (In Russ.)
6. Catalog of children's books of P.I. Makushin Public Library in Tomsk. Tomsk: Tipolithography of P.I. Makushin, 1906, 22 p. (In Russ.)
7. Shavyrskina N.A. Personal library as a socio-cultural phenomenon: abstr. of diss. Moscow, 2000, 44 p. (In Russ.)
8. Book culture of Tomsk (XIX – early XX centuries). Eds.: V.A. Esipova, T.L. Vorob'eva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 2014, 416 p. (In Russ.)
9. What do people read? A critical index of books for public and childhood reading. Comps.: Kh.D. Alchevskaya [et al.]. St. Petersburg: Typ. T-va «Obshchestv. Pol'za», 1884. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20170118
УДК 94(571.1/.5)"1914/1918"

Д. О. НИКУЛИН

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ИНЫЕ ПРОСТУПКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
38-ГО СИБИРСКОГО СРЕЛКОВОГО ЗАПАСНОГО БАТАЛЬОНА (ПОЛКА)
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630128, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются дисциплинарные и иные проступки личного состава тыловых сибирских подразделений в годы Первой мировой войны на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка). В качестве источников используется документация указанной части, в которую вошли и приказы вышестоящих инстанций. Кроме того, рассматриваются нормативные документы того времени, в частности, Устав дисциплинарный и Воинский устав о наказаниях. К нарушениям относились самовольные отлучки, побеги из маршевых рот, нарушения воинского «благочиния». Наказания главным образом сводились к дисциплинарным взысканиям и отдаче под суд. Автором предпринята попытка выявления эффективности используемых мер.

Ключевые слова: дисциплина, нарушения, наказание, Сибирь, армия, тыл, Первая мировая война, маршевая рота, взыскание, суд, запасной батальон (полк).

D. O. NIKULIN

**DISCIPLINARY AND OTHER VIOLATIONS OF THE PERSONNEL
OF THE 38TH SIBERIAN RIFLE RESERVE BATTALION (REGIMENT)
DURING THE THE FIRST WORLD WAR**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630128, Russia

The problem of the role of Siberia in the First World War of 1914–1918 received less attention than the war political aspects or the combat operations course, including the participation of Siberian divisions. Due to the fact that Siberia was a rear region this role was reduced to conscript and train the replenishment for the army. At the same time, soldiers in the rear often committed various wrongdoings followed by punishment, as well as at the front. Apart from unauthorized absences and disrespect to the seniors, usual for all kinds of troops, there were specific ones manifested during replenishments delivery to the front.

The issue of disciplinary problems in the army were somehow elucidated in a large number of historical studies, and adequately disclosed both in the whole Russia, and particularly with regard to the front-line situation. The most studied type of violation, without any doubt, was the desertion. However, the situation in the rear did not cause the same interest among researchers.

The article objective is to characterize disciplinary and other misconducts of Siberian recruits and penalties for them evidently for soldiers of the chosen battalion (regiment), as well as to identify factors contributed to disciplinary violations committed in the unit. The study is guided by the principles of fairness and historicism, and apply scientific techniques of cognition (methods of analysis and synthesis, etc.).

The article marks factors that contributed to the development of disciplinary problems in the rear, which are the officers' staff, deferred sentences, specific features of the military legislation in the rear. It also presents the assessment of the regiment command activity, the situation has been recognized as satisfactory.

Key words: discipline, violations, punishment, Siberia, army, rear, First World War, marching company, penalty, court, reserve battalion (regiment).

Даниил Олегович Никулин – магистр истории, аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: nikdanya@mail.ru.
Danil O. Nikulin – Master of History, Postgraduate, Institute of History SB RAS.

В настоящее время Первой мировой войне уделяется все больше внимания со стороны исследователей, а недавний 100-летний ее юбилей усилил интерес к ее событиям. Освещению роли Сибири в войне уделено внимания значительно меньше, чем политическим аспектам войны или боевым действиям, в том числе с участием сибирских подразделений. Главной функцией сибирского тыла была подготовка пополнения для действующей армии. При этом здесь солдатами нередко допускались различные нарушения, наказываемые командирами. Помимо обычных для всех видов войск самовольных отлучек и проявлений неуважения к старшим по званию, совершались и специфические – при доставке пополнения на фронт.

Дисциплинарные проступки в действующей армии так или иначе затрагивались в исторических исследованиях: в основном рассматривались случаи самоуправства офицеров, проявления ими излишней жестокости; при этом проступкам солдат уделялось меньше внимания. Такая тенденция была свойственна советской исторической науке в целом. Так, в 1926 г. в воспоминаниях А. Пирейко были опубликованы сведения о чрезмерных телесных наказаниях: «Стали пороть солдат розгами за самый мельчайший проступок... Но цели эта порка не достигала» [1, с. 27]. В 1929 г. М.И. Ахун и В.А. Петров писали, что «в армии господствовал преступно-пошлый взгляд на солдата как на “пушечное мясо”» [2, с. 19]. Дезертирство оправдывалось тем, что «солдат, только что взятый от сохи или от станка, чуждый воинской дисциплины, бежит и от палки капрала, и от пули неприятеля» [2, с. 34].

Проблему дисциплины в сибирских гарнизонах первым затронул А.Н. Баталов в своей книге «Борьба большевиков за армию в Сибири». Он также позиционировал солдат пострадавшей стороной: «Солдатская жизнь в сибирских гарнизонах была невероятно тяжелой..., пользуясь отдаленностью от центра России, местные военные начальники всех рангов изощренно издевались над солдатами» [3, с. 40].

Неэффективность телесных наказаний солдат в армии в годы Первой мировой войны установил Л.А. Шайпак. По его мнению, «рукоприкладство, массовые порки и издевательства офицеров... возмущали солдат, служили одной из предпосылок формирования их революционного поведения» [4, с. 96]. Критиковал практику телесных наказаний и М.В. Оськин; более того, на примере Тульской губернской каторжной тюрьмы он показал распространенность солдатских нарушений – 4/5 ее арестантов были нарушителями военного законодательства [5, с. 57].

О сибирском тыле писал М.В. Шиловский. В 2013 г. вышла его статья «Первая мировая война и Сибирь (военная сфера): поиск новых подходов», где он намечает некоторые направления для исследования этой темы, в том числе воинской дисциплины. М.В. Шиловский отмечает, что отлучки и неявки в тылу не были массовым явлением, а носили «единичный характер» и вообще они «типичны для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности» [6, с. 51]. В монографии «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь» он оценил дисциплину сибирского тыла как «в пределах армейской повседневности» [7, с. 64–65]. Весьма подробно проблему дезертир-

ства рассматривает А.Б. Асташов в статье «Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны». Главной причиной неудач в борьбе с дезертирством он считает отсутствие центральных органов по борьбе с ним [8, с. 50].

Проблеме дезертирства посвящена и статья П. Симмонса, опубликованная в сборнике «Величие и язвы Российской империи». В целом он поддерживает точку зрения о неэффективности телесных наказаний; причем важным условием дезертирства считает недостаточно строгий контроль на железной дороге [9, с. 398]. В основном исследователь опирается на нормативные документы, в частности, на Воинский устав о наказаниях, что следует признать достоинством подобного исследования.

Таким образом, проблема дисциплинарных нарушений солдат в масштабах всей России, особенно применительно к фронтовым условиям, раскрыта достаточно полно. Наиболее изученным типом нарушения, без всякого сомнения, является дезертирство. Однако положение дел в тылу не вызывало у исследователей большого интереса, и представляется перспективным продолжать работу в данном направлении.

Цель данного исследования – рассмотреть на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (преобразованного в 1916 г. в полк) дисциплинарные и иные проступки сибирских новобранцев, наказания за них, а также определить факторы, влияющие на совершение в подразделениях тех или иных дисциплинарных нарушений. В качестве источников использовались приказы по тыловым сибирским частям и подразделениям. Встречается в них и информация о дисциплинарных взысканиях, регулярно налагавшихся командиром батальона (полка), а также об итогах заседаний полкового суда, опубликованных в виде приложений к приказам. Кроме того, привлекались нормативные документы русской армии – Устав дисциплинарный и Воинский устав о наказаниях.

Хронологические рамки работы – с 1 августа 1915 г. по февраль 1917 г. – объясняются тем, что именно августом 1915 г. датируются первые архивные дела, содержащие приказы по батальону; нижняя же граница установлена в связи с тем, что дисциплинарные отношения после Февральской революции имели свою специфику и заслуживают отдельного рассмотрения. Указанный период условно можно разбить на два этапа: с 1 августа 1915 г. по 17 апреля 1916 г. и с 18 апреля 1916 г. (когда 38-й Сибирский стрелковый запасной батальон был преобразован в полк) по февраль 1917 г. В рамках первого этапа подразделение являлось батальоном, и его командир подполковник Доброхотов за неоднократные самовольные отлучки накладывал дисциплинарные взыскания, до батальонного же суда дело доходило редко – из 51 случая дисциплинарных нарушений им было рассмотрено менее десяти. На втором этапе подразделение стало полком, и Доброхотов преимущественно руководил работой суда, получившего статус полкового, а дисциплинарные взыскания стали накладывать подчиненные ему командиры батальонов.

Данные о численности рассматриваемого подразделения являются отрывочными. Известно, что 1 октября

ря 1915 г. в батальоне числилось 6230 нижних чинов¹, как отмечал в приказе Доброхотов при передислокации в г. Томск. Согласно данным Отдела военной статистики Центрального статистического управления, в декабре 1916 г. в Омском военном округе находилось 31 109 военнослужащих постоянного состава и 123 257 военнослужащих переменного состава, всего 154 366 чел². Если исходить из предположения, что здесь учтены только военнослужащие запасных стрелковых полков, а также принять, что эти полки имели равную численность, то, зная количество запасных полков округа, можно вычислить примерную численность 38-го Сибирского стрелкового запасного полка в декабре 1916 г. – 7700 чел.

Распространенным видом наказаний, указанным в приказах, были взыскания от командира батальона. Право командира налагать такие взыскания регламентировалось статьей 32-й Устава дисциплинарного, предоставлявший ему те же права при наложении взысканий, что и у командира полка (при условии, что батальон – отдельный); в свою очередь, они регламентировались статьей 29-й той же главы³.

Отлучка являлась основной формой дезертирства в тыловых частях; в Воинском уставе о наказаниях она определялась как «самовольное оставление места служения» без цели «уклонения от военной службы вообще» [10, с. 236]. В военное время самовольная отлучка из подразделения, не находившегося на театре военных действий, каралась дисциплинарным взысканием, если продолжалась не более трех дней [10, с. 245]. На практике данное правило нередко нарушалось – командир ограничивался дисциплинарным взысканием даже тем из солдат, кто отлучился надолго. Так, 8 декабря 1915 г. были исключены из списков батальона отлучившиеся Дмитрий Аксенов, Моисей Герасимов и Яков Трубачев; 15 декабря они были возвращены в списки и получили по 11 суток строгого ареста с постановкой под ружье каждый. Таким образом, они находились в отлучке не менее недели, но до суда дело не дошло. Чаще всего солдаты попадали под наказание в 5–7 суток заключения на гауптвахте; срок заключения мог составлять от 2 до 20 дней.

Проблемой являлось употребление солдатами спиртного. По Воинскому уставу о наказаниях пьянство каралось дисциплинарным взысканием, до суда дело доходило лишь в случае рецидива [10, с. 379]. В связи с этим случались аресты на сроки до 15 суток⁴, а унтер-офицеры и фельдфебели за пьянство могли быть разжалованы⁵. В течение всей деятельности подразделений в годы Первой мировой войны велась борьба с распространением среди солдат азартных игр. Запрещалась игра в лото⁶, шашки, кости⁷; строго кара-

лась игра в карты, особенно на деньги, – за нее можно было получить арест на 5 суток⁸ или месячный запрет отлучаться из расположения роты⁹.

Подполковник Доброхотов тщательно следил за поддержанием отношений на основе взаимоуважения между солдатами. Особенно это касалось лиц, находящихся при исполнении служебных обязанностей, – 20 суток строгого ареста получил младший унтер-офицер Пермин за оскорбление дежурного младшего унтер-офицера Сербина¹⁰.

Остро реагировал командир 38-го батальона/полка на случаи неуважения в собственный адрес – в соответствии со статьей 51 Устава дисциплинарного, он мог арестовывать солдат и даже обер-офицеров за нарушение дисциплины в его присутствии¹¹. Одним из примеров может послужить рядовой Яков Камнев, не назвавший командира положенным титулом¹². Кроме того, случалось, что при встрече в городе солдаты не отдавали чести¹³. Командир требовал отдания чести даже в том случае, если солдат шел по улице, а офицер сидел в здании и был виден через окно.

Более серьезными нарушениями являлись драки и убийства. Рукоприкладство применялось главным образом учителями из числа унтер-офицеров; в Воинском уставе о наказаниях такого рода нарушения подпадали под статью 186 [10, с. 371]. Наносились удары, толчки в спину за самовольную отлучку¹⁴. Виновные унтер-офицеры и ефрейторы лишались своих званий, подвергались аресту, а их ротные командиры получали выговоры, комбаты – замечания. Более резкие формы насилия практиковались за пределами воинских частей. Группа солдат одной из рот во главе с фельдфебелем Минаковым избил железнодорожного служащего; за это и другие провинности Минаков был понижен в звании до младшего унтер-офицера, а командир роты получил выговор¹⁵.

Сопровождение маршевых рот на фронт было важным направлением деятельности тыловых частей. С этой целью в эшелонах имелись вооруженные конвоиры, которые должны были пресекать все попытки нижних чинов к бегству. Так, несколько человек из 38-го полка бежали из эшелона, но были пойманы и посажены в военную тюрьму на 4 месяца¹⁶.

Для задержания отлучившихся солдат в городе назначались наряды, которые ловили солдат, не имевших служебных записок¹⁷. В деревнях таких нарядов не было; командование поддерживало связь с органами местного самоуправления, которые и сообщали о случаях беспорядков, чинимых дезертирами.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

² Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М., 1925. С. 29.

³ Устав дисциплинарный: свод военных постановлений. Изд. 4-е. Исправлено и дополнено по 20 июля 1915 г. Пг.: Т-во В.А. Березовского, 1915. Кн. XXIII. С. 18–20.

⁴ ГАО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 80, 138.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 63.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 164.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 449 об.

⁸ Там же. Д. 31. Л. 26 об.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 818.

¹⁰ Там же. Л. 78.

¹¹ Устав дисциплинарный: свод военных постановлений. Изд. 4-е. Исправлено и дополнено по 20 июля 1915 г. Кн. XXIII. С. 32.

¹² ГАО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 96.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 506.

¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 58.

¹⁵ Там же. Д. 16. Л. 133.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 104.

¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 114.

Как видно из вышеизложенного, батальонный или полковой суд был своего рода высшей инстанцией в системе наказаний. Если за первую отлучку солдат подвергался аресту со стороны командира роты, за вторую – командира батальона, то за третью – попадал под юрисдикцию суда¹⁸. Помимо отлучек, солдаты могли оказаться под судом за длительную неявку на сборный пункт, оскорбления, кражи, нарушения дисциплины.

Всего в имеющихся источниках содержится информация о судебных разбирательствах над 90 военнослужащими части. Как правило, наказанием беглым солдатам служило заключение в одиночной камере военной тюрьмы в течение двух – четырех месяцев, иногда с санкционированным применением телесных наказаний, что сопровождалось «потерей некоторых прав и преимуществ по службе» [10, с. 27]. В особо тяжелых случаях подсудимого могли отправить на несколько лет на каторгу или в дисциплинарную часть.

Приговор суда зависел от множества факторов. Если солдат совершил несколько правонарушений, то в силу вступал наиболее жесткий из приговоров. Прямой зависимости приговора от срока отлучки не было – 4 месяца заключения в военной тюрьме можно было получить как за трое суток, так и за 19 месяцев отсутствия. Главными критериями при определении приговора, согласно Военному уставу о наказаниях, считались наличие рецидива, а также добровольная явка. Именно последняя влияла на смягчение [10, с. 248]. Срок отбывания тюремного заключения откладывался, как правило, до конца войны¹⁹. Это вызывало неправильную реакцию у солдат, полагавших, что наказание отменяется вовсе или заменяется неизбежной отправкой на фронт²⁰. Возможно, это было вызвано также тем, что отправка на фронт действительно была мерой наказания для ратников ополчения²¹.

Таким образом, спектр правонарушений, совершаемых нижними чинами, не исчерпывался отлучками, известны были случаи рукоприкладства, грубости, неуважения к начальству и т.п. Иногда правонарушения были спровоцированы офицерами полка, немало из них отличались низкой квалификацией, бескультурьем.

Если принять во внимание, что 51 дисциплинарное взыскание и отправка в батальонный суд, инициированные командиром батальона в течение первого указанного нами этапа, накладывались на тех солдат, кто уже совершил ранее одно нарушение, то мы получим минимальное значение количества нарушений на этом этапе – 102. Максимальное возможное количество остается неизвестным, так как нет данных о количестве нарушителей, ограничившихся одним нарушением. По тому же принципу можно рассчитать нарушения к концу второго этапа, а учитывая, что солдаты попадали под суд за третье нарушение, то минимальное количество нарушений будет 270. Таким образом, минимальное соотношение количества нарушений и военнослужащих –

1,6 % для первого этапа и 3,5 % для второго. Рост доли количества нарушений можно объяснить затяжным характером войны и тем, что второй показатель частично включал в себя первый – гипотетическое второе нарушение солдата, попавшего под суд за третье нарушение на втором этапе, могло быть совершено на первом этапе, зафиксировано в приказе по батальону и, таким образом, попасть в первый числовой показатель.

Распространению дисциплинарных нарушений способствовало и то, что законы, хотя и были ужесточены военным временем, в тыловых регионах работали слабо. В первую очередь причиной этого был сам факт отложенного наказания (в виде заключения в военную тюрьму по окончании войны), в результате чего такое наказание не воспринималось как угроза в ближайшей перспективе. Увеличение длительности срока заключения в связи с военным временем также не исправляло ситуации и зачастую нивелировалось фактом добровольного возвращения беглецов в часть, а это снижало срок заключения. Вследствие статуса Сибири как тылового района большинство преступлений, каравшихся смертной казнью в боевой обстановке, здесь карались другими, более мягкими наказаниями.

Таким образом, нами обозначены факторы, способствовавшие развитию в тылу дисциплинарных проблем. Тем не менее батальон (а впоследствии полк) долгое время исправно отправлял пополнения на фронт, что является главным свидетельством того, что ситуация оставалась в целом удовлетворительной. Рост количества нарушений также был умеренным. Настоящий кризис в функционировании подразделения наступил позже, в 1917 г., что было вызвано политическими событиями, нарушившими работу и тыла, и фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926. 65 с.
2. *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 126 с.
3. *Баталов, А.Н.* Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916 – февраль 1918. Новосибирск: Наука, 1978. 283 с.
4. *Шайнак Л.А.* Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса Русской армии в годы Первой мировой войны // Вестн. Воен. ун-та. 2007. № 1(9). С. 92–99.
5. *Оськин М.В.* Российские дезертиры Первой мировой войны. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5(60). С. 46–60.
6. *Шиловский М.В.* Первая мировая война и Сибирь (военная сфера): поиск новых подходов // Сибирские исторические исследования. Томск, 2013. № 1. С. 43–55.
7. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
8. *Астахов А.Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.
9. *Симмонс П.* Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны. // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: Изд. дом «Регнум», 2012. 768 с.
10. *Анисимов А.* Военный устав о наказаниях (СВП 1869 г., кн. XXII, изд. 4). Изд. 12-е, испр. и доп. Пг., 1917. 521 с.

¹⁸ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 22. Л. 27.

²⁰ Там же. Д. 7. Л. 133.

²¹ Там же. Д. 8. Л. 108.

REFERENCES

1. *Pireiko A.* In the rear and at the front of the imperialistic war: The memories of a private. Leningrad, 1926, 65 p. (In Russ.)
2. *Akhun M.I., Petrov V.A.* The Tsarist army during the imperialistic war. Moscow: Publ. house of All-Union Society of Political Prisoners and exile-settlers, 1929, 126 p. (In Russ.)
3. *Batalov A.N.* Bolsheviks' struggle for the army in Siberia, 1916 – February 1918. Novosibirsk: Nauka, Branch, 1978, 283 p. (In Russ.)
4. *Shaypak L.A.* The rise of antiwar sentiments of the soldiers as a reflection of the crisis of the Russian army during the First World War. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2007, no. 1, pp. 92–99. (In Russ.)
5. *Os'kin M.V.* The Russian deserters of the First World War. *Vesnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi tserkvi*, 2014, vol. 5, pp. 46–60. (In Russ.)
6. *Shilovsky M.V.* The First World War and Siberia (the military sphere): searching new approaches. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. Tomsk, 2013, no. 1, pp. 43–55. (In Russ.)
7. *Shilovsky M.V.* The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Autograph, 2015, 330 p. (In Russ.)
8. *Astashov A.B.* The desertion and the struggle against it in the Tsarist army during the First World War. *Rossiiskaya istoriya*. 2011, no. 4, pp. 44–52. (In Russ.)
9. *Simmons P.* The struggle against desertion and voluntary surrender in the Russian army during the First World War. *Velichie i yazvy Rossiyskoy imperii: Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik k 50-letiyu O.R. Ayrapetova*. Moscow: Regnum, 2012, 768 p. (In Russ.)
10. *Anisimov A.* The Military Code of penalties (SVP 1869, vol. XXII, ed. 4). 12th ed. Petrograd, 1917, 521 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.02.2017

Международный опыт в изучении форм освоения наследия Евразии

[Рец. на кн.: Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сборник научных статей / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. – Барнаул, Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА»; Ин-т истории СО РАН, 2016. – 204 с.]

Динамичное развитие современного общества в условиях глобализации требует постоянного внимания к проблеме освоения всех видов наследия. Историко-культурное и научное наследие стран Азии и Сибирского региона обладает огромным потенциалом в исследовательском, познавательном и воспитательном контекстах. Особое значение приобретает выработка соответствующих стратегий и тактик, позволяющих сохранить национальное культурное достояние и транслировать его для будущих поколений во всем многообразии, – отмечают в предисловии к сборнику (на русском, английском, китайском и монгольском языках) его ответственные редакторы В.А. Ламин, О.Н. Труевцева и О.Н. Шелегина, руководители Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) Международного совета музеев (ИКОМ) при ЮНЕСКО.

Актуальным направлением в изучении проблем освоения наследия становится интеграция науки, образования, культуры. Ведущая роль в этом процессе принадлежит институтам гуманитарного профиля России (Институт истории СО РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), Академии наук Монголии, высшим учебным заведениям (Алтайский государственный педагогический университет, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Университет Маргад и др.), международным и региональным музеологическим организациям (АСПАК, Ассоциация музеев Тайваня, Научный совет по музеям СО РАН).

Сборник «Наука, образование, музеи: формы освоения наследия» отражает результаты исследований в области современных форм освоения наследия как известных, так и молодых специалистов-музеологов из Германии, Канады, Китая, Монголии, России, Франции. В него включены статьи, апробированные в качестве докладов на научных мероприятиях: II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Новосибирск, 2014 г.) и на международном симпозиуме АСПАК «Музей и культура» (Тайвань, 2015 г.).

В первой части сборника представлены статьи, характеризующие традиционные и новационные формы коммуникации и интеграции научного, музейного и педагогического сообществ в социокультурном пространстве Сибирского региона. Основу для развития данных процессов создает активная деятельность музеев. Приоритетные позиции занимают современные городские музеи, появившиеся в первое десятилетие XXI в., что убедительно показано в статьях Е.М. Щукиной (с. 42–45) и Е.В. Тараненко (с. 46–52). Изучение опыта и перспектив развития Музея города Новосибирска и Музея «Заельцовка» позволяет авторам говорить о формировании в них культурно-коммуникационной системы, обеспечиваю-

щей хранение, изучение и популяризацию историко-культурного наследия, исторических локальных территорий, развитие общегородского музейного пространства.

В статье И.В. Сазиной (с. 28–34) рассматривается роль интернет-технологий и сетевых взаимодействий в сфере образовательной и музейной коммуникации на примере деятельности виртуального центра «Философия, культура, образование» в г. Новокузнецке. Показано, что активное обращение к новому пласту реальности – информационному пространству, вызывает появление и музейных, и образовательных новаций, а их взаимная интеграция способствует формированию новых качеств «музейного мира», позволяя осуществлять преподавание гуманитарных дисциплин по модели эстетической парадигмы образования.

О.Н. Труевцева (с. 22–28) выделила новации российского и международного уровней во взаимодействии учреждений образования и музеев в этнокультурном воспитании школьников. Высокий коммуникационный потенциал музеев автор раскрыла на примере реализации инновационного проекта «Школа-музей» в наукограде Бийск, а также деятельности уникальной детской школы искусств «Традиция» в с. Власиха Алтайского края. На базе «Традиции» под эгидой АСПАК проведено пять международных музеологических школ, распространяющих эффективный региональный опыт освоения наследия. Феномен «Традиции» – в ее многофункциональной структуре, включающей лабораторию этнопедагогики, реконструкцию фольклорных традиций, реставрацию предметов материальной культуры, а также Детский этнографический музей – мастерскую «Лад».

Н.Н. Покровский (с. 35–42) и Г.М. Запороженко (с. 64–74) на основе анализа работы Музея науки и техники СО РАН и Музея СО РАН установили важную роль интерактивных технологий и эмоционально-образной подачи информации о научном наследии, способствующих расширению научно-образовательного пространства. Исследование выполнено с учетом возросших запросов музейной аудитории, необходимости внедрения новых способов организации экспозиционно-выставочного пространства, концепций взаимодействия и мотивационных ситуаций.

В статьях А.Н. Дунец (с. 79–83), Е.А. Ковешниковой (с. 55–60) и О.Н. Дворцовой (с. 60–64) показано, что в освоении природного и исторического наследия Сибирского региона целесообразно обратиться к интеграции научного, педагогического и музейного сообществ в сфере развития культурно-познавательного туризма, формирования геобрендинга территорий. Издательская деятельность как специфическая форма музейной коммуникации (Я.С. Щетинина, с. 75–78) относится к актуальной форме введения в научный оборот и использования в образовательной и социокультурной практике фондовых и экспедиционных собраний музеев, относящихся к материальному и нематериальному наследию населения Сибири.

Во второй части сборника представлены работы российских и зарубежных ученых на английском и русском языках, что способствует расширению пространства научной коммуникации, формированию историографического ресурса

са для проведения международных исследований. Показано, что международное сотрудничество в области музеологии, а также межкультурный диалог способствуют поиску новых форм и технологий, позволяющих синтезировать сохранение, изучение, актуализацию и введение в широкий социокультурный и информационный оборот объектов всемирного наследия (F. Mairesse, с. 194–196; An. Davis, с. 188–191; Hildegard K. Viereg, с. 191–194; O. Truevtseva, с. 94–100).

Значимая роль в развитии исследований, посвященных проблемам наследиеведения, принадлежит Институту истории СО РАН. В.А. Ламин и О.Н. Шелегина в исторической динамике предприняли реконструкцию форм представления академическим учреждением национального научного наследия, выявили наиболее острые историографические проблемы. В частности, до сих пор не обобщены формы активизации социокультурного потенциала наследия для развития гуманистического и патриотического мировоззрения, недостаточно четко определена роль музеев в освоении регионального наследия (V. Lamin, O. Shelegina, с. 84–90).

Кроме того, в сборнике можно выделить несколько блоков статей, охватывающих и другие актуальные направления историографии. Так, в работах, посвященных современному музейному миру Евразии, отмечена корреляция его развития и процессов освоения наследия. И.А. Сизова, О.С. Ульянова (с. 146–154), А. Murzintseva (с. 141–146), О.Э. Мишакова, Г.Н. Ткачева (с. 183–188), М. Tselishcheva (с. 154–158) анализируют место государственных, ведомственных, школьных музеев, частных и общественных инициатив в создании условий для сохранения и популяризации наследия, изучения региональной истории, обсуждают принципы формирования «музейного ландшафта», включения местных музеев в национальный, а также международный контекст сохранения памяти.

Важное значение авторы сборника придают решению проблем музеефикации археологических памятников

(А. Martynov, с. 130–135), объектов материального и нематериального наследия в Монголии (Bumaa Dashdendev, с. 111–113; Chuluuntsetseg Lkhamsuren, с. 113–115), интерпретации и актуализации архитектурного наследия в Бурятии (К.А. Михалева, с. 174–179). Изучение вклада монгольской кочевой цивилизации в мировую цивилизацию (S. Khash-Erdene, с. 100–107; I. Bulgan, с. 107–111) имеет перспективное значение для реализации трансграничных проектов, направленных на укрепление культурного разнообразия в странах Центральной Азии и за ее пределами (А. Naizabekova, с. 115–122).

Внимание исследователей уделено также формированию и изучению различных коллекций, использованию их в деятельности музеев и образовательных учреждений (S. Buraeva, с. 124–130; А.А. Грызлова, с. 165–170; Е.М. Кабунова, с. 170–174; N. Griбанова, с. 138–141; Р.А. Волобуев, с. 180–182), в том числе с применением интерактивных мультимедийных средств (S. Baturin, с. 135–138).

Представленный в ряде статей (Х.К. Виерегг, с. 90–93; А. Азамат, с. 122–124; Л.В. Белькова, с. 158–165) опыт работы с молодежью в сфере наследия (государственные музейные образовательные программы в Германии, ориентация на законодательную систему в Монголии, модель этнокультурного образования в регионах России) дает основания для его обобщения на международном уровне.

В заключение отметим, что сборник, посвященный 50-летию деятельности Института истории СО РАН по развитию международного научно-образовательного и социокультурного сотрудничества, представляет интерес для широкого круга читателей, способствует формированию актуального историографического ресурса в области интеграционного освоения наследия.

Канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск

Музей в социокультурном познании как ресурс развития исторической науки

[Рец. на кн.: Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. стат. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. – М.: Этерна, 2015. – 752 с.]

Появление в социокультурном пространстве России вышеуказанного междисциплинарного сборника – значимое событие. Представленные в нем позиции специалистов в области музеологии и истории, культурологии, политологии, искусствоведения, филологии и филологии, точных, естественных, технических и медицинских наук позволяют выявить ценность методов этих наук и использовать их для решения научных и прикладных задач. Количество авторов (их около 80), квалификационные характеристики их профессионализма (член-корреспондент РАН, академик РАН, 18 докторов и 31 кандидат наук, аспиранты и магистранты, 27 сотрудников музеев, представители институтов системы РАН, 30 представителей вузовской науки из 14 учебных заведений), география (15 городов России, Астана, Познань), партнеры проекта (Институт истории СО РАН, Научный совет по музеям СО РАН и др.) позволяют с доверием отнестись к изданию.

Архитектоника сборника отличается концептуальной стройностью, основанной на глубоком понимании его составителем и редакционной коллегией освещаемых проблем. Во «Введении в проблему» представлены работы, где направления исследовательского интереса связаны с обеспечением ученых научной информацией. В области фундаментальной науки поступление научной информации реализуется прежде всего через научные библиотеки, суть деятельности которых раскрыта в статье Н.Е. Каленова. Теоретико-методологические аспекты проблемы информационного обеспечения исторической науки потребовали осмысления места и роли музеев, библиотек и архивов, их связей с «главной потребностью человека – познавать мир во всех его проявлениях, идентифицировать себя в этом мире, искать и находить смысл в своем существовании...». Удовлетворяя потребность в знании, человек должен фиксировать получаемую новую информацию «в социальной памяти с помощью исторических источников (музейных предметов, изданий, документов), хранить (в музеях – библиотеках – архивах) и репрезентовать для передачи следующим поколениям» (см. статью Воронцовой в сборнике¹, с. 33–39).

Музей признан базовым элементом обеспечения информационной инфраструктуры исторической науки. Это понимание нашло отражение во второй части сборника. Музей «как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки... выполняет следующие основные функции: информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом» (Воронцова, с. 40–55). В полифонии мнений и сужде-

ний развиваются и углубляются исследовательские ракурсы в проблемном поле данного раздела. На основе концепции исторической типологии музеев и его проформ анализируется эволюция музея и его места в информационном обеспечении науки (Сапанжа, с. 61–69). Авторы сборника, стремясь к осмыслению многогранности музейного мира, раскрывают его сложную морфологию, динамику процессов, катализированных ситуацией постпостмодерна, затронувшей и «музейную историю» (Румянцев, с. 70–77; Именова, с. 78–93; Чувилова, с. 93–101). Особое внимание обращается на методологию исторического познания: в «условиях многовекторного развития исторической мысли и методологического плюрализма вопросы содержания и методов исторических исследований в музее отличаются неоднозначностью и наибольшей сложностью... Если в исторической науке доминирует документально-вербальное хранение информации, то в музее необходимо определять методы “показа и рассказа” истории преимущественно посредством музейных предметов в экспозиционном пространстве... методология исторического познания является фундаментом музейной герменевтики» (Мастеница, с. 102–115).

В разделе «Музейное собрание как информационный ресурс исторической науки» анализируются проблемы компьютерной визуализации археологических предметов, возможность их интеграции в интерактивное пространство (Ершова, Шалыгина, с. 136–151). Интересен подход к парадоксальной «религиозно-научной» («эколого-этической») парадигме Н.Ф. Федорова, анализ его идей о месте археологии и музейного дела в «исполнении сыновнего долга по сохранению и изучению духовно-материальной культуры прошлого» (Ершов, с. 151–179). Заслуживают внимания материалы, знакомящие с подвижнической деятельностью музейщиков (Гайдуков, с. 179–184) или с конкретными музейными фондами (Сиротина, с. 184–195; Рубина, с. 196–213; Ненашева, с. 216–225, и др.).

Составитель сборника, демонстрируя профессиональную компетентность, особо выделяет раздел, посвященный технологиям извлечения информации из музейных предметов и их коллекций, предоставляя авторам возможность обосновать свою научную позицию по этому поводу. Сюжетами статей стали современные проблемы изучения и восприятия музейного предмета как исторического источника (Никонова, с. 263–273), изучение музейных свойств письменных источников в контексте исторического исследования (Решетников, с. 274–290), проблемы и методы источниковедческого анализа вещественных источников – предметов музейного хранения (Юмашева, с. 290–308) и другие аспекты методологического и научно-методического характера.

Вызовы времени определили востребованность информационно-коммуникационных технологий как для исторической науки, так и для практик современного музея. Авторы анализируют существующие системы информационного обеспечения в музее. Их тревожит «гносеологический разрыв», возникший в связи с ускорением развития технологий при отставании в познании мира (Гук, с. 374–385). Вызывают раздумья виртуальные реконструкции объектов культур-

¹ Далее в скобках указаны автор и страницы его статьи в рецензируемом сборнике.

ного наследия (Бородкин, с. 386–394). Привлекают возможности работы с невербальным историческим материалом, что требует создания методов «виртуальной реконструкции культурно значимых историко-архитектурных комплексов» (Кулакова, с. 395–404). Архивация и репрезентация исторических данных рассматриваются в контексте проектирования виртуальных реконструкций (Бородкин, Жеребятёв, Моор, Мироненко, Остапенко, с. 404–412). Показаны возможности презентации «результатов исследовательской деятельности в области культурно-исторических практик и гуманитарного образования» – интернет-ресурсов, контент которых составлен на основе музейных коллекций» (Тарумова, с. 434–445).

В раздел «Репрезентация информационного потенциала музеев» включены статьи авторов о музеях разных профилей, работающих в региональных условиях. Ученые размышляют об опыте музейного созерцания внесловесных объектов (Якимович, с. 451–487), о роли музеев в формировании исторической картины развития литературы, что связано «со сменой источниковых парадигм и необходимостью выработки новых стратегий репрезентации историко-литературного знания» (Бак, с. 487–492), о миссии литературного музея в представлении литературы «как многомерного и многозначного, исторически изменчивого и типологически вариативного явления культуры» (Кондаков, с. 492–519). Рассмотрены «механизмы восприятия исторической экспозиции с точки зрения невербальной семиотики с привлечением данных по межличностной коммуникации и визуальной перцепции» (Куприянов, с. 530–554).

В сборнике отмечено появление в современном музейном ландшафте группы музеев, получивших название «центры документирования» и «информационные центры» (опыт Германии) (Черкаева, с. 554–564). Методы репрезентации исторического знания через музейную экспозицию в практике Национального музея Казахстана, представленные в статье, демонстрируют, что наши коллеги занимают позицию сочетания традиций и современных технологий (Адиль-

бекова, с. 594–603). Понимание актуальных проблем репрезентации исторического знания демонстрируют коллеги из Сибири (Сальникова, с. 603) и Воронежа (Маркова, с. 615).

В завершающей части сборника («Коммуникация научного и музейного сообщества: взаимосвязи и взаимоотражения») авторы прослеживают взаимодействие музеев и исторической науки на разных этапах музейной практики, которое, по их убеждению, не ограничивается хранением в музейных фондах значительного массива исторических источников всех видов, а характеризуется способностью музеев инициировать новое знание, участвовать в профессиональной подготовке будущих историков, «знакомить посетителей-неспециалистов с последними научными достижениями». Акцентируется внимание на том, что «сближение и сотрудничество музеев и исторической науки служат интересам науки и задачам сохранения исторической памяти» (Сундиева, с. 625–633). Размышления о музее как инструменте социального образования необычайно актуальны в современной ситуации (Вернер, с. 635–645). Яркие доказательства практической реализации и научно-методического развития идей в сферах коммуникации научного и музейного сообщества представлены в ряде статей (Скрипкина, с. 666–679; Шелегина, с. 695–713; Синельникова, с. 732–740 и др.).

Не претендуя на исключительность суждений и выводов о контенте сборника «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки», тем не менее можно с уверенностью констатировать, что он займет заметное место среди изданий последних лет и может активно использоваться специалистами социогуманитарного профиля в научной и прикладной деятельности. Кроме того, сборник может быть рекомендован для подготовки специалистов в области музеологии, истории, культурологии, литературоведения и других областей знания.

Канд. пед. наук *Л.М. Шляхтина*,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО,
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ (XVII–XXI вв.)**

Конференция проводилась в Новосибирском академгородке 28–29 ноября 2016 г. Ее организатором выступал Институт истории СО РАН. Научный форум был приурочен к 50-летию со дня создания института. Юбилейная дата послужила поводом для подведения некоторых итогов деятельности института и определения дальнейших перспектив, что нашло отражение в содержании докладов и работе конференции, как пленарного заседания, так и секций.

Конференцию открыл директор Института истории СО РАН – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН В.А. Ламин. Во вступительном слове он кратко рассказал об истории научного учреждения. Идея создания в Сибирском отделении Академии наук СССР самостоятельного гуманитарного института зародилась в начале 1959 г., когда при Президиуме СО АН СССР была создана Постоянная комиссия по общественным наукам. Следующим шагом в этом направлении стала организация в марте 1961 г. в Институте экономики и организации промышленного производства отдельной ячейки историков – сектора истории промышленности. Практически сразу же после появления сектор приступил к подготовке многолетней «Истории Сибири», выступив при этом координатором сибирских историков, работавших в вузах и других учреждениях. Уже в следующем году сектор был преобразован в Отдел гуманитарных исследований.

В ноябре 1963 г. Президиум СО АН СССР принял решение «Об организации Института общественных наук СО АН СССР». Однако процесс подготовки и утверждения решения затянулся на три года. Только 23 декабря 1966 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации Института истории, филологии и философии СО АН СССР на базе Отдела гуманитарных исследований ИЭиОПП. Возглавил институт чл.-кор. АН СССР (с 1968 г. академик) А.П. Окладников. В состав ИИФФ вошли три отдела: истории (руководитель – А.П. Окладников), филологии (руководитель – В.А. Аврорин), и философии (руководитель – Г.А. Свечников).

Первым значимым успехом научного коллектива ИИФФ СО АН СССР стала пятитомная «История Сибири», увидевшая свет в конце 1960-х гг. и вскоре удостоенная Государственной премии СССР.

На базе института сформировалась система воспроизводства кадров. В 1962 г. в Новосибирском государственном университете открылся гуманитарный факультет. На базе института и гуманитарного факультета сформировался единый научно-учебный комплекс, обеспечивший непрерывное развитие актуальных исследований.

В ходе археографических исследований, охвативших огромную территорию от Урала до Лены и от Заполярья до Памира и Тянь-Шаня, удалось выявить и собрать ценнейшие рукописные и старопечатные книги. Достижения сибирских археографов под руководством академика Н.Н. Покров-

ского закрепили за Новосибирском статус третьего (после Москвы и Ленинграда) археографического центра страны.

Исторические исследования вобрали в себя широкий спектр проблем с преобладанием социально-экономической тематики. Впервые в отечественной историографии были подготовлены и опубликованы 4-томная «История рабочего класса Сибири» и 5-томная «История крестьянства Сибири».

В 1983 г. институт возглавил ученик А.П. Окладникова – чл.-кор. АН СССР А.П. Деревянко (с 1987 г. – академик). Под его руководством историки активно участвовали в разработке и реализации целевых научно-исследовательских программ «Сибирь» и «Исторический опыт освоения Сибири».

В 1990 г. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР был разделен на четыре института: Институт археологии и этнографии (директор – академик А.П. Деревянко), Институт истории (директор – чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкин), Институт филологии (директор – чл.-кор. РАН А.Б. Соктоев), Институт философии и права (директор – чл.-кор. РАН В.И. Бойко).

Под руководством первого директора Института истории – чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина – произошло оформление структуры института и вспомогательных служб, создание Ученого и Диссертационного советов. С 1998 г. Институт истории СО РАН возглавляет д-р ист. наук, чл.-кор. РАН (с 2000 г.) В.И. Ламин – ведущий специалист по истории социально-экономического развития Сибири и России.

В процессе реализации научно-исследовательских программ многие историки приобрели необходимый опыт и знания, стали крупными специалистами-сибироведами. Во время работы в институте 35 чел. защитили докторские диссертации. Сотрудниками института опубликованы сотни монографических исследований.

За 50 лет Институт истории СО РАН прочно вошел в число ведущих научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля, является основным координатором исследований в Сибирском регионе по историческим наукам. Институт сотрудничает с ведущими научными центрами как в стране, так и за рубежом, издает всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки в Сибири», готовит кадры для научных организаций и вузов Сибири и России. Ученые института продолжают развивать богатые традиции, накопленные в предшествующие годы.

На пленарном заседании конференции были заслушаны приветствия от властных региональных структур, научных учреждений гуманитарного профиля, высших учебных заведений. Институт поздравили с юбилеем председатель Сибирского отделения Российской академии наук – академик РАН А.Л. Асеев, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН – академик РАН А.П. Деревянко, начальник департамента образования, культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска А.В. Терешкова,

директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета – д-р ист. наук, профессор А.С. Зуев, директор Института филологии СО РАН – д-р. филол. наук, профессор И.В. Силантьев, заведующая кафедрой наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета, вице-президент Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона – д-р ист. наук О.Н. Труевцева, заместитель директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН – д-р ист. наук А.М. Плеханова, заведующая лабораторией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – д-р ист. наук, профессор О.В. Дьякова, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева – З.Е. Кабульдинов, директор Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета – д-р ист. наук О.Н. Катионов, заведующий кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета – д-р ист. наук, профессор В.А. Скубневский, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета – д-р ист. наук, профессор В.П. Зиновьев, заведующая Музейным центром «Информационно-аналитический центр культуры и туризма» – канд. ист. наук И.В. Чувилова.

Затем был заслушан доклад д-ра ист. наук Н.Д. Зольниковой о научно-организаторской деятельности выдающегося историка, крупнейшего специалиста в области русской истории феодального периода и археографии академика РАН Н.Н. Покровского. Он работал в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1990 г. – в Институте истории СО РАН) с 1965 г. и до последних дней своей жизни (13.10.2013 г.). Николай Николаевич сделал очень многое для развития института, являясь заведующим сектором археографии и источниковедения, заместителем директора по научной работе, членом президиума СО РАН, советником РАН.

В центре внимания докладчика оказалась работа Н.Н. Покровского в качестве заведующего сектором в 1960–1970-е гг. В этот период ученым ежегодно организовывались археографические экспедиции в Сибирь, благодаря которым на государственное хранение было поставлено огромное количество уникальных рукописей и старопечатных книг. Эти находки, по словам академика Д.С. Лихачева, фактически обеспечили археографическое открытие Сибири. С 1975 г. под руководством Н.Н. Покровского стала издаваться серия «Археография и источниковедение Сибири». В настоящее время опубликовано 36 томов серии, каждый из которых составлялся из статей, посвященных исследованию источников, вновь вводимых в научный оборот.

Три последующих доклада на пленарном заседании были посвящены обсуждению социально-экономических, культурологических, политических проблем Азиатской России и сопредельных территорий. Под термином «Азиатская Россия» понимаются территории, расположенные восточнее Урала, т.е. Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Они занимают три четверти всей территории России.

Огромные запасы самых различных природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока более трех веков после присоединения этих регионов к России почти не осваивались. Крупномасштабное вовлечение их в хозяйственный оборот

произошло лишь в XX в., после успешной реализации проекта строительства Транссибирской магистрали и столыпинской аграрной реформы, что обеспечило значительный рост демографического и экономического потенциала региона.

Уже в советское время, в годы первой пятилетки, был реализован проект по созданию Урало-Кузнецкого промышленного комбината. В годы Великой Отечественной войны в Азиатскую Россию, прежде всего в Западную Сибирь, было эвакуировано более 300 заводов и фабрик. Их восстановление существенно изменило отраслевую структуру промышленного производства в регионе.

С середины 1950-х гг. хозяйственное освоение восточных районов России стало осуществляться более широким фронтом. Еще через 20 лет начался новый этап строительства Байкало-Амурской магистрали. Сооружение железной дороги дало мощный импульс хозяйственному освоению прилегающих к ней сибирских и дальневосточных территорий. К реализации еще более грандиозного проекта, связанного с добычей нефти, а затем и газа, приступили в 1960-х гг.

В постсоветское время отношение центральной власти к Сибири и Дальнему Востоку как к колонии, служащей ресурсно-сырьевым резервуаром, стало еще более заметным. Разрыв в уровне жизни между жителями восточных и центральных регионов России за последнюю четверть века усилился. Глубокий контраст между природными богатствами и уровнем жизни населения, заметно уступающим европейским районам России, вынуждает многих жителей уезжать из восточных регионов. Миллионы людей навсегда оставили этот край. Данный факт беспристрастно зафиксировали переписи населения 2002 и 2010 гг.

Эти и многие другие проблемы обсуждались учеными на научной конференции в Новосибирске. Гость, приехавший из Казахстана, д-р ист. наук З.К. Кабульдинов выступил с докладом, подготовленным совместно с д-ром ист. наук Е.Б. Сыдыковым. Изучив историю кочевания казахов Тобольской и Томской губерний в Кулундинской степи во второй половине XIX в., они показали сложные условия жизни степняков в связи с их правовой незащищенностью во время пребывания на выделенных территориях. Существовал целый ряд бюрократических предписаний, за нарушение которых казахи могли быть подвергнуты немедленной высылке из мест кочевания. Непосильным для них оказался и налог – шестирублевая плата в пользу Кабинета и государственного казначейства.

Краткая история колонизации Сибири и проблемы управления этой огромной территории с XVII в. и до настоящего времени были освещены в докладе д-ра ист. наук М.В. Шиловского, показавшего, что хозяйственное развитие региона происходило в контексте колонизационной парадигмы как непрерывный процесс государственно-организованных миграций. Такая практика порождала областническую тенденцию как течение отечественной общественно-политической мысли. По мнению ученого, в рамках поиска эффективной модели эволюционного перехода к демократии и многоукладной экономике наше общество в очередной раз столкнется с проблемой децентрализации управления громадными территориями. Он считает, что именно децентрализация и регионализация управления являются объективными закономерностями процесса реформирования.

Доклад д-ра ист. наук В.П. Зиновьева стал логическим продолжением темы, затронутой М.В. Шиловским. Рассматривая современное геополитическое положение Сибири в России и мире, В.П. Зиновьев отметил, что регион обладает значительными природными и интеллектуальными ресурсами для того, чтобы стать одной из наиболее перспективных развивающихся территорий планеты. Пока же, по мнению автора, Сибирь, как это было и раньше, остается «главным лабазом страны», основным валютным цехом и поставщиком денег в федеральный бюджет. Василий Павлович считает, что России следует ожидать от сильных стран мира попыток поставить под свой контроль ресурсы Сибири. Центральной власти следует менять свою политику в отношении региона. В частности, в нем нужно оставлять больше денег, а не изымать 95 % дохода. Помимо этого, для ускорения экономического развития регион нуждается в увеличении численности населения, в том числе за счет притока мигрантов.

Обсуждению этих и многих других проблем была посвящена работа восьми секций. На секции «Источниковедческие и археографические исследования отечественной истории», оказавшейся самой многочисленной, серия докладов была представлена сотрудниками Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, областных библиотек Новосибирской и Иркутской областей. Многие из выступающих рассказали о судьбе уникальных старопечатных книг, об интересных историях, описанных в них. Такие сюжеты освещены в выступлениях канд. филол. наук А.Ю. Бородихина, С.М. Ермоленко. Д-р филол. наук Л.И. Журова посвятила свой доклад Сибирскому летописному своду, а канд. филол. наук Л.В. Титова подняла вопрос о необходимости нового издания «Жития протопопа Аввакума» и рассказала о проблемах, с которыми приходится при этом сталкиваться. Канд. искусствоведения Т.Г. Казанцева осуществила типологию старообрядческих гектографированных изданий музыкально-теоретических руководств. Канд. филол. наук Т.Н. Илюшечкина постаралась показать роль владельческих знаков в провении-исследовании старопечатных европейских книг кенигсбергского происхождения, хранящихся в ГПНТБ СО РАН. Канд. филол. наук И.А. Шилова рассказала о Списках Пролога в собрании М.Н. Тихомирова, хранящихся в ГПНТБ СО РАН. Канд. ист. наук И.П. Бедулина поделилась опытом изучения и популяризации издания кирилловского шрифта XVII в. в Педагогическом институте Иркутского государственного университета. О том, как на основе библиографического указателя карт Сибири, составленных с XVII до начала XX в., развивался процесс научно-картографического освоения региона, говорилось в докладе д-ра ист. наук О.Н. Катионова. Д-р филол. наук Т.В. Панич показала, какое место отводилось теме христианского воспитания в сочинениях писателей патриаршего круга во второй половине XVII в. Тематика книжной культуры сибиряков, в том числе старообрядцев, освещалась в выступлениях д-ра ист. наук Н.С. Гурьяновой, д-ра филол. наук О.Д. Журавель, канд. ист. наук Н.А. Старухина.

Широкий комплекс проблем обсуждался на секции «Социально-экономическое развитие Сибири». В докладе канд. ист. наук Е.А. Строговой было показано, как усиливалась роль Якутии с ее пушниной, железными, медными, золотыми и серебряными рудами в экономическом

пространстве России в XVIII в. Отношение российского правительства к торговле людьми, источники формирования «ясыря», происхождение этого социального феномена и этнический состав нашли отражение в выступлении канд. ист. наук И.П. Каменецкого. Три доклада (канд. ист. наук А.К. Кириллова, канд. ист. наук Н.Г. Суворовой, канд. ист. наук Д.А. Ананьева) были посвящены различным сторонам великого сибирского переселения второй половины XIX – начала XX в. При этом Д.А. Ананьев рассказал о том, как этот процесс отражался в англо-американской и немецкой историографии.

Анализ инвестиционной политики государства за годы советской власти позволил д-ру ист. наук А.А. Долголюку показать, как на разных исторических этапах изменялось отношение руководства страны к проблеме социально-экономического развития Сибири. Строительной проблематике посвятил свое выступление д-р ист. наук Г.А. Реут. Он раскрыл особенности жилищного и культурно-бытового строительства в сибирских «закрытых городах» Министерства среднего машиностроения в 1950–1980-х гг. Цели, задачи и особенности геополитической стратегии Российского государства в Арктике и Северном Ледовитом океане в XX в. рассмотрела в своем докладе канд. ист. наук А.И. Тимошенко. По ее мнению, стержнем этой политики было обеспечение надежной защиты страны на северных границах. Канд. ист. наук Р.Е. Романов попытался обосновать идею о том, что «рабочая история» сибирского тыла в начале XXI в. превратилась в одно из перспективных направлений развития отечественной исторической науки. Г.А. Гряникова, подготовившая свой доклад совместно с д-ром ист. наук Е.В. Демчик, попыталась выявить соотношение государственной торговли и «черного рынка» в снабжении населения Алтайского края в 1960–1980-е гг.

Не менее плодотворно работала секция «Аграрная история Сибири». Выступления ее участников охватывали широкий хронологический период – с середины XIX до конца XX в. Д.И. Самохов на конкретных примерах показал возможности использования приговоров волостных судов для изучения девиантного поведения русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Причины появления трудовых коммун в Екатеринбургской губернии в 1920–1924 гг., отношение к ним сельских обществ попыталась проанализировать в своем докладе канд. ист. наук О.М. Семерикова. О ходе и итогах хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в Западной Сибири доложил канд. ист. наук В.Б. Лапердин. По его мнению, изъятие чрезмерно большой части урожая у крестьян приводило к дефициту продовольствия в регионе и даже к голоду части сельских жителей. Примерно такие же мотивы прозвучали в выступлении А.В. Рыкова. Он рассказал о тяжести установленных для крестьян в военное время обязательных поставок, о суровых мерах наказания за недоимки по установленным налогам. Канд. ист. наук С.Н. Андреев проанализировал причины, основные тенденции и результаты преобразований колхозной системы в первые постсталинские годы. Канд. ист. наук Д.С. Орлов предпринял попытку выявить этапы и подвести итоги развития растениеводства в Томской области в 1960-е – первой половине 1980-х гг. Заключительным на этой секции стал доклад д-ра ист. наук В.А. Ильиных. Проведенный им анализ развития

сельского хозяйства Западной Сибири в 1960–1980-е гг. позволил сделать вывод, что структура этой отрасли экономики была недостаточно диверсифицированной и сбалансированной. Одним из следствий этого стало ухудшение продовольственного снабжения населения региона.

Широкий спектр проблем обсуждался на секции «Социально-культурная сфера Сибири». Тематика докладов была очень разнообразной, что определялось обширностью содержания самого термина «социально-культурная сфера»: были затронуты темы начиная от культурного развития Сибири до использования региона как территории ссылки. В докладах канд. ист. наук И.Н. Мамкиной и д-ра ист. наук В.И. Исаева была поставлена интересная и важная проблема детерминированности культуры Сибири ее географическими и геополитическими особенностями, которая была раскрыта на характеристиках системы общего образования в Восточной Сибири в XIX в. и на влиянии культурного уровня рабочих Сибири на развитие индустриализации в первой половине XX в. Канд. ист. наук Е.Н. Туманик в своем выступлении, основанном на документах, связанных с судьбой И.Д. Якушкина, обратилась к теме декабристов, которая является неотъемлемой частью сибирской истории. О формах проведения досуга жителями провинциальных городов на рубеже XIX–XX вв. и об изменениях в этой сфере повседневной жизни в это время рассказала молодой исследователь А.В. Аксенова. В качестве примера ею был взят небольшой сибирский город – Енисейск. В докладе канд. ист. наук Т.А. Кискидосовой рассмотрены проблемы взаимодействия местного сибирского населения с уголовными ссыльными во второй половине XIX в.

Д-р ист. наук С.А. Красильников посвятил свой доклад истории формирования в Новосибирском академгородке научного центра по изучению культуры и интеллигенции, представлению конкретных научных результатов, полученных в этой области. Канд. ист. наук Н.А. Куперштох сделала доклад об академике Е.И. Шемякине – выдающемся геомеханике современности, прекрасном организаторе и руководителе фундаментальных научных проектов, крупных исследовательских коллективов

Д-ром социол. наук С.Б. Орловым была поставлена проблема нового осмысления некоторых понятий и методологии исследования социально-культурной сферы общества, очищения научного аппарата историков от идеологического наследия советского времени. В связи с этим развернулась дискуссия об определении одного из ключевых понятий социально-культурных исследований – «интеллигенция». Большинство участников не согласилось с Сергеем Борисовичем, что «интеллигенция», как некая реальная социальная группа в современном обществе, «существует лишь на периферии распадающегося гуманитарного знания», как и с его мнением, что это понятие в период президентства Б.Н. Ельцина растворилось в мифологеме «элита». В то же время было признано, что данное понятие нуждается в более строгом и четком определении, которое позволило бы развести функции бюрократии и непосредственно социального слоя, выполняющего профессиональные функции выработки и трансляции культуры.

Серия статей, заслушанных на секции «Общественно-политические процессы в восточных районах России», была

посвящена возросшей социальной мобильности населения страны в первой трети XX в. Канд. ист. наук В.М. Рышков считает, что Первая мировая война породила особую политическую ситуацию, когда для личности открылись невиданные со времен Первой русской революции возможности проявить себя на поприще общественной деятельности. Участие в ней позволяло людям почувствовать сопричастность к судьбе страны, продемонстрировать лояльность к власти. Значительная часть интеллигенции и предпринимателей вошла в состав различных общественных организаций. Огромные возможности открылись для перемены социального статуса после установления в России советской власти. Д-р ист. наук В.И. Шишкин доложил об активизации процесса социальной мобильности в стране в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу. Со службой огромной массы россиян, прежде всего крестьянства, в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии связал этот же процесс канд. ист. наук Д.Г. Симонов. По мнению канд. ист. наук А.И. Савина, этому же способствовали изменения в советской общеобразовательной школе, переход с начала 1930-х гг. ко всеобщему семилетнему образованию. С ростом образовательного уровня молодежи повышалась как территориальная, так и социальная мобильность населения региона. Анализ, динамики численности депутатского корпуса Советов в СССР в 1929–1941 гг., выполненный канд. ист. наук Д.Л. Шереметьевой, позволил ей выявить сокращение количества советских депутатов на 20 %. По мнению историка, основными причинами этого стали централизация и упорядочение системы управления, а также административно-территориальные изменения, произошедшие в стране. Д-р ист. наук И.М. Савицкий рассказал об общественно-политических настроениях работников предприятий оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Большой интерес вызвал доклад канд. полит. наук А.А. Кирева, считающего, что назрела необходимость реформирования пограничной политики на Дальнем Востоке и создания такой нормативной модели, которая бы отвечала перспективным планам по развитию трансграничных отношений в регионе.

Заседание секции «Межэтническое взаимодействие народов Азиатской России» открылось докладом д-ра ист. наук Н.П. Матхановой, посвященным проблеме конфессиональной и этнической идентичности бурят в представлениях православных миссионеров XIX в. Она отметила, что долгая дискуссия двух сторон закончилась тем, что начальное обучение бурят, богослужение и проповеди стали вестись на их родном языке. Однако это не помешало активному распространению среди «иногородцев» русской грамоты. Д-р ист. наук Т.Г. Недзелюк на основе нормативно-правовых актов Российской империи и архивных материалов рассказала о возможности смены конкретными людьми различных национальностей своей конфессиональной принадлежности и о мотивах перехода из одного вероисповедания в другое. М.А. Гордеева в своем выступлении пыталась оценить значение этнического фактора в конфликтах переселенцев и старожилов Сибири на рубеже XIX и XX вв. Попытку определить влияния монгольского «соседства» на структуру и темпы развития экономики Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. предприняла д-р ист. наук А.М. Плеханова. Она

считает, что стремление Советского государства вовлечь Монголию в орбиту своего влияния способствовало ускоренному экономическому развитию Бурятии. Это особенно ярко проявилось уже в следующее десятилетие, когда республика вступила в период форсированного промышленного роста. Канд. филол. наук М.И. Грицко проанализировала некоторые аспекты ценностных установок российской молодежи в контексте проблемы трансформирующейся этнокультурной самоидентификации.

Большая часть докладов секции «Освоение историко-культурного наследия Евразии» была посвящена вопросам изучения и трансляции наследия в контексте развития музейного мира, его сопряженности с проблемами идентичности, поиску эффективных форм внедрения научных результатов в социокультурную практику. Канд. ист. наук И.В. Чувилова в своем докладе выделила актуальные направления развития современного музейного мира, обратив внимание на необходимость тщательного научного отбора источников и экспонатов для музейного пространства, именно таких, которые способны передать идентичность местных сообществ, будут восприняты и окажутся привлекательными для новых поколений. Исторический опыт по созданию музейной инфраструктуры в Новосибирском научном центре был обобщен д-ром ист. наук Г.М. Запороженко. Благодаря созданным в нем социокультурным комплексам, считает она, Академгородок отличается высоким уровнем организации культуры, жизнедеятельности и соответствует своему официальному статусу исторической достопримечательности регионального значения. Опыт работы музеев г. Новосибирска был представлен сразу в четырех докладах (канд. ист. наук Н.Н. Покровский, канд. ист. наук Л.В. Котович, М.Д. Мелешко, А.Е. Овчинникова). Выступающими была обобщена теоретическая и практическая работа по организации Музея науки и техники СО РАН, практика образовательной деятельности музея «Заельцовка», филиала Музея города Новосибирска в Железнодорожном районе, представлены новые интерактивные методы организации экспозиционно-выставочного пространства. Д-р ист. наук О.Н. Шелегина проанализировала современные тенденции в развитии музейного мира Китайской Народной Республики, отметив, что в этой стране наблюдается «музейный бум», формируется своеобразный алгоритм освоения историко-культурного наследия. По ее мнению, китайский опыт следует изучать и распространять на евразийском континенте. Было решено поддержать социокультурную инициативу, предложенную

в выступлении Е.А. Ковешниковой, об организации Музейно-выставочного комплекса Кемеровского государственного института культуры с целью актуализации историко-культурного наследия вуза, оптимизации деятельности его музеев. Д-р ист. наук О.Н. Труевцева в ходе обсуждения докладов секции, связанных с проектом «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе», подчеркнула значимость этого проекта в развитии интеграционных процессов по освоению наследия Евразии.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы отдельных секций и конференции в целом. На конференцию съехались научные и педагогические работники из 24 городов России и Казахстана. Из 140 заявленных докладов было заслушано 89 докладов. Среди участников и гостей оказалось два действительных члена и один член-корреспондент РАН, 35 докторов наук и 41 кандидат наук.

Участники пленарного заседания отметили высокий методологический и научный уровень представленных докладов, их социальную и историографическую актуальность, а также особую атмосферу конференции, на которой собрались коллеги, заинтересованные в обсуждении научных проблем. Отмечена такая отличительная черта конференции, как многообразие тем и направлений. На восьми секциях выступали не только историки, но и представители филологических, философских, экономических, социологических, политических и юридических наук, что позволило расширить круг обсуждаемых проблем, связанных с прошлым и настоящим Азиатской России.

От участников конференции поступило предложение – продолжить кооперацию исследований сибирских, дальневосточных и уральских ученых, их многолетнее сотрудничество при изучении проблем социально-экономического, политического, демографического и культурного развития Азиатской России. Были высказаны пожелания, касающиеся дальнейшего обновления и совершенствования методологии и методики исследований, более полного учета региональных особенностей обширного региона при проведении исторических исследований.

Д-р ист. наук А.А. Долголюк,
д-р ист. наук В.И. Исаев,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск

50 ЛЕТ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Всероссийская научная конференция «Сибирские строители: события и судьбы»

25–26 ноября в г. Сургуте состоялась Всероссийская научная конференция «Сибирские строители: события и судьбы», посвященная истории строительной отрасли на Тюменском Севере. Инициатором и организатором ее проведения стал Сургутский государственный университет (СурГУ). Конференция была приурочена к юбилейной дате – 50-летию строительной индустрии Югры (Ханты-Мансийского автономного округа) – главного нефтедобывающего района страны. Особое значение в истории строительной индустрии «Третьего Баку» имел 1966 г., в течение которого были образованы тресты «Сургутгазстрой», «Нефтеюганскгазстрой» и «Мегионгазстрой». С их созданием началось формирование структуры нефтегазовой строительной индустрии в северном округе.

География участников конференции включала ведущих отечественных специалистов по истории градостроительства и развития строительной отрасли России и Сибири – историков, строителей, архитекторов из 16 городов страны: Москвы, Саратова, Новосибирска, Томска, Иркутска, Тюмени, Нижневартовска, Сургута и других городов.

В конференции приняли участие ректор СурГУ, профессор, доктор педагогических наук С.М. Косенок, депутат Государственной Думы РФ А.Л. Сидоров, председатель Ассоциации строительных организаций Сургута А.М. Сафиоллин, генеральный директор ООО «Сибпромстрой-Югория» А.Ю. Сурлевич.

В центре внимания участников конференции были проблемы формирования и развития строительного комплекса Западной Сибири, становление которого связано с открытием крупнейшей нефтегазовой провинции на севере Тюменской области. Истории строительной индустрии региона, в том числе проблемам ее создания, наращивания кадрового потенциала, определения основных этапов развития этой отрасли, посвятили свои доклады доктор исторических наук А.А. Долголюк (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск), В.П. Карпов и Г.Ю. Колева (Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень), А.И. Прищепа (Сургутский государственный университет, г. Сургут). Они рассказали о создании первых строительных организаций в связи с добычей нефти, строительством новых жилых поселков. Были отмечены трудности в организации строительных предприятий и формировании их трудовых коллективов, прослежена динамика этих процессов уже на новых этапах создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, когда заметно увеличились масштабы капитального строительства, в том числе в связи с переходом к промышленному освоению газовых месторождений, сооружению целой системы нефте- и газопроводов. А.А. Долголюк отметил высочайшие темпы роста численности строителей в регионе. В результате этого доля тюменских строителей с 1963 по 1999 г. в составе

кадрового потенциала строительной индустрии Западной Сибири выросла с 8 до 41 %.

В выступлениях участников и гостей конференции много говорилось о том, что среди руководителей строительных организаций оказалось много инициативных, высококвалифицированных специалистов, чьи способности и энтузиазм позволили в сложнейших условиях выполнять производственные задания, имеющие важную государственную значимость. Идея значимости и роли человеческого фактора в индустриальном освоении Севера звучала в докладе д-ра ист. наук Н.Ю. Гавриловой (Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень) и других участников.

На секции «Строительная отрасль Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и Ханты-Мансийского автономного округа» выявилась неоднозначная позиция докладчиков по вопросу периодизации развития строительной индустрии нефтегазового Тюменского Севера. Вопрос о начальной точке отсчета ее создания, критериях в определении этапов ее развития стал предметом оживленной дискуссии историков. Так, по мнению профессора Г.Ю. Колевой, становление строительной отрасли региона было связано с созданием первой строительной организации в пос. Березово (ХМАО), после открытия Березовского газового месторождения в 1953 г. Профессора В.П. Карпов и А.И. Прищепа датой начального этапа строительной отрасли ХМАО считают 1964 г. – начало добычи нефти в Тюменской области. Они подчеркивают тесные взаимосвязи процессов формирования строительной и нефтегазовой отраслей промышленности на Тюменском Севере.

Одним из важных направлений работы конференции стал анализ тех проблем в развитии строительной индустрии, с которыми пришлось столкнуться на этапе «закладки ее фундамента». Объективные трудности были обусловлены нехваткой кадров, отсутствием опыта строительства в условиях топи болот и бездорожья, в суровом климате. Тем более значимыми были достижения строителей. Это нашло отражение в цифрах, графиках и таблицах, представленных участниками конференции. Наряду со статистическими данными, свидетельствующими о значении строительного комплекса в формировании крупнейшего нефтегазодобывающего региона страны и мира, большое внимание в выступлениях уделялось человеческому фактору, роли руководителей строительной отрасли, прежде всего, первого руководителя Главтюменнефтегазстроя А.С. Барсукова. Во многом благодаря этому легендарному человеку появилась мощная структура Тюменского строительного комплекса, с деятельностью которой было связано обустройство нефте- и газопромыслов, жилищное и гражданское строительство, сооружение нефте- и газопроводов, дорог, аэропортов, энергетики, создание самой базы строительной промышленности.

Роль человеческого фактора в освоении Севера Западной Сибири, особенности ментальности «сталинского поколения» и поколений 1960–1980-х гг. стали главным лейтмотивом выступления профессора Н.Ю. Гавриловой. Она акцентировала внимание на необходимости обращения к воспоминаниям современников, которые бы позволили воссоздать картину освоения и отразить «дух времени».

Неординарный подход к изучению формирования и эволюции образа строителя в районах нового промышленного освоения (РНПО) Тюменского Севера по материалам периодической печати первой половины 1960-х гг. продемонстрировал сургутский исследователь, канд. ист. наук И.Н. Стась.

В первый день проведения конференции были рассмотрены различные аспекты капитального строительства в городах-новостройках Тюменского Севера: создание базы строительной индустрии, транспортное и энергетическое, жилищное и социокультурное строительство. Участники конференции пришли к единодушному мнению в оценке роли строителей в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: темпы развития региона зависели в первую очередь от мощности строительных организаций. Без оценки труда строителей невозможно говорить о развитии экономики и всех сфер жизнедеятельности огромного Тюменского региона.

Особую атмосферу конференции придало участие в ней непосредственных героев градостроительного освоения северного региона – строителей и архитекторов, таких как д-р архитектуры, д-р ист. наук, профессор М.Г. Меерович (г. Иркутск), кандидаты архитектуры А.Н. Клевакина и С.С. Духанов (г. Новосибирск).

Второй день работы конференции был посвящен истории строительства в России, Сибири и самом Сургуте. В докладах был представлен анализ исторического опыта развития строительного дела в различных регионах страны – от Дальнего Востока до Кавказа. Темы докладов позволили определить специфику жилого и промышленного строительства в дореволюционный период (на примере Оренбургских крепостей, Томской и Тобольской губерний), рассмотреть проблему формирования инженерно-технических кадров для строительной индустрии, проанализировать особенности решения жилищной проблемы в годы сталинской индустриализации, раскрыть трудности капитального строительства в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие.

Наибольший интерес на секции «История строительной промышленности в Сибири и России» вызвали доклады, посвященные проблемам формирования строительной

отрасли в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (канд. ист. наук Л.Б. Щавинская, г. Томск), процессам индустриализации в СССР и жилищно-первостроительным городам-новостройкам (д-р ист. наук, доктор архитектуры М.Г. Меерович, г. Иркутск), организации проектирования и застройки городов Западной Сибири в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) (канд. архитектуры С.С. Духанов, г. Новосибирск).

История строительной отрасли г. Сургута излагалась в выступлениях, посвященных проблемам проектирования и строительства этого города, сооружения ГРЭС, возведения объектов соцкультбыта, строительства дорог и аэродромов.

Участниками конференции обсуждались также теоретико-методологические и гуманитарные проблемы истории отечественной строительной промышленности. Была показана значимость привлечения новейших теоретико-методологических подходов для расширения исследовательского поля и полноценной репрезентации истории строительства в России.

Конференция прошла в форме творческого диалога, что во многом было связано с атмосферой заинтересованного обсуждения затронутых проблем. Участники дискуссии высказывали разные позиции по вопросу о критериях периодизации, объективности таких источников информации, как воспоминания современников, советская периодика. Форум продемонстрировал необходимость создания научно-дискуссионной площадки для коммуникации между учеными-историками, гуманитариями и строителями-практиками. Всеми участниками конференции была признана особая роль строительной отрасли в развитии регионов и Российского государства в целом, отмечен положительный опыт проведения подобных научных форумов.

Подводя итоги, участники конференции согласовали общую научную позицию относительно исторического понимания задач развития отечественной строительной промышленности, выработали рекомендации, направленные на развитие диалога между научным сообществом и производственной элитой. Это способствовало бы не только проведению научных конференций по данной тематике, но и созданию трудов по истории строительных предприятий, подготовке сборников воспоминаний и документов, а также персоналий, посвященных выдающимся личностям – создателям отрасли; все это обеспечит сохранение исторической памяти освоения Сибири и Российского Севера.

Д-р ист. наук Н.Ю. Гаврилова,

д-р ист. наук В.П. Карпов,

Тюменский индустриальный университет

ПАМЯТИ Е.И. СОЛОВЬЕВОЙ

9 февраля 2017 г. на 93-м году жизни завершила свой земной путь доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета Е.И. Соловьева – крупный ученый-крестьяновед, старейшина сибирской истории, замечательный педагог и выдающийся организатор системы исторического образования в России. Коллеги по работе, многочисленные ученики Екатерины Ивановны безмерно скорбят по поводу ее кончины.

Родилась Е.И. Соловьева (в девичестве Лобанова) 25 мая 1924 в с. Глубокое Завьяловского района Алтайского края в крестьянской семье. В детстве пережила глубокую травму: родительская семья была «раскулачена» и безвинно депортирована в Нарымский край, где испытывала огромные трудности. По окончании неполной средней школы Екатерина обучалась в Колпашевском педагогическом училище, год работала заведующей Наунакской начальной школой Каргасокского района Томской области, затем была переведена в Усть-Чижапскую неполную среднюю школу преподавателем истории в 5–7 классах. Это событие и предопределило будущую судьбу педагога-историка.

В 1946 г. Е.И. Лобанова приехала в Новосибирск и поступила на исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ). «Училились мы жадно, с азартом», – вспоминала позже Екатерина

Ивановна. Судьба связала ее с новосибирским педвузом на 70 лет – на всю долгую и по большому счету счастливую профессиональную жизнь.

В 1950 г. Екатерина Ивановна окончила с отличием НГПИ и была оставлена в аспирантуре при кафедре истории СССР. Так началась у нее преподавательская работа со студентами-историками. В 1955 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы». Защита состоялась на кафедре истории СССР в Томском государственном университете. Ее заведующий, профессор И.М. Разгон – крупный ученый, талантливый педагог, душевный человек – оказал большое влияние на формирование научных интересов соискательницы. Со времени этой защиты у Е.И. Соловьевой установились тесные научные и дружеские контакты с докторами исторических наук А.П. Бородавкиным, В.С. Флеровым, М.Е. Плотниковой, З.Я. Бояршиновой, которые поддерживались на протяжении всей жизни этих известных ученых.

С 1955 по 1963 г. Екатерина Ивановна – старший преподаватель, затем доцент объединенной кафедры истории в НГПИ. Пришлось разрабатывать новый лекционный курс истории СССР эпохи капитализма, так как читаемый ею курс был передан другому преподавателю. Новый курс был тесно связан с проблемами научной работы, насыщался источниками, обнаруженными в архивах, был близок самому преподавателю, а поэтому вызывал интерес у студентов. Студенты охотно шли заниматься на спецкурсы и семинары, выступали с научными докладами на конференциях.

В 1963–1978 гг. Е.И. Соловьева руководила кафедрой истории СССР НГПИ. Она рассказывала: «Сложна и ответственна работа заведующего. Обновлялся коллектив кафедры. Нужно было создать и объединить большую группу специалистов высокой квалификации. Этому помогло утверждение единой темы научных исследований “Вклад крестьянства в освоение Сибири” и открытие в 1978 г. собственной аспирантуры, через которую прошло большинство преподавателей кафедры. Коллектив объединяло также внимание к разработке вопросов воспитания в процессе проблемного преподавания истории».

Руководя аспирантурой, Е.И. Соловьева создала известную в стране научную школу аграрников-сибиреведов, из которой вышли доктора наук В.А. Зверев, Т.И. Березина, Н.Н. Родигина и О.Н. Катионов, кандидаты наук З.П. Горьковская, К.Е. Зверева, Л.В. Котович, О.Н. Сидорчук, Н.А. Давыденко и др. Всего под научным руководством Е.И. Соловьевой защищено около 20 диссертаций. Поднят большой пласт ранее не изучавшихся проблем. Изданы сотни научных работ, в которых охарактеризованы разные стороны образа жизни и культуры сибирской деревни: переселенческое движение, народные традиции в промысловой и аграрной деятельности, семейный и общинный быт, демографические процессы, создание региональной транспортной и торговой

сети, приобщение деревни к грамоте и др. Сильной стороной работы кафедры стали установившиеся научные связи с родственными коллективами Томского, Новосибирского, Алтайского университетов, Московского, Иркутского, Омского, Барнаульского пединститутов, а особенно с секторами Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне – Институт истории СО РАН). Руководителей института академика А.П. Окладникова, члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина Екатерина Ивановна называла в числе своих учителей.

В 1975 г. в Объединенном ученом совете по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР Е.И. Соловьева защитила докторскую диссертацию «Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в.». В 1980 г. она была утверждена ВАК в ученом звании профессора по кафедре истории СССР. С июля 1978 г. по январь 1981 г. занимала в НГПИ пост проректора по научной работе. Эти годы стали временем выхода института в большую науку. По инициативе проректора было проведено укрупнение тематики научных исследований. Были заключены договоры о научном сотрудничестве с институтами Академии наук, академий педагогических, сельскохозяйственных, медицинских наук России. Открылись собственные аспирантуры, преподаватели вуза направлялись в аспирантуры Москвы и Ленинграда. Регулярными стали общепереходные, региональные, всероссийские и международные конференции преподавателей и студентов. Резко возросло количество публикаций, увеличилось количество защитившихся дипломированных работников в институте.

С 1981 по 1988 г. Екатерина Ивановна – ректор НГПИ. Ее деятельность как администратора становится заметной в масштабах страны. Ректор не только участвует в научно-практических совещаниях, семинарах ректоров в Москве, Смоленске, Ташкенте, Алма-Ате, Тбилиси, Махачкале, Луцке, Новгороде, Красноярске, но и руководит там секциями, формирует творческие коллективы по проблемам вузовской педагогики. НГПИ уверенно вошел тогда в число лучших педвузов страны. На его базе были проведены Всероссийское совещание проректоров по научной работе и Всесоюзное совещание ректоров. В 1980-х гг. НГПИ четырежды награждался переходящим знаменем правительств СССР и РСФСР, министерств просвещения СССР и РСФСР. В 1984 г. институт был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

В 1988 г. Е.И. Соловьева возвращается с поста ректора на заведование той же кафедрой истории СССР, которой руководила до ухода на административную работу. Работая в должности заведующей до 2009 г., она смогла собрать и объединить большой творческий коллектив специалистов высокой квалификации. Почти все преподаватели имеют ученую степень. Кафедра стала эффективным средоточием учебно-методической, научной, общественно-воспитательной работы. Ее сотрудники принимали активное участие в создании фундаментальных коллективных научных трудов – «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», «Истории крестьянства Сибири», энциклопедии «Новосибирск», «Исторической энциклопедии Сибири», двух поколений школьных учебников по истории Сибири.

Высокий научный и теоретико-методический потенциал кафедры влияет на организацию учебного процесса.

Это обнаруживается в единстве подходов преподавателей ко всем видам и формам учебных занятий, в углублении историографической и источниковедческой подготовки будущих специалистов. Ежегодно на кафедре готовят выпускные квалификационные работы до 100 студентов. Открыто обучение по нескольким магистерским программам. Лучшие из дипломников поступают в аспирантуру. Кафедра уделяет особое внимание повседневному сотрудничеству с органами управления образованием и общеобразовательными учреждениями Новосибирска и области. Преподаватели участвуют в аттестации школьных педагогов, курируют содержание общего исторического образования, сами работают учителями истории, читают спецкурсы в школах, гимназиях, лицеях. Кафедра ведет большую работу с учителями и учащимися по организации проектной и исследовательской работы. Ее преподаватели являются руководителями секций научно-практических конференций, организуют региональные и муниципальные туры Всероссийской предметной олимпиады школьников.

Многие специалисты, подготовленные под руководством Е.И. Соловьевой и ею непосредственно, связали свою профессиональную деятельность с вузовской педагогикой и за пределами кафедры – в различных институтах и факультетах НГПУ, в вузах Москвы, Новосибирска и других городов страны. Екатерина Ивановна участвовала в подготовке специалистов-историков, будучи также членом диссертационного кандидатского совета в НГУ (1985–1994 гг.) и докторского совета в Институте истории СО РАН (1991–2003 гг.).

Е.И. Соловьева всегда занимала активную общественную позицию. В 1960–1980-х гг. она была профсоюзным активистом, избиралась секретарем парторганизации факультета, членом парткома НГПИ, членом бюро Новосибирского обкома КПСС. В 1980–1988 гг. являлась депутатом Новосибирского городского совета народных депутатов, где беспрерывно руководила депутатской комиссией по народному образованию. В 1994 г. вошла в группу советников при Комитете по науке, высшему и среднему профессиональному образованию и региональной научно-технической политике администрации Новосибирской области. Много раз она получала благодарности, грамоты и почетные знаки отраслевого министерства, республиканских профсоюзов, администраций Новосибирской области и г. Новосибирска. Правительством страны она удостоена медалей «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «50-летие Победы в Великой Отечественной войне». В 1984 г. стала кавалером ордена Трудового Красного Знамени. С 1996 г. Екатерина Ивановна – действительный член Международной педагогической академии. Указом Президента РФ в 1997 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

«Человек-легенда», «эпоха в истории НГПИ», «образец ученого, педагога, русской женщины» – такие эпитеты звучали в траурных речах на похоронах Екатерины Ивановны. И это не было преувеличением. Сибирское сообщество историков и педагогов высшей школы понесло невосполнимую утрату.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.